

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК

ВОЛГА

5-6 2020

Литературно-художественный журнал

Иван Дубенсков
в военные годы

Владимир
Розовский
с другом

XXI ВЕК

ВОЛГА

5-6 2020

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амосин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей

САРАТОВ
2020

5-6 2020

СОДЕРЖАНИЕ

СОВЕТ МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ

Екатерина ЯКОВЛЕВА. **Мне сон был радостный и вещей...** 3

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

Владимир КРУПИН. **Русская мозаика.** 8

СТАТЬИ

Вячеслав ЛЮТЫЙ. **Ковчег** 43

ПОЭТОГРАД

Евгений ЮШИН. **Нам всё даровано с рожденья...** 49

ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА

Виктор САЗЫКИН. **Крутоверть беспробудная (Продолжение)** 56

ПОЭТОГРАД

Наталья БЕЛОЕДОВА. **Человек без лица** 120

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТУДИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Вероника БАРАНОВА. **Старое зеркало** 123

ОСТАНЕТСЯ МОЙ ГОЛОС

Григорий БОЛЬШУНОВ. **Доживу до весны** 128

ОТРАЖЕНИЯ

Артём ПОПОВ. **Терпеливица** 132

ПОЭТОГРАД

Олег СЕЛЕДЦОВ. **Времена года** 136

РЕЦЕНЗИИ

Андрей ПЕТРОВ. **«Тяга к родной земле».** 140

Елизавета МАРТЫНОВА. **«В диалоге земного с небесным».** 141

Елизавета МАРТЫНОВА. **«Всё то, что просто Родиной зовут...»** 143

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Ольга ЖОГЛО. **Из поэтического цикла «Выше слов»** 145

Светлана ДУРНОВА. **«Победа будет за нами!»** 149

Анна МОРКОВИНА. **История Ивана Михайловича Дубенкова,
лётчика-штурмовика, скромного героя
Великой Отечественной войны.** 154

Владимир РОЗОВСКИЙ. **«Судьба хранила нас...».** 158

Виктор СЕМЁНОВ. **Испытания военных лет...** 173

Фёдор ОШЕВНЕВ. **Мечта десантника** 182

Анатолий КРИЩЕНКО. **Чурек** 190

**Екатерина
ЯКОВЛЕВА**

МНЕ СОН БЫЛ РАДОСТНЫЙ И ВЕЩЬИ...

Вечер тянет бабу Надю
Сесть за пальцы в уголке,
Вышивает баба гладью
Клевер на льняном платке.

Вспоминает: в сорок пятом
За извиистой рекой
Собирали с младшим братом
Клевер красный луговой.

Слаще он всего на свете,
Огоньком горит в руках!
И свистит-гуляет ветер
В детских впалых животах...

Развалился – эх, предатель! –
Туесок с прогнившим дном.
И догнал их председатель,
По лопаткам бил кнутом...

Тот трилистник незабвенный –
Цветом крови на платке.
Снится бабе: немец пленный
Клевер варит в котелке.

-
- Екатерина Викторовна Яковлева родилась в 1986 году в городе Заполярный Мурманской области. Окончила Мурманский гуманитарный институт в 2009 году. В настоящее время живёт в Мурманске, работает в городской больнице скорой медицинской помощи в должности психолога. В 2003 году стала лауреатом I степени в номинации «Поэзия» премии губернатора Мурманской области имени Константина Баёва и Александра Подстаницкого за книгу «Неба неземное притяжение» (Мурманск, 2003 г.). В 2014 году – лауреат II степени в номинации «Поэзия» Всероссийского литературного форума имени Николая Гумилёва «Осиянное слово» в Переделкине. Лауреат конкурса имени Евгения Курдакова «Неопалимая купина» (2015 г.). В 2016 году стала лауреатом Всероссийской литературной премии Антона Дельвига за книгу «Дай мне целое» (Мурманск, 2015 г.). Публиковалась в журналах «Наш современник», «Север», «Наша молодёжь», «Лад», «Мир Севера», в китайском журнале «Иностранная литература и искусство» (№ 6, 2015 г.) Участница Первого двустороннего форума молодых писателей Китая и России (2015 г.), Шанхайской писательской программы (2016 г.), Третьего международного поэтического фестиваля во Вьетнаме (2019 г.). Член Союза писателей России.

Дед замерзает в кофте
Грубой и шерстяной.
Койку ему готовьте!
Он не пойдёт домой.
Сузился до палаты
Мир, что к молитвам глух.
Серые клочья ваты
Падают словно пух,
Мягко скользят по полу,
Пыль собирая в ком..
Он головою голой
Молча кивнёт – знаком
С тонкой полоской света,
Что, закрываясь, дверь
Вмиг поглотит, и это
Горше иных потерь.
Больше уже не спорит
Дням потерявший счёт.
Дед примеряет горе –
Впору ли, мол, не жмёт?

Мир кажется бессмысленной работой,
А не работой радостной Творца:
Вот с ёлочных игрушек позолота
Летит, как с крыльев бабочек пыльца.
Как мне с зимою этой примириться?
Я вижу, только сон коснётся век,
Как ворон над заснеженной страницей
Кружит и на лету глотает снег.
И клюв его распахнутый так жаден,
Он как воронка тянет белый свет.
Ты просишь: «Возвращайся, Бога ради...» –
А сам ведь говорил, что Бога – нет.

Среди оживших к лету нарядных дач
Магнитофон взрывался вчерашней песней,
Потёртый и отсыревший за зиму мяч
Из детских рук взлетал прямо в поднебесье.
Считали дружно, шёпотом: раз, два, три, –
А дальше – взмах рукою и заклинанье.
Один из нас приказывал всем: «Замри!»
И мы, застыв, стояли как изваянья.
То сон далёкий, трепетный... Наяву
Забята дача, мяч укатился в бездну,
Но это ликование – я живу! –
Острее от знания, что наконец исчезну.

Зачем в чужом мне городе до поры
Я просыпаюсь, как от внезапной боли,
Когда мне снова снится конец игры
И я – всё в той же странной, нелепой роли?
Квадрат окна бликует – там фонари
Нарочно вяжут в узел обрывки света...
И слышу я отчётливо: «Отомри!»
И мне осталось вспомнить, как сделать это.

Белобрысый парень Кольча
В знак того, что мы друзья,
Смастерил мне колокольчик –
Славный, да звонить нельзя.

Звук бежит – да и спотыкнётся,
Захлебнётся на бегу,
Ловит зыбкий лучик солнца
Дыркой в глиняном боку.

Несуразный, как хозяин,
Только память дорога!
Словно бы из света сваян,
А возьмёшь – дрожит рука.

Вдруг увидишь берег отчий,
Травы трогают плечо.
Кто услышит звон тот, Кольча,
Тот вернуться обречён.

Ступлю босыми в зверобой,
Укравший золото у солнца,
И детство, словно пёс слепой,
К колену моему прижмётся.

Не вздрагивай же, бог с тобой,
Мне сон был радостный и вещей,
Что где-то ждут меня домой,
Мои не убирают вещи.

Там, запрокинув вверх лицо,
Клён к небу тянется устало,
И время свёрнуто в кольцо –
Конец всё там же, где начало.

На дверце кованой печной
Чугунный конь сгибает шею...
На сердце, как на водопой,
Спешит и, припадая, млеет.

Нарисовать бы, только не умею,
Спасаясь этим от тоски и страха,
Цепочки лунный блик на смуглой шее,
Затерянный за воротом рубахи.
И твои пальцы, пахнущие «Примой»,
Дрожащие как будто бы на флейте...
Я говорила: жизнь проходит мимо,
А жизнь вся уместилась в том моменте,
Когда твои засушливые губы
Причиной жажды становились сами,
А дальше был лишь мир простой и грубый
С покинутыми где-то чудесами.

Вытряхиваю всё из кошелька,
Смотри, старик, и я могу быть доброй,
Хотя тащусь по свету, словно с торбой,
С душой пустою, как твоя рука.

Аккордеон закашлялся и смолк,
Ему минута только – отдышаться,
Скукожились рубли в дрожащих пальцах,
Монетка закатилась под сапог...

Поверишь ли, в тебе я узнаю
Далёкого родного человека,
Которого не видела полвека –
Лица почти не помню, но люблю!

Да, музыка – внутри, а не вовне,
И глухота к ней – тяжкое увечье,
Но мне её услышать было легче,
Когда ты руку протянул ко мне.

Я не знал, как это страшно –
В дом, где были мы вдвоём,
Приходить как в сон вчерашний,
Падая в дверной проём.

Тишину не нарушая,
Не включив в прихожей свет,
На пороге, как у края,
Понимать: тебя здесь нет.

Нет тебя... Что это значит?
Что за странный эпилог?
Сумасшедший, не иначе,
Выдумать такое мог!

Слышу лишь, как глухо, редко
Сердце рвётся сквозь висок.
И земля, как табуретка,
Вылетает из-под ног.

Уродился Гриня дураком.
Кирзачи надев на босы ноги,
Ходит по деревне с батагом,
Словно странник по большой дороге.

То поёт, кривляется, как шут,
То заплачет, в рукава сморкаясь,
Пожалеют мужики, нальют
Из бутылки, если что осталось...

Порвана рубаха на плече,
И соседи выгнали за двери.
Кто ему, бедняге, и зачем
Этот путь бессмысленный отмерил?

Муча сухарём беззубый рот,
Он пойдёт походкой воробьиной...
Вновь детей безжалостный народ
Забросает окна его глиной.

Жалобно наморщено лицо,
Волосы нечёсанные в сене...
Он вздохнёт и сядет на крыльцо
И гармонь поставит на колени...

Его пальцы словно мотыльки
Запорхают. Музыка живая
Разольётся с силою реки,
Ни конца не ведая, ни края.

Потечёт по полю, через лес
Горькое и светлое посланье...
На худой груди нательный крест
Задрожит от частого дыханья.

Он в минуту эту не один,
Будто кто с небес его приметил...
Эх ты, Гриня, Гриня, Божий сын,
И тебе есть музыка на свете.

**Владимир
КРУПИН**

РУССКАЯ МОЗАИКА

Журнальный вариант

Не знаю, будут ли кому интересны эти записи, но выбросить их не поднимается рука. В них много пережитого, выстраданного, память о встречах, поездках, житейские истории, разговоры, замыслы – всё о нашей любимой России. Тут заметки начала 60-х и есть сделанные только что. Думал: как назвать? Это же не что-то цельное, это практически груды бумаг: листки блокнотов, почеркушки, клочки газет, салфетки, программки. Да и груды не очень капитальные, много утрачено в переездах, в пожарах (у меня рукописи горят). Всякие просились названия: «Куча мала», «Отрывки из обрывков», «Конспекты ненаписанного», «Записи на бегу». Называл и «Жертва вечерняя», и «Время плодов», то есть как бы делал отчёт, подбивал итоги. Хотя перед кем и в чём? И кому это нужно? Детям? У них своя жизнь. Внукам? Тем более. Всё-таки печатаю и надеюсь, что найдётся родная душа, которой дорого то, что дорого и моей душе.

Вообще, просилось название «Крупинки»: и маленькие, и фамилия такая. А потом думал, да не всё ли равно, лишь бы прочли, и мне бы от этого стало повеселее.

Читать можно с любой страницы.

«КУЧА МАЛА», – так кричали мы в детстве, затевая битву «стенка на стенку». Налетали, сшибали друг друга с ног, сами валились. Кто был внизу, старался вырваться, вынырнуть и оказаться наверху. Кричал: «Я – главный!» Так и моя бумажная куча: какая бумажка оказывается сверху, та и на время главная.

У МЕНЯ БЫВАЛО: советовали редакторы взяться за так называемую «проходную» тему или просто переделать что-то

- Владимир Николаевич Крупин родился в семье лесничего в 1941 году. После окончания школы в 1957-м работал в газете, служил в армии. Член КПСС с 1961 года. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института. Работал учителем русского языка, редактором в издательстве «Современник». Первую книгу выпустил в 1974 году, но широкое внимание привлёк к себе в 1980 году повестью «Живая вода». Главный редактор журнала «Москва» в 1990–1992 гг. С 1994 года преподаёт в Московской духовной академии; с 1998 года – главный редактор христианского журнала «Благодатный огонь». Сопредседатель Союза писателей России. Многолетний председатель жюри фестиваля православного кино «Радонеж». Лауреат Патриаршей литературной премии, кавалер орденов Дружбы народов и Ф. Достоевского первой степени. Почётный гражданин Кировской области.

уже написанное, «сгладить углы», «спрятать концы», для моей же пользы советовали: книга выйдет – всё какая копейка на молочишко. Нищета же одолевала. Я даже и пытался переделывать написанное. Но Бог спасал – не шло. «Не могу, не получается, – говорил я, – лучше не печатайте». То есть бывало во мне малодушие – известности хотелось, благополучия, но, повторяю, Господь хранил от угождения духу века сего.

ТУНИС, ПОСОЛЬСТВО, пресс-конференция. Мы с Распутиным отвечаем на вопросы. Приходит записка: «Будьте осторожнее в высказываниях: в зале враждебные СМИ». Но что такого мы можем сказать? Какие секреты мы знаем? Скорее всего, чекисты посольства опасаются за своё место. Значит, есть что-то такое, что может повредить Советскому Союзу? Ничего непонятно.

«Нас объединяет культура, она независима от политики, систем устройства государств, есть единое общемировое движение человеческой мысли», – это один из нас. Другой: «Разделение в мире одно: за Христа или против Него».

Встреча долгая. Долгий потом ужин. Один из советников, подходя с бокалом: «О культуре очень хорошо, но о разделении немного неосторожно». – «А разве не так?» – «Так-то так. Но, может быть, рановато об этом?»

НИЧЕГО НЕ НАДО выдумывать. Да и что нам, русским, выдумывать, когда жизнь русская сама по себе настолько необыкновенна, что хотя бы её-то успеть постичь. Она – единственная в мире такого размаха: от приземлённости до занебесных высот. Все всегда не понимали нас и то воспитывали, то завоёвывали, то отступались, то вновь нападали. Злоба к нам какая-то звериная, необъяснимая – это, конечно, от безбожия, от непонимания роли России в мире. А её роль – одухотворить материальный мир.

А как это поймёт материальный мир, те же англичане? Да никак. Но верим, что Господь вразумит.

ВИНОВАТ И КАЮСЬ, что не смог так, как бы следовало, написать об отце и матери. Писал, но не поднялся до высоты понимания их подвига, полной их заслуги в том, что чего-то достиг. Ведь писатели-то они, а не я, я – записчик только, обработчик их рассказов, аранжировщик, так сказать.

И много в завалах моих бумаг об отце и матери. И уже, чувствую, не написать мне огромную им благодарность, чего-то завершённого, так хотя бы сохранить хоть что-то.

Читаю торопливые записи, каракули – всё же ушло: говор, жизненные ситуации, измерение поступков. Другие люди. «До чего дожили, – говорила мама, страдавшая особенно за молодёжь, – раньше стыд знали, а сейчас что дурно, то и потешно». «Да, – подхватывал отец, – чего ещё ждать, когда юбки короче некуда, до самой развилки. Сел на остановке на скамье, рядом она – хлоп, и ноги все голые. У меня в руках газета была, я ей на колени кинул: на, хоть прикройся. Она так заорала, будто режут её. И знаешь, мамочка, никто, никто меня не поддержал».

РАССКАЗ МАМЫ. Запишу рассказ мамы о предпоследнем земном дне отца.

«Он уже долго лежал, весь выболелся. Я же вижу: прижимает его, но он всю жизнь никогда не жаловался. Спрашиваю: «Коля, как ты?» Он: «Мамоч-

ка, всё нормально». А отойду на кухню, слышу: тихонько стонет. Весь высох. Подхожу накануне, вдруг вижу, он как-то не так глядит. «Что, Коля, что?» А он спрашивает: «А почему ты платье передела? Такое платье красивое». – «Какое платье, я с утра в халате». – «Нет, мать, ты была в белом, подошла от окна, говоришь: «Ну что, полегче тебе?» – «Да ничего, – говорю, – терпимо». Говоришь: «Ещё немного потерпи, скоро будет хорошо». И как-то быстро ушла. Говорю: «Отец, может, тебе показалось?» – «Да как же показалось, я же с утра не спал».

Назавтра под утро он скончался. Был в комнате один. Так же, как потом и мама, спустя восемнадцать лет, тоже на рассвете, ушла от нас.

Великие люди – мои родители.

ИГРАЛИ В «ДОМИК». Детство. И прятки, и ляпки, и догонялки – всякие игры были. До игры чертили на земле кружки – домики. И вот тебя догоняют, уже вот-вот осалят, а ты прыгаешь в свой кружок и кричишь: «А я в домике!» И это «я в домике» защищало от напасти. Да, домик – как мечта о своём будущем доме как об основе жизни. Идём с дочкой с занятием. Она вся измученная, еле тащится. Приходим домой – она прыгает. «Катечка, ты же хотела сразу спать». – «А дома прибавляются домашние силы».

И лошадь к дому быстрее бежит. И дома родные стены помогают.

СТЫДНО ПЕРЕД ДЕТЬМИ И ВНУКАМИ: им не видать такого детства, какое было у меня. Счастливейшее! Как? А крапиву ели, лебеду? А лапти? И что? Но двери не закрывали в домах, замков не помню. Какая любовь друг к другу, какие счастливые труды в поле, огороде, на сенокосе! Какие родники! Из реки пили воду в любом месте. А какая школа! Кружки, школьный театр, соревнования. Какая любовь к Отечеству! «Наша Родина – самая светлая, наша Родина – самая сильная».

ОТЧЕГО БЫ НЕ НАЧАТЬ с того, чем заканчивал Толстой, – с его убеждений? Они же были уже у старика, то есть вроде бы как бы у мудреца. А если он дикость говорит, свою религию сочиняет, то что? Чужих умов в литературе не займёшь. И не помогут тебе они ни жить, ни писать, ни поступать, как они. На плечи тому же Толстому не влезешь, да и нехорошо мучить старика. Это в науке – да, там плечи предшественников держат, оттого наука быстра, но литература не такая. Наука – столб, литература – поле, где просторно всем: и злакам, и сорнякам. Ссориться в литературе могут только шавки, таланты рады друг другу. Не рады? Так какие же это таланты?

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ. Нет, сколько ни говори, что искусство – это одно, а жизнь – другое, бесполезно. Всё-таки в искусстве есть магия, в этом искусстве, в искусственности, что тянет сильнее, чем жизнь. Приезжает с гастролями какой-нибудь актёршечка, пустышка душой, глупый до того, что говорит только отрывками из ролей, ещё и бабник, приехал, и что? И все девочки его. Известен – вот в чём штука. Играл героев, говорил правильные слова, лицо мелькало, запомнилось. Сам подлец подлецом, приехал баранов стричь, ему надо «бабок срубить», заработать на шубу для очередной жены, которая, как и предшествующие, оказалась стервой.

Прямо беда. И ничего не докажешь, никого не вразумишь. Дурочки завидуют актрисам, топ-моделям, даже и проституткам (ещё бы – интервью дают, в валютекупаются), и что делать? Говоришь девушкам: да, хороша

прима-балерина, а за ней, посмотрите, десятки, сотни девушек балерин в массовке, которые часто не хуже примы, но вот не вышли в примы, так и состарятся, измочалят здоровье в непосильных нагрузках, оставят сцене лучшие годы и канут в безвестность. Да и прима не вечна, и её сменит новая прима, другая. А эту, другую выхватит худрук из массовки. Все же они что-то могут, все прошли балетные классы. В балете, правда, худрук чаще любит не балерину, а другого худрука.

Сколько я ездил, сколько слушал самодеятельных певцов, видел танцоров, народные танцы, и они гораздо сильнее тех, которые навязывают нам на телеэкране. Кого воспитали в любви к родине Пугачёва, Киркоров? Очень патриотические песни у Резника?

Хрипеть, визжать, выть, верещать, свистеть, дёргаться, прыгать – это тоже искусство.

Ой, неохота об этом.

ЗНАКОМ БЫЛ СО СТАРУШКОЙ, которая в 1916-м году в приюте читала императору Николаю молитву «Отче наш» по-мордовски. Она была мордовкой. Потом стала женой великого художника Павла Корина. Привёл нас с Распутиным в его мастерскую Солоухин. Конечно, создаваемое полотно не надо было называть ни «Реквием», как советовал Горький, ни «Русь уходящая», как называл Корин, а просто «Русь». Такая мощь в лицах, такая молитвенность!

ОТЕЦ ДИМИТРИЙ ДУДКО всерьёз уговаривал нас: Распутина, Бородина, меня – принять священнический сан: «Ваши знания о жизни, о человеческой душе раздвинутся и помогут вам в писательском деле». Мы вежливо улыбались, совершенно не представляя, как это может быть. А вот писатель Ярослав Шипов смог, и стал священником, и пишет хорошо. Когда я преподавал древнерусскую литературу в Академии живописи, ваяния и зодчества, то просил кафедру искусствоведения пригласить его для преподавания Закона Божия. Пригласили. Но ректор донимал его вопросом: «Почему же надо подставлять правую щеку, когда уже ударили по левой? Ну нет, я не подставляю!»

РЕБЁНОК НАУЧИТ быть матерью. Такая пословица. Отнесём её к рождению идеи. Родилась идея – и воспитает, и вытянет. И сама родит. Да, если её оплодотворить. Оплодотворяется мысль. Чем? Духом.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ: вода чистая, но мёртвая.

ВОЕВАЛИ ВРАГ с врагом, воевали друг с другом, воевали со своим народом. Надо последнюю войну: каждого со своим несовершенством. Победа или смерть перед смертью.

ДЕРЕВЬЯ ПО ПОЛГОДА в снегу, в холоде, а живы. Реки подо льдом очищаются. Так и мы: замёрзнем – оттаем. Как говорили, утешая в несчастьях: «Зима не лето, пройдёт и это».

Русские самой природой закалены. Лучше сказать – Богом.

ВРЕМЯ, ПОТРАЧЕННОЕ на себя, сокращает жизнь, потраченное на других – её продлевает.

ВСЕГДА ОСУЖДАЛИСЬ пустосмешники. Звали: зубомойка, оммалызга (от ухмыляться). Вообще, показывать зубы – значит угрожать. Смех – оружие против ума. Юмор ослабляет защитные свойства души. «Зубы грешников сокрушит», чтоб не смеялись. Конечно, лучше, когда «сеющие слезами радость пожнут». А всероссийская ржачка над натужным юмором хохмачей КВН, зубоскальством «Аншлага», пошлостью «Камеди-клуб» – что это? Ума это явно не прибавляет, а силы душевные и нервные утягиваются в чёрный квадрат экрана.

АРИСТОТЕЛЬ, КАТАРСИС, очищение искусством. Очистился, вышел из театра и тут же согрешил. Какой катарсис – соблазны не прекратятся до последнего издыхания.

С ОДНОЙ СТОРОНЫ, у новых богатых вопиющая безграмотность. Не отличат Гегеля от Гоголя, Бабеля от Бебеля; с другой – какое-то необъяснимое стремление к строительству своего дома на святом месте или около него. Ну что ему, мало островов, яхт, пейзажей? Нет, ему надо, чтобы во время аперитива подвести гостей к высоким окнам гостиной и показать: «А тут вот Михайловское, а там (показывает) Тригорское. Читали? Скамья Онегина. Думаю, сюда перенести. Тут усадьба Ганнибалов. Чёрный был дедушка у Пушкина. И я негров заведу».

Другой: «Тут Радонеж, слышали? Патриарх приезжает. Думаю, в гости звать. Но надо же что-то достойное соорудить».

Третий: «Видишь? Возьми бинокль. Видишь? Багратионовы плечи (надо – флечи), не так себе. Тут Кутузов на барабане сидел, там вот Наполеон, тоже на барабане. Так и сидели. Не пойму, как руководили, айфонов же не было. Или были? В общем, живу между полководцами. Кто-то там возмущается? Ну, это они завидуют. Я ещё хочу в Тарханах построиться, не как-нибудь. Представь: луна, я гуляю. О Лермонтове слышал? Выхожу – понял? – один я – понял? – на дорогу... Дальше не помню, неважно».

ЗНАК ВРЕМЕНИ – отсутствие времени. «Прошли времена – остались сроки», – говорит батюшка. Он же утешает, что людей последних времён будет Господь судить с жалостью к ним. «Страшно представить, чего переживаем, в каком аду живём».

В ЧИСТУЮ РЕКУ русского языка всегда вливались ручьи матерщины, техницизмов, жаргонизмов, всякой уголовной и цеховой фени, но сейчас уже не ручей, а даже река мутной, отравляющей русскую речь интернетской похабщины и малоумия. «Аккаунт, кастинг, чуваки, фигня, блин, спикер, саммит, мочканули, понтово, короче...» – так вот. В такую реку, в такую грязь насильно окунают. И отмыться от этого можно только под душем святителя Димитрия Ростовского, Даля, Пушкина, Шмелёва, Тютчева, Гончарова – под русским, одним словом, словом.

У ЛЕРМОНТОВА: «В той стороне, где не знают обману, ты ангелом будешь, я демоном стану...» А как это может быть рядом?

И НЕОЖИДАННО даже для себя, в припадке временной любви, объяснился ей и искалечил и её, и свою судьбу. Верил себе, когда клялся, верила, когда слушала. А ещё кто был слушатель?

ВИНОВАТ ПЕРЕД МНОГИМИ, и чем старше, тем более виноват. Вот уже кажется, что и раскаялся, и исповедовался, и прощено, а всё равно достигает, летит из прошлого вина.

Обещал же врачу Маргарите Ким посвятить ей рассказ, и где он? А как обещал? Да в самую счастливую минуту жизни. Она была врач родильного дома, наша знакомая, к ней мы и приехали, когда Надя почувствовала: пора.

И вот – рука трясётся – звоню. «У вас мальчик». Мы же тогда не знали, кто родится. Да и хорошо, что не знали, от этого ожидание томительно и таинственно. Боже мой! Первое, что крикнул в трубку: «Маргарита Михайловна, я вам рассказ посвящу!»

Это как-то само вырвалось. То есть это, по-моему, было огромной благодарностью. И я всегда помнил про обещание. Но не было такого «медицинского» рассказа. А казалось бы, зачем тут тематика? Она, с её интеллектом, знаниями, корейка, знаменитый врач-гинеколог, могла оценить рассказ из любой области.

Ну и простеснялся. Теперь уже поздно.

ТЕКСТЫ, ВЫПИСЫВАЕМЫЕ ПО ПАМЯТИ, могли бы ответить на вопрос, как же мы при большевиках и коммунистах сохранили Бога? В душе прежде всего. Так как тексты эти могли и пролетать мимо сознания, а душу сохраняли.

Ты говорил со мной в тиши, когда я бедным помогала
Или молитвой улаждала тоску волнуемой души.
(«Евгений Онегин»)

(*Вначале*) Затешила Богу свечку, (*а потом*) затопила жарко печку.

Скорей зажги свечу перед иконой.
(«Русалка»)

Над главою их покорной мать с иконой чудотворной
Слёзы льёт и говорит: «Бог вас, дети, наградит».
(«Сказка о царе Салтане»)

Я вошёл в хату: на стене ни одного образа – дурной знак.
(«Герой нашего времени»)

КАК СТАТЬ ДЕБИЛОМ за полгода? – Смотреть рекламу.
Как стать зомбированным? – Смотреть новости.
Как утратить художественный вкус? – Смотреть современные фильмы о России.

Как потерять сострадание? – Смотреть американские фильмы.

КУЛЬТУРА КАК САМОЦЕЛЬ – полный тупик. Она может быть орнаментом на сосуде веры. Или проводником к паперти храма. А там надо самому шагнуть. Старуха, которая при Петре плевала на голых мраморных Диан в Летнем саду, культурнее офранцуженных дам.

А ведь на Святой Руси заслушаться иностранной песенкой считалось не просто грехом, а проклятьем, губящим душу. «Возрождение» Запада есть вырождение и религии, и культуры. Уход в новое язычество. И это готовилось миру. Да во многом и отравляло. Какое возрождение? Возрождали язычество, ещё более его приукрашивая. Тело, плоть – не ангелы-амурчики.

ВРЕМЯ ДАНО НАМ В НАКАЗАНИЕ. Время – судья, время лечит – говорится вроде как в утешение. Но главное: время приближает Страшный суд. Страшный. Страшно. Тут одно спасёт – молитва. Молюсь я – отодвигаю Страшный суд. Не молюсь – приближаю. Время неотвратимо, неотдвигаемо, неумолимо, неизбежно. И разве боится Страшного суда святой?

«НЕОКЛЕВЕТАННЫЕ НЕ СПАСУТСЯ». Напраслина на меня мне во спасение, так что продолжайте меня спасать, реките на мя «всяк зол глагол».

«ДАЙТЕ МНЕ АПЧЕХОВА», – просил я в библиотеке детства. То есть я Чехова уже читал, но фамилию его запомнил по корешку, на котором было «А.П. ЧЕХОВ», то есть «Апчехов». Мало того, я не знал значения сокращений. Например, «мистер» обозначалось «м-р», «доктор» – «д-р». Так и читал: «Др Ватсон спросил мра Холмса». Или «господин» – «г-н». «Гн Вальсингам». Не знал и что буква «о» с точкой – это отец. «О. благочинный ласково благословил отрока».

Но читал же!

«СТАРЫЙ ПОЭТ – это как старик, который вяжет. Берёт привычные спицы, начинает низать петли. И выходит носок. Даже чулок». (Откуда взяла?)

КАК ХОРОШО ПИСАТЕЛЮ! В искусстве лучше всех именно писателю. ХУДОЖНИК натаскается с мольбертом, намёрзнется на пленэре, нагрунтуется досыта холстов, измучится с натягиванием их на подрамники. А краски? И сохнут, и дохнут. И картина в одном экземпляре. И с выставки при переезде могут картины поцарапать или вовсе украсть. И приходится дарить их нужным людям. Это пока выйдешь в люди. А чаще всего тебя специально держат в безвестности, в бедности, загоняют в могилу, чтоб потом на тебе нажитья.

СКУЛЬПТОРУ тяжело не столько от тяжести материала: глины, мрамора, дерева, гранита, даже гипса, арматуры – тяжело от безденежья, ведь мастерская у него побольше, чем у всяких акварелистов, и материалы дороги. Да уж, придётся много-таки ваять памятников богатым покойникам, которых рады скорее закопать родственники, и от этой их радости от них и скульптору перепадёт. Для своего творчества. Да ещё получи-ка заказ, выдержи конкурс. Все же члены комиссии уже куплены-перекуплены.

РЕЖИССЁР пока молодой, то ещё ничего, жить можно. А дальше? Всё же приедается, всё же было. Ну, перебрал трёх жен, десятка два любовниц, скучно же. Премий пополучал, поездил. Уже и печень стонет, уже и сердчишко. И всё притворяйся, всё изображай какие-то поиски, пути, глубину постижения образов, соединения авангарда и традиции. Хренота всё это. Да ещё вцепится на старости лет молоденькая стерва из ГИТИСа, вот и выводы её в Джульетты.

А ПЕВЦАМ, певицам каково? Но им-то ещё всё-таки терпимо. У басов и теноров голос может долго держаться. А БАЛЕРУНАМ? Не успеют по молодости выйти в знаменитости – и не успеют никогда. А как пробиться? Всё же занято. Завистники сожрут.

АРХИТЕКТОРЫ? Тут тяжко вздохнём и даже не углубляемся.

И все они зависимы. От костюмеров, осветителей, гримёров, продюсеров – от всего. От подрядчиков, от властей, от пожарных, и т.д и т.п.

Нет, ПИСАТЕЛЕМ быть – милое дело. Взял блокнотик да карандашик – да и пошёл в люди. А то и никуда не пошёл. Просто сел на завалинку. И люди сели рядом с тобой.

В музыке нет запахов, в живописи нет звука, в архитектуре нет движения, в танце нет слов, у певцов и исполнителей чужие мотивы и тексты... А вот в СЛОВЕ есть всё!

На это обратил моё внимание Георгий Васильевич Свиридов. Искренне я сказал ему, что многие искусства могу понять, но что музыка для меня на седьмом небе. «Нет, Слово, прежде всего Слово. Оно начало всех начал, Им всё создано. Им всё побуждается к действию. (*Жене, громко.*) Эльза! Позвони врачу! (*Мне.*) И позвонит. А я только всего-навсего три слова сказал, а Эльза идёт и звонит. А Господь сказал: «Да будет Свет!» И стал Свет».

МОЛОДОСТЬ ПРОШЛА – какое счастье! Прошло это кипение самонадеянных мыслей, эти телесные наваждения, эти внезапные нашествия глупых поступков. Сколько добрых молодцев залетело в тюрьмы, сколько спилось, сколько на дурах женилось, сколько уже т а м. О, если бы не Господь Бог и не Ангел мой хранитель, где бы я был? Господи Боже мой, не оставь напоследок! Господи, дай претерпеть до конца, Господи, дай спастись! Господи, дай ещё поработать!

ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО сужается, а словесное разбухает и поглощает духовность. Понять это можно через изречение: «Извините, что написал длинно, не было времени написать коротко». Ещё и оттого, что обилие слов – имитация мыслей. «Вы хотите мыслей, их есть у меня». А уже и нет. Духовность убивается взглядом вовне, а не внутрь.

ПОСЛЕДНЕЕ ЯБЛОКО, упавшее с антоновки, лежит у крыльца. А у меня горе – больна Надя. Всё жили, ругались, а тут так прижало. Вёз в скорой помощи, огни улицы на её белом лице. Лежит в больнице неделю, всё не лучше.

Не был в деревне давно, приехал, сижу у окна, гляжу на её цветы. Зачем всё, думаю, если бы остался один? Этот дом, работа, вся жизнь. Вот только дети. Дети, да.

Сегодня Димитриевская суббота. Снег, ржавчина листьев на снегу. Сам весь больной, в температуре, в соплях, поясница, но это-то что, не от этого умирают. А у Нади серьёзно. Плакал в церкви, заказав молебен об исцелении рабы Божией Надежды. Нет, нет, нельзя, чтобы жена уходила первой. И ей говорю: «Надя, запомни: надежда умирает последней».

ХУДОЖНИК БОРЦОВ. Андриан Алексеевич Борцов, земляк, роста был небольшого, но крепок необычайно. С женщиной на руках плясал вприсядку. Писал природу, гибнущие деревни. У него очень получалась керамика. И тут его много эксплуатировали кремлёвские заказчики. Он делал подарки приезжавшим в СССР всяким главам государств. Сервизы, большие декоративные блюда. Где вот теперь всё это? Уже и не собрать никогда его наследие. И платили-то ему копейки. Когда и не платили, просто забирали. И заикнуться не смей об оплате: советский человек должен понимать, что дарим коммунистам Азии, Африки и Европы.

Старые уже его знакомые художники вспоминают его с благодарностью: он был председателем ревизионной комиссии Союза художников. «Всегда знали, что защитит».

Он всю жизнь носил бороду. «В шестидесятые встретит какая старуха-комсомолка, старается даже схватить за бороду. А я им: на парикмахерскую денег нет. Не драться же с ними. А уже с семидесятых, особенно с восьмидесятых бороды пошли. Вначале редко, потом побольше, повсеместно».

В моей родне ношение бороды прервалось именно в годы богоборчества. Отец бороды не носил и вначале даже и мою бороду не одобрял. А вот дедушки не поддались. Так что я подхватил их эстафету.

Да, Андриан. Были у меня его подаренные картины, все сгорели. Но помню: «Калина красная», например, памяти Шукшина; «Три богатыря» – три старухи, стоящие на фоне погибающей деревни, последние её хранители.

СТЫДНО ЗА СЕБЯ: спасение так близко и возможно, а не спасаешься. Бес силён? Конечно. А ты этим оправдываешься?

КАМЧАТКА. ДЕКАБРЬ, снега. Прилетел сюда, обогнав солнце. Взлетал при его полном сиянии, прилетел, а тут уже рассвет. Красные стёкла иллюминаторов. Живу несколько дней, погода всякая, но так хорошо! Вдруг объявляют с вечера штормовое предупреждение на завтра. А как улетать? Тут и на месяц, бывает, застревают. Были в эти дни и метели, и солнце, и холодно, и тепло, и пасмурно, и даже дождливо. Снега казались мне уже глухими. «Разве это снега? Снега у нас в марте. Снега и в мае лежат». Из окна номера в гостинице три сопки, «Три брата». Разные всё время, не насмотришься. Да, Камчатку можно полюбить. Тем более я – житель школьной «камчатки» – последней парты. Да, посадили на неё за шалости, но как же на ней хорошо!

Жить на Камчатке трудно. Один факт: рыба дороже, чем в Москве.

Японцы всё время завидуют: «На Камчатке сто пятьдесят тысяч населения, в Японии сто пятьдесят миллионов». Мол, делайте выводы.

Богатства Камчатки неисчислимы. Рыба, ископаемые, термальные воды, дичь. Показали газету 30-х годов. Рыбколхозу дают задание – заготовить на зиму сто медведей. Рыбколхоз рапортует: заготовили триста. Ужас. Ещё ужаснее: убили медведицу, медвежат раздают в бедные семьи, кормить на мясо к зиме. Ну, а что делать, это жизнь.

«ОТ ОТЦА-МАТЕРИ родился, от книжного научения воспитался». «Тайну царёву добро есть хранить, а дела Божия проповедати преславно есть».

ЗАДАЧКА ИНТЕРПРЕДАМ – переводчикам русской литературы: Коля Петрович, огромный мужчина, жалуется: «Гонит меня, думает, ехать не хочу. А куда, на чём? Шестерня полетела, раздатка скурвилась, тормоза надорвались, одна фара цокнула. Так что дуру она гонит».

БОРОНИТЬ, СКОРОДИТЬ, ЛУЩИТЬ... – прощайте, славные слова. И приметы. Почему пожар от молнии надо тушить молоком от белой (вариант: от чёрной) коровы? Да ведь её пока подоишь, всё уже сгорит. И подоить перепуганную корову невозможно, мышцы вымени сожмутся. Оказывается, молния попадает нечистую силу, которая прячется под коровой и лошадью.

Ещё я застал и такое поверье: живой огонь, царь-огонь. Это когда добывают огонь трением дерева о дерево. Или высекают искру, ударяя кремнём о другой кремль или о железо.

О НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ говорят во всём мире, а о любви – только в России. Легко оспорить, но если учесть, что в западном мире (да и в восточном) под любовью понимается физическое общение, то тут им всем до России как до далёкой звезды. И не остыла она, не погасла, и свет и тепло только от неё.

Кто думает иначе – пожалуйста, а я иначе думать не буду.

ДОВЕЛА. В начале нашего супружества жена подарила мне к 23 февраля тёплый шарф. Я ей к 8 Марта подарил спортивный костюм. Вскоре она купила мне толстое вязаное бельё, я ей – лыжи и коньки. Затем дело шло следующим образом: от неё мне – валенки, меховая телогрейка, стёганный халат, домашние боты. Я отвечал ей кедами, велосипедом, ракетками.

И вот, больной и усталый человек, сижу, завернувшись в одеяло, и читаю её весёлые письма. «Старичок мой...» – пишет она с туристской тропы.

ПРОСТРАНСТВО ДНЯ непрерывно загружает мозговые клетки мусором сведений, впечатлений. Конечно, «всё ниспослано Тобою», но находить бы силы избавляться от нашествия того, что и не было и не будет нужно.

СОТНИ И СОТНИ собраний, заседаний, съездов, пленумов, комитетов, комиссий... Тысячи и тысячи речей, выступлений, дискуссий, реплик, постановлений... И редкость редчайшая, что услышишь умное слово. Нет, живая мысль бьётся только в книгах. В хороших.

ЧЕМ ПРЕКРАСНЕЕ БЫЛО ПРОШЛОЕ, тем тяжелее жить в настоящем. Когда-то прошлое было будущим, и оно прошло и стало прошлым. И опять есть будущее, и оно пройдёт. Такое колесо. То есть настоящего нет. Во всех смыслах. Ни времени и ничего настоящего, то есть надёжного, стоящего.

ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ В ИРКУТСКЕ подошёл мужчина в галстук: «Можно спросить? Я так и не понял, как вам удаётся динамизировать слово и как удаётся насыщать фразу энергетикой?» Я абсолютно не понимал, что ответить. Отговорился незнанием. Он, разочарованный, отошёл. Рядом стоял ещё один мужчина, тоже был на встрече. Первый отошёл, этот мне посоветовал: «Ты б сказал ему: иди ты в баню мыть колени. Умный, как у Ленина ботинок. Динамизировать! Закрой рот, открой глаза, так? А пойдём примем, земля, за встречу вятских на сибирской земле! Я тоже всю жизнь за Вятку буром пёр. А эти умники развелись: «Закрой чакры, открой мантры!» Только болтать...»

ЧТО ТАКОЕ «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» после Шаламова, Бунина, Шмелёва? Да это ещё ничего, хроника одного дня. И очерки «Матрёнин двор» и «Захар Калита». Но эти гигантские исследования «Узлов», «Гулагов»... Ну честно бы говорили: невозможно читать. Мысль опережает художника. А мысль тенденциозна. Герои не для показа жизни, а для выражения авторской идеи. И это опять же терпимо. Но давит своими мыслями, а они не новы. Старается «важно в том уверить, в чём все уверены давно». И эта манера несобственно-прямой речи, косвенной. Вроде и герой, а вроде бы автор. Чувства родины, русскости заменены борьбой с коммуняками. А этот «расширительный» словарь русского языка? Комедия.

И что я о нём?

ЭНГР НРАВИЛСЯ за краски. Может, и не более. Помню его, а опять и опять смотреть не тянет. А к Левитану пришёл позднее. М о ё он приподнял и на подносе живописи преподнёс. Будучи экскурсоводом, наблюдал за ребятами. Их тормозили сюжетные картины и нежно выписанные лица, вскоре наскучивающие. И то, что вспоминалось из иллюстраций в учебниках и на открытках. Великие произведения оставляли равнодушными. Ничего, всё постепенно.

Пришёл я к Пластову, Венецианову, Тропинину, Нестерову, Боровиковскому, Серову от тех же Нисского, Сарьяна, Домашникова, Ван Гога, Матисса (писал о них). А к Рублёву – от всех их, вместе взятых, – от икон и росписи в церквях.

Что Энгр? Для примера. У голландцев так много тяжёлого матового серебра, что полотна чуть не рвутся – так много его (серебра) наставлено. Тоже дичь, фрукты-овощи, подгни в Неаполе...

Словом, мысль ещё такова, что к большому приходишь, когда оно было в твоей жизни, ты был лишён его, и вот – оно здесь, на картине. Осень моя, её золото, «Над вечным покоем», радуга и берёзы Куинджи, грачи Саврасова...

«ЕЛИЗАВЕТА ВЛАДИМИРОВНА, почему вы не читаете Белова, Распутина?» – «Миленький, есть же Евангелие».

Читать художественную литературу стали меньше, потому что появилось много духовной литературы. И должно же это принести духовные плоды.

Почему трудно воззреть ко Господу? «Омрачились умом в житейских страстях...» И: «Дружба с миром есть вражда против Бога».

Терпение вырабатывается волей. Терпеть может и гордый, и себялюбец, и тщеславный. И прикрываются заботой о мире, о людях. А вот смирение, за которое даётся благодать, – это награда за молитвы, самоотречение. Главное тут для интеллигентов, чтобы язык не был бы «прикрасой неправды».

Да что ж я-то такой умный получаюсь, а сам очень плохой молитвенник, очень пребываю «в лукавствии мира».

ХАРИ-ХАРИ. УВЛЕЧЕНИЕ другими учениями совершенно нормально. Лучше сказать, интерес. Хорошо, если только в молодости. Отец Серафим (Роуз) не только умозрительно – опытно исследовал многие вероисповедания. И вывел: в с е они несравнимы с Православием – единственно верным путём к Богу.

Помню очень короткое время не увлечения даже, а интереса к Индии, от романа Германа Гессе «Будда Готама», немного от картин и стихов Рериха, от тогдашнего (60–80-е гг.) вторжения в Россию возгласов: «Харе Рама, Харе Рама, Харе Рама, Харе Кришна!». Ещё и в начале 90-х они маршировали в белых балахонах по Арбату, за ними семенили женщины в белом, босиком. Они, как «дети Арбата», ночевали даже там (сейчас «дети Арбата» – это торговцы матрёшками для иностранцев). Это я очень и очень помню, ибо к этому времени я уже, слава Богу, причащался и был для их реинкарнаций неуязвим. Для них я был прямой враг. И вот почему: в журнале «Москва» – редакция как раз на Арбате – печатались работы Валентина Сидорова, хорошего русского поэта, который увлёкся Индией и восторженно о ней писал. Гималаи, позы лотоса, древность традиций, стойкость и выносливость – всё описывалось им увлекательно. Даже тираж журнала подскочил. Собирались (и уже начали) печатать «Агни-йогу». А я воспротивился. И тираж у нас

упал, и мне это ставили на вид. Ибо подписчики наши кормили весь коллектив издательства «Художественная литература», где мы печатались.

Они (люди в белом) приходили под окна и очень подолгу барабанили и возглашали свою «Харе Раму». Даже явились в редакцию. «Вы учите добру и терпению, – сказал я, – почему же вы так агрессивны? Если ваше учение такое правильное, такое главное, оно не пропадёт и без публикации о нём в журнале». Выстоял. Узнали домашний телефон, звонили даже в полночь. Перетерпел. Ещё же им и Блаватская очень помогала. Потом я узнал, что при всей своей оккультности она была патриоткой России. Но вот «рерихнулась». Да и мне какое-то время Рерих нравился, например, цикл «Мальчику». «Мальчик мой милый, не медли. Утром выйдем с тобою...».

В защиту учения Будды Гаутамы (Шакьямуни – так стали его звать, когда он слез с коня и срезал мечом свои длинные волосы, знак царского достоинства) говорят, что оно похоже на христианское. Ограничения в пище, молитвы, терпение – всё так, но даже с первых шагов Гаутамы видно, что это совсем не русское. Собрался уйти из дворца, тут у него рождается сын. «Узнав об этом, сказал: «Это новые оковы; мне надо их разбить». Рождение сына не удержало его». (П. Лебедев. «Будда и его учение», 1903 г.) Ни йоги, ни истязатели плоти, ни созерцатели не освободили его от сомнений. Ушёл от них и жил в посте и размышлении. Упал от истощения, чуть не умер. Перестал поститься, чтобы жить.

Никто не мог искутить его, даже сам Мара (злой дух, смерть – по Бунину). Утром ему открылась истина. Он нашёл путь избавления от страданий. «Есть две крайности, их должен избегать человек. Одна крайность – жизнь, полная наслаждений, жизнь похоти. Другая – жизнь добровольных страданий. Надо выбирать средний путь – покоя и просвещения».

Но как это «избавление от страданий»? Вот я избавился, а у меня друг умер. «Не убивай живого существа. Даже шёлковая ткань через убийство червячка». Но червячок не умирает, а сам превращается в бабочку, которая всё тут сожрёт. И если я комара не прихлопну, за меня его съест ласточка. «Должен быть беден, как птица, которая не несёт с собой ничего, кроме крыльев». А детей надо кормить? Конечно, совсем не нужно мне разбирать тонкости их учения. Доселе на улицах и станциях метро ученики брахманов и навязывают литературу Кришны: «Бхагавад-гита как она есть», «Шри Чайтанья-чаритамрита, Ади- и Адхья-лила», «Сознание Кришны – высшая система йоги», многие другие.

Поневоле знакомишься. Вот и обобщающая книга об авторе этих трудов о «Человеке святой жизни», о «Его Божественной Милости А. Ч. Бхактиведанте Свами, впоследствии известном как Шри Прабхупада». Читать её (для меня) трудно. Шрила Бхактиведанта считал, что счастье человечества только в следовании учению Кришны. Он и в Америке проповедовал, и с Индирой Ганди встречался. Лично сам был аскетом. Сам себе готовил пищу. Вozил с собой медную кастрюлю, «разделённую на секции для одновременного приготовления на пару риса, овощей и хлеба». Но так как его книги и книги о нём очень доступны и с ними легко познакомиться, то закончу тем, что кришнаитское вероучение России не подходит.

А один кришнаит убеждал меня, что Иисус Христос до выхода на проповедь был в обучении у кришнаитов. И он верил в это. И верил в то, что хорошая собака в следующем воплощении будет человеком, а плохой человек превратится в собаку. Но потом собака может стать хорошей и стать человеком. А плохой человек станет собакой. А будет плохой собакой, станет деревом, а будет хорошим деревом, вернётся в собаку. И так далее.

Увлечение брахманизмом, индуизмом было сильным в начале 20-го века. Русский корабль причалил к Калькутте. Офицер, поклонник брахманизма, повёл матросов к знаменитому факиру, брахману. Тот ходил по горячим углям, заклинал змей, при молитве поднимался над землёй. Пришли. Индус показывал свои достижения, но всё как-то косо поглядывал на одного из моряков. И ничего у него не стало получаться. Наконец факир зашипел и, изрыгая проклятья и показывая пальцем на моряка, повалился набок. Они вернулись на корабль, и офицер спрашивал моряка: почему именно его отметил заклинатель? «Не знаю, – чистосердечно ответил матрос. – Мне тоже интересно было. А я же всегда про себя читаю Иисусову молитву, может, он это почувствовал. Ему, видно, это не по губе».

«РУССКИЕ ВО ВСЕ ВЕКА испытывали сверхчеловеческое напряжение». – «То есть хочешь сказать, что устали?» – «Никогда! Как солдаты на марше, спали на ходу. А вспомни наши Крестные ходы...»

ТОПЛЮ БАНЮ. Стыдно сказать, топлю шестой час подряд: дрова сырущие, баня худющая. Мусор жгу, фанеру. Сегодня даже солнце. Так неожиданно выходит из-за туч, что вздрагиваешь, как собака, которую внезапно погладил хозяин. Или как наказанный и прощённый ребёнок.

Всё больше тянет к уединению. И даже не только для работы. Молод был, мог и на вокзале писать. И в ванной. Уединение сохраняет душу. Один находишься и не гробишь, хотя бы языком. И легче гасить помыслы, они быстрее замечаются. Легче глазам – не на кого смотреть, легче ушам – некого слушать. То есть как раз ушам полная благодать – слушать крик петуха, шум ветра, птиц, хруст снега...

Стараюсь запомнить, как озаряется церковь, как обозначается на тёмном небе. Уходил из Лавры, всё оглядывался. У Преподобного снопы, костры свечей, отражённые в золотых окладах. «Радуйся...» Акафиста. Прошу всё это жить в моём сердце, занять его. Чтобы, когда пытаться будут войти в него помыслы, им сказать: а место занято!

Колокол ударил. Негромко. Подождал, как бы сам прислушиваясь, так ли начал звон, ещё ударил, ещё. К вечерне.

Как же легче жить со Христом, слава Богу. Знали бы деточки. Нет, им их дела дороже. Что горевать, всё описано святыми отцами. И нечего думать, что кто-то страдает меньше другого.

В Лавре, в Троицком соборе у меня есть место, стоя на котором особенно ощущаю Божие присутствие в себе и в мире. Около хоругви. Даже иногда пол храма покачивается подо мной, как палуба корабля перед причаливанием к Святой Земле. Это ощущение хочется передать сыну, дай-то, Господи.

«МЫ – ЛЮДИ БОГА или люди истории? – Думает. – История разве не от Бога?»

ПОЖИРАТЕЛИ ВРЕМЕНИ. Мне кажется, это такие маленькие незаметные существа, которые всюду. У них вообще один рот, они всё едят, а главное, пожирают наше время и одновременно заражают нас бактериями обжорства, лени, жадности. Но самое для них лакомое – это время. Вот они втавили человека в переедание, он уж еле дышит, а всё ест и пьёт. Упал поспать. А должен был потратить время на нужную работу, а теперь это время убито обжорством. Но оно не пропало бесследно для пожирателей времени, это их добыча. Девушка перед зеркалом часами. Эти часы опять же кормят пожира-

телей, а девица за эти часы просто постарела. Как ни намазывайся, умирать-то придётся. Вот вытянули людей на бесполезное оранье на митинге. У кого дети не кормлены, у кого мать-старуха, а время на заботу о них уже не вернуть. Или идут, никто не гонит, на эстрадников смотреть. Что получают от этого? Удовольствия, скоро проходящего, чуть-чуть, да и удовольствие это от хохмочек, сплетённых из разврата и пошлости, – в основном всё та же трата времени да усталость. А пожирателям радость.

Телезрители особенно кормят пожирателей. У них есть слуги: утешители, убаюкиватели, увеселители. Пожиратели от награбленного времени пухнут, складывают время как сжиженный газ в хранилища. Потом продавать будут.

ПРИ ГИТАЕРЕ был готов проект памятника Покорению России. Множество товарных вагонов было нагружено специально для этого заготовленным финским тёмно-красным гранитом. Когда немцев погнали от Москвы, гранит был брошен. После войны им облицевали цокольные этажи зданий по центральной Тверской (тогда Горького) улице. Когда я в студентах в школьные каникулы (для заработка) водил экскурсии по Москве, то всегда обращал внимание на этот гранит. Но ведь надо было говорить ещё и о том, что верхние этажи домов в начале Тверской, особенно дом, следующий за Центральным телеграфом, украшены деталями архитектуры, снятыми с взорванного храма Христа Спасителя. Но я же не знал.

Дом этот весь в щитах мемориальных досок. В том числе память о мини-стре культуры Фурцевой. Она покончила жизнь самоубийством. Русская была, но мышление партийное. Колокольный звон запрещала. Хрущёва спасла в критическую минуту. А надо было?

ТАК ПРЕПОДНОСЯТ ПРОШЛОЕ ЛИБЕРАЛЫ, что внуки всерьёз уверены, что при Советах за границу не выпускали. Бедные люди! Ездили непрерывно. Сотни и тысячи туристских групп, причём, что важно, ездили самые простые люди. Режьте меня, если в какой-то группе не было доярок, каменщиков, слесарей, трактористов. Эти поездки были как поощрение за хорошую работу. Да, в каждой группе был проинструктированный товарищ, который отвечал за безопасность группы. Но это, согласитесь, хорошо. У меня, расскажу для улыбки, был знакомый из ЦК ВЛКСМ, он иногда возил группы. А был бабник. В Берлине распустил группу, сам зашёл в магазинчик. «Смотрю сувениры. Изнутри высунулась фрау, опять спряталась. Вдруг входит немочка, такая белокурая беляночка. А, думаю, дай подскочу. Ну схлопочу по морде, ну и что? Руки развёл, улыбаюсь: «Гутен та!» – её шаловливо приобнял. Она отскочила. Тут входит ещё девушка. Эта, первая: «Смотри, Наташ, эти немцы думают, если русская, так с нами всё можно».

ВОТ ФРАНЦУЗЫ. После первого заключения на острове Эльба Наполеон сбежал, стремясь вернуть себе власть. Известие о его бегстве потрясло всех. Вот заголовки из французских газет той поры в порядке очерёдности событий: «С Эльбы сбежало корсиканское чудовище». «Самозванец высардился на берег». «Бывший император идёт на Лион». «Наполеон Бонапарт в Лионе». «Император идёт на Париж». «Париж приветствует Ваше Императорское Высочество». Как говорится, без комментариев.

ГЛАВНОЕ СЧАСТЬЕ моей жизни – рождение в России, и именно на вятской земле, и именно в моей семье. И счастье, что родители успели ещё захватить настоящую русскую жизнь, пропитались ею, тосковали о ней

и рассказывали нам про неё. И от них я очень легко представляю, что такое православное бытие русского человека.

Становится прохладно, день рано темнеет. Мама вздохнёт и скажет: «Что ты рано в гости, осень, к нам пришла? Ещё просит сердце света и тепла».

«Бабушка Дарья, – вспоминает отец, – всегда на Сергиев день ржаной пирог пекла».

Приносил из леса рябины и клал между рамами: «От угара». «И для красоты», – добавляла мама.

Ах, как помню: мы к вечеру возвращаемся с сенокоса; мама оставалась на хозяйстве, стоит на крыльце, нас встречает: «Наработались дитёнушки, шаляпают домой». А мы ей и цветов, и ягод принесли. И отчёт: «Мама, мы всю круглую поляну выкосили. И около озера весь луг».

НЕ ОКЛЕВЕТАННЫЕ НЕ СПАСУТСЯ, повторяю я, слыша всё новые словоизвержения в адрес России. «Блаженны вы, егда поносят вас...». Это и к человеку относится, и к России. Мы потерпим. Жалко вообще-то клеветников: собирают себе «горящие угли на голову». Тут я ничего не выдумываю: всё по Писанию.

А не по Писанию можно всего насобирать. И Грозный, и Годунов – злодеи (Карамзин). И царь – чудовище (большевики, Покровский), всё наболтано и внедрено. Доселе: бомбят живых людей, а родной мне человек уверяет, что это постановочные кадры.

Теперь уже поле битвы не сердца людей, а головы.

«СЕРПОМ ПО МОЛОТУ стуча, мы прославляем Ильича». И это выражение не сейчас сочинено. Слышал в мальчишках. Как и: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь, ешьте хлеба по сту грамм, не стесняйтесь», как и: «Наливай, хозяйка, щи, к нам пришли товарищи». Художники советского времени прозвали Ильича Лукичом и говорили: «Для водочки и для харча ваяю срочно Лукича».

ИНЖЕНЕРЫ СЕМИДЕСЯТЫХ. Молодые специалисты НИИ Грибин и Курков тащили вешалку, присели за ней. «Тут спокойно. Давай дорешаем этот узел. Вот тут ставим добавочное усиление, здесь...» «Инженеры! – закричали на них. – Вы что филоните? Мы что, за вас должны мебель таскать?» – «Вася, вечером дорешаем».

Вечером сели на лавочке. Петя стал чертить палочкой на песке. «Вася, если узел вчерне рассчитан, то надо что? Надо его параметры привести во взаимодействие с другими, так?» – «Петь, ты голова». «За такое дежурство надо наказывать рублём и законом! – закричал вдруг на них появившийся лейтенант милиции. – Где ваши повязки?» Инженеры извинились, встали. «Ладно, Вася, идём патрулировать».

Назавтра они вновь уединились и стали рисовать одним им понятные схемы. «Вот вы где спрятались! – вскоре закричали на них. – Сидят, понимаешь ли, на овощной базе и не работают!» «Ладно, Вася, хватай мешок. После базы ко мне поедом. Ночь не поспим! Не впервой».

Наутро они с гордостью положили на стол начальнику КБ свои расчёты. И только он в них углубился, и только показал два своих больших пальца, как ворвалась в кабинет крупная дама, предместкома: «Вот вы где! Николай Иванович! Что это такое? Ваши инженеры ленились таскать мебель, плохо работали на овощной базе, плохо дежурили в милиции. Требую лишить их тринадцатой зарплаты!»

Умный Николай Иванович скромно сказал: «Это их изобретение экономит тысячу тринадцатых зарплат! Неужели мы из тысячи две не выделим?»

«Не надо нам тринадцатой зарплаты! – закричали Вася и Петя. – Дайте нам возможность работать!» «А кто же за вас на картошку поедет?» – тоже закричала предместкома.

ОТЕЦ АНДРЕЙ: «Святость не уменьшает страданий, она их увеличивает.

Два человека в нас нам подвластны. Внешний, который с годами тлеет, и внутренний, который может обновляться. Но если внешний в любом случае уйдёт вниз и утащит с собой всю мирскую шелуху: деньги, награды, костюмы, дачи, – то внутренний облегчается, обретает крылья для подъёма в Царство Божие.

А третий человек в нас – Божеский.

У КОГО КАКИЕ СОБАКИ, какие кошки, даже коровы, можно по хозяевам сказать. Кошку соседскую застала: она подскочила к корыту, в котором варёное пшено было для кур, и ест. А увидела меня, отпрыгнула и притворяется, что траву нюхает. И хозяйка её такая была врунья! Вот врёт и тут же уверяет: «Правду, правду...» И внук её, маленький совсем, чего бы ни говорил, всегда прибавит: «Павду, павду...» – и рукой, как она, поведёт.

ТАЛАНТА НЕ ПРИБАВИТЬ себе, но вырастить в себе уважение к другому таланту, а не зависть к нему, возможно для каждого. Лишь бы талант работал на доброту.

ЕДИНСТВО СЛОВА и действия. Писатели есть, издатели есть, книгопродавцы есть, покупатели есть. Даже читатели есть, даже понимающие. Действительных нет.

Почему? Потому что нет третьего составляющего в этом единстве – молитвы.

Единство слова и молитвы – и появится действие.

«**ЗЛОЕ СЛОВО** и добрых делает злыми, а доброе и злых может сделать добрыми» (Авва Макарий).

ИДЕЕЙ СЧАСТЛИВОГО БУДУЩЕГО держались большевики, постоянно ввали советские коммунисты. А всё нет и нет его. Демократы уверяли в счастливом настоящем. Где оно?

Но почему же люди такие податливые на посулы врага спасения? Какое счастливое настоящее, когда настоящего просто нет? Мы же не в настоящем живём, а во времени, которое несёт нас к смерти. И это очень нормальное понимание жизни. Да, каждый день умираем. А как иначе?

Надо на болтовню о счастливом будущем наплевать и её забыть. Счастливого будущего на земле ни у кого не будет. Поступила дочка в институт – радость, и тут же телеграмма – мать умерла. Получил премию, а в боку печень закололо. Надо одно: работать на свой будущий загробный мир. Вот уж он-то точно будет. Там и время исчезнет. Не было же времени до Сотворения мира. Вот в такой мир и попадём. А какой он будет для каждого, страшно подумать. Хочешь хороший – зарабатывай!

БЕЛОВ, приезжая в любой город СССР и видя привычно-советские названия улиц, спрашивал: «А они здесь были? А что они сделали для горо-

да? Тогда при чём тут либкнехты, марксо-энгельсы, цеткины, люксембурги, воровские?»

ПРИЕХАА В ИЗБУШКУ в Троицком, жил два дня. Крошил на пенёк корм для птиц. Налетали, расклёвывали и ждали, что опять выйду покрошу. Привыкли ко мне моментально и не боялись. А уеду? И будут прилетать, крылья мучить. Прилетят – пусто. Что ж ты, хозяин, пели для тебя, веселили, благодарили за крошки, а ты?

Да, на родине нельзя бывать, на родине надо жить.

«ТИХО, и будет всё тише» – вспоминал строчку сегодня, когда ходил к реке по лесу. Вроде все берёзы в желтизне, а ни один листочек не слетел вниз. День спокойствия. Но моего спокойствия и в этот день во мне не было. Оно и в природе скоро прервётся. Придёт сюда ветер с жестоким названием «листодёр», сорвёт по-хамски золотые покровы. Неизбежно. Но и хорошо: обнаружится даль.

«ОБЛАСТЬ ЭМОЦИЙ – элемент оружия пропаганды». Так? Так. Чувства можно вызвать, внушить, заглушить, оживить, руководить ими. Такая разная душевность. Душевно можно пивка на берегу попить. Дико говорить о каких-то положительных эмоциях. Это же расход душевных сил, а они всегда на пределе.

РУССКИЕ и, меньше, советские видели в выборе профессии призвание и обязательно – пользу Отечеству. Теперь – средство выжить и, желательно, обогатиться. И уже привыкают. Как и в замужестве. По любви или по расчёту? Первое тяжелее, но счастливее. Второе легче, но несчастнее.

«ЗАЧЕМ ЖЕНИТЬСЯ? Зачем? (Разговор в мужском общежитии.) Чтоб ей деньги отдавать? Отдай да потом у ней же на чекушку проси. Или хоть там на баню. Заработай, да и не порасходуй». – «Так-то так. Но хоть постирает, хоть чего сварит, тоже и утешит». – «Во-от, на том и ловят».

НИКОЛАЙ СЕРБСКИЙ сравнивал происшедшее в России со Всемирным потопом. И он же: «Надежда и Запада, и Востока только на Россию».

СТАРИК У ПЕРЕКРЁСТКА, долго ожидая зелёный светофор: «А вот убрать эти дымогарки, убрать вообще машины, и что? И пойдут пешком, и спасутся. Жить будут – будь здоров! Лошадка в хлеву, коровка. (*Проникаясь доверием.*) Отца за двух лошадей раскулачили, а тут парень-амбал девку везёт, и у него пятьдесят лошадиных сил, это как? Небось, его дед моего отца и раскулачивал».

У МОНТЕНЯ: «Так как наш ум укрепляется общением с умами сильными и ясными, нельзя и представить себе, как много он теряет, как опошляется в каждодневном соприкосновении и общением с умами низменными и ущербными. Это самая гибельная зараза».

СКОЛЬКО БЫЛО молодых, подававших надежды писателей – легион. Сколько прокукарекало, заявило о себе, и довольно успешно, сколько... остановимся. А дальше? Кто спился, кто обозлился, кто вышел в издательские, журнальные начальники и успешно стал тиранить пишущих. Почему?

Да потому что молодых тянули, хвалили, продвигали. Тянули за волосы, хвалили авансом, продвигали себе подобных. Надо было обязательно поддерживать, но всё время напоминать, что пределов для совершенства нет. И что никогда никому не написать ничего подобного Евангелию. А один мой современник всерьёз (!) говорил, что по его книгам учатся «как по Евангелию».

Правило «топить котят, пока они слепые» тоже не всегда верное. Кто-то, плохо начав, развивается, кто-то, ярко блеснув, гаснет. А утопят первого.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ. Уже у меня был пятый курс и диплом через месяц, а я крутил с дочкой проректора. Она такая откровенная: «Мама говорит, что нам надо жениться». Я испугался: «Что, ребёнок?» «Нет, но говорит: не тяните». Я понял: бежать! Собрал в общаге сумку – и на самолёт! Друг заложил. Я уже вошёл в салон, сижу внутри, тут чёрная машина. Пилот по радио: пассажир такой-то, на выход с вещами.

Вышел – они: мама, шофёр, она. Я растерянный совершенно. Да и стыдно. Она вдруг: «Мама, пусть он улетает». Тёща: ну, как хочешь. И ко мне спиной. Я по тому же трапу обратно.

И двадцать пять лет прошло. И я её вспоминал. И знал, что она уже доктор наук, завкафедрой. И я не мойщик посуды. В её городе проводил совещание. Узнал телефон, дозвонился, договорился о встрече. Вместе пообедать. И она... не пришла! Послала со студенткой записку: так и так, очень занята. И я её понимаю. Не хотела, чтоб видел. Они же быстрее нас стареют. Эх, и что, что стареют. Это же я, может, судьбу свою пропустил. От трусости. Не я же сказал, что женитьба решает участь мужчины.

ВЫСТУПАЮЩИЙ ЗАЛИВАЕТСЯ СОЛОВЬЁМ в рапортах о достижениях вверенного ему подразделения. Начальник: «А вы подальше, подальше от парада. Сойдите с брусчатки на просёлок».

Он же, осматривая запущенное подсобное хозяйство, недовольный: «Да вас хрен заставь разводить, у вас и хрен не вырастет».

ОЧЕВИДНОЕ – НЕВЕРОЯТНОЕ. Социальные тесты где-то параллельны экономическим. В городе Энске выплаченная месячная зарплата составила сто тысяч рублей. На сберегательные книжки поступило пятьдесят тысяч. В то же время выручка магазинов, ресторанов, кафе, сданная в сбербанки, составила триста тысяч рублей. Это очевидный факт. Но он невероятен. Научен ли он? Об этом в следующий раз.

СТАРЕЮ. Стремительно и безропотно старею. Покорно пью лекарства – приходится. От щитовидки не примешь – поплывёшь. Не примешь от головы – закружит голову. От сердца – а оно «щемит и щемит у меня». А всё бодрюсь, а всё от людей слышу: как вы хорошо выглядите. Какое там хорошо – фасад. Передреев, помню, говорил: чем хуже твои дела, тем ты лучше должен выглядеть.

Есть шутка о зануде. Зануда тот, кто на вопрос, как ты живёшь, начинает рассказывать, как он живёт. Или женское: Подруга подруге: «Что ж ты не спросишь, как я себя чувствую?» – «Как ты себя чувствуешь?» – «Ой, лучше не спрашивай».

Выработал я ответ на подобные вопросы: «Хвалиться нечем, а жаловаться не по-мужски. Так что терпимо». Да, терпимо. Славное, умное слово «терпимо».

Состарился даже с радостью. Всё равно же не миновать, так давай поскорее. Лишь бы никому только не быть в тягость – это главное. Старик? Очень хорошо: никто не купит, зачем старика покупать, как использовать? Денег надо самую малость, одежды и обуви подкопилось, добрые люди из фонда Преподобного Серафима Саровского одевают. И знаков отличия не надо, и премий, есть же Патриаршая, куда ещё? Хватит уж, навыступался, находился на «муроприятия», повыходил на аплодисменты, очень устаю от людей, рад одиночеству.

Очень благодарен тем, кто ускорял моё старение, мешал жить, изводил... Дай Бог им здоровья. Говорят: старость не радость. А почему она должна быть радостью? С чего? Радость в том, что к сединам не пристают соблазны. Нет, пристают, но не прилипают хотя бы. Бес в рёбра мне сунется, а они у меня после поломки окрепчали.

И зачем мне надо, чтобы меня замечали, отличали? Господь видит меня во всякое время на всяком месте, куда ещё больше?

НЕВЕРИЕ АПОСТОЛА Фомы – это не неверие, а доброе стремление к истине, это для нас. И мы, не видевшие, но уверовавшие, блаженны. Думаю: Фома вложил персты в раны тела Христова, но Спаситель уже был бестелесен. Он вошёл сквозь запертые двери. Чудо Божие. Сказал: «Мир вам».

БАТЮШКА НАЧИНАЛ СЛУЖИТЬ, думал: весь мир спасу. Потом: приход... Потом: хотя бы семью спасти. А теперь – самому бы спастись.

Он же: Мы у Господа вначале не хлеба просим, а возглашаем: «Да святится имя Твое!», а уж потом: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

ТЯГА К ОДИНОЧЕСТВУ – это не от гордыни, не эгоизм, это возраст и жаление времени. Нет сил на пустопорожние разговоры. Слышать анекдот и тужиться, вспоминая ответный. Нет, если в незнакомом городе есть возможность свернуть на тихую улицу и идти по ней в одиночестве – вот краткое счастье.

ГРОБ ДЛЯ ЖЕНЫ. Днём с Аркашей ходили в лес. Грибов не нашли, набрали шиповника. Может, оно и лучше: быстро высохнет, легче везти. Разговор у Аркаши всегда один, тема разговора: ревность жены. За последние годы я сто раз выслушивал его рассказы и уже не слушаю. Но сегодня новый: «Всегда умирала, всегда у неё всё болит. И всегда просила сделать гроб. Я отговаривался. Она настаивает: «Я хочу быть как монашка, они так делают». Где-то прочитала. «Хорошо, сделаю. И себе сделаю». Доски купить дорого, лучше свои поискать. А купить готовый гроб – это халтура, уж я знаю, сам плотник. При ней доски настругал, но мерку с неё не снимал, мерял без неё по кровати. Заметил, сколь у неё ступни до спинки не достают. Тут она напросилась в больницу на обследование. Денег мне не оставила, чтоб я не пил, но это моё дело, как я выпью. Осень, огороды, у меня лошадь, ты что! Чтоб я днём пару раз не выпил, а к вечеру особенно. Это надо себя не уважать, чтоб осенью трезвым ходить. Но про обещание помню. Сколотил. Игрушечка! Мог и застёжки сделать, видел по телевизору, но украсть негде. Приезжает. Я ей: «Твоя просьба выполнена». – «Какая?» Веду в сарай: «Вот тебе подарок». Показываю. Она навзрыд и в слёзы: «Ты смерти моей хочешь!» – «Ты же сама просила». – «Я тебя проверяла». Ладно. Затолкал на чердак. Она утром: «Я так спать не могу: чувствую над головой гроб». Перенёс обратно в сарай. Она опять: «Как это мне будет во двор выйти – в сарае гроб». «Хорошо,

сожгу». – «Ты говорил, доски дорогие». – «Ладно, тогда расширю для себя». С этим согласилась – с тем, чтоб гроб был для меня.

«Переделал?» – «Да ты что, ёк-макарёк, хорошую вещь портить! В подполье спрятал. Пригодится».

ШЁЛ ВДОЛЬ ЗДАНИЯ – всё в коростах памятных досок. Ощущение, что зданию очень хочется почесаться о что-то шершавое, чтобы соскрести с себя эти доски. Уж очень много тут значит тех, кто или прочно уже забыт, кого и помнить не хочется, кто совершенно случаен.

Собственно, время само по себе – это и есть та шершавость, о которую стирается многое из прошедшего и осыпается в чёрные пропасти забвения.

ЗЕМЛЯ – категория духовная, нравственная. Богатыри припадают к родной земле, она даёт им силы. Зашивают земельку в ладанку, носят на груди. Землю привозят на могилы родных людей, которые похоронены не на родине. У нас женщина ездила в Венгрию на могилу мужа, увезла земельки, он ей потом явился во сне: «Ой, – говорит, – спасибо, такую тяжесть с груди сняла». В детстве, помню, друг мой из села уезжал, отца перевели. Я наскрёб земельки у дороги, завернул в бумажку. Откуда это было во мне? Неужели это наивно для моих детей и внуков?

МЕНЯЮТСЯ И ПАЛОМНИКИ. Знакомая монахиня: «Становятся больше комфортными. Размещаешь раньше – всем довольны. Сейчас хочется условий получше. И капризы бывают: не туда везут, не так кормят. Рассказываешь, как было раньше, как ползи на коленях к Иерусалиму, на Голгофу, слушают, ахают, но на себя не примеряют».

И ВООБЩЕ, ОЖИВАНИЕ храмов – самое зримое и осязаемое возрождение России. А так: всё плохо, всё хуже, всё мракобесней. Церковь спасает. И всё. И еле-еле держится убиваемая школа, и, конечно, армия, и ещё чуть-чуть библиотеки.

ИНОГДА УЖЕ не верится, что жил, именно жил в Горней. И в Вифлееме, в Иерусалиме. А ночевал, молился всюду. Тивериада, Назарет, Хеврон, особенно Иерихон. Иордан во многих местах. Рамалла.

Да это только начни вспоминать! А Сирия, боль моя! Антиохия, Хомс, Пальмира, Маалюля. Дамаск. А Синай! Египет! Да вообще всё жаркое Средиземноморье. Патмос любимый! И Кипр, и Крит, и Родос... Ночами выходил на палубу, молился по звёздам на восток, к Святой земле, к северу по Полярной звезде. Я ли был это? Да. Вот этими, тогда ещё не скрюченными пальцами делал торопливые записи. Вот, например: «Батюшка меня моложе в два раза, а по духовному возрасту старше».

СОВЕСТЬ – глас Божий в человеке, так? Но если совести нет – говорят же, бессовестный человек, сожжённая совесть, – тогда как?

ДА ЧТО Ж ОНИ все такие были бедные, горькие, беспощадные, голодные? (Это о псевдонимах, правда, и полевые, и светлые были, но всё одна шайка-лейка.)

КРОХОТНЫЙ ОСТАТОК луны и так сильно светит. Море золотое. Рыбаки принесли, еле принесли, половину тунца. Вчера, оказывается,

заходили за благословением на рыбную ловлю. И вот – заловили. Рассказывают: жарится курица, провяливается, половину цепляют на крюк, крюк привязан к очень крепкому шнуру. А метра через три от крюка привязывается пустая бочка. Заглотил ночью. Таскал лодку, бочку увлекал вниз метров на десять. Всплывал, опять рвался. Измучился.

Вспоминают общего знакомого. Не выдержал в монастыре, ушёл к зилотам. Встретил монаха знакомого, гордится: «Меня вы в чёрном теле держали, а меня уже в схиму рекомендовали».

ЧЕМ БОЛЬШЕ ЧЕЛОВЕК знает, тем больше не знает. Это азбука. То есть тут приговор стремлению за знаниями. Приговор обжалованию не подлежит.

ЕСТЬ ТАКИЕ ДНИ в жизни, когда ты не нужен ни жене, ни детям. Жена устала от тебя, с тобой жить невозможно, у детей свои дела. Но у тебя есть пол-избушки, берлога. Уползай в неё. Ты один, ты с Богом. Светит солнышко, а к ночи похолодело – топи печку. Спасибо добрым людям – ломают дом, строят новый, разрешили старьё забирать. Вожу на тачке. От этих дров только пыль и гнилушки, да ведь даром. Тормозит машина: «Тебе дрова надо?» – «Дорого?» – «Даром, отходы с фабрики вожу». Ну, не даром, конечно, но плата такая нетяжкая, а дрова сосновые, опилки полкузова, выбракованные планки. Пущу их в баню под потолок по периметру – красота! Опилки на потолок – тоже дело. Опилки под смородину – лучше перезимует, и от паразитов – хвойно-смолистые. Помногу не таскай, не сокращай радость такого труда. Таскай и успокаивайся: дровяная проблема решена. И остальные никуда не денутся, разрешатся.

ДОЛГО ЖИВУ. Просто удивительно. Кстати, раньше восклицательный знак назывался удивительным. Диво дивное, как я много видел, как много ездил. Давным-давно весь седой, а не вспомню, даже не заметил, когда поседел, как-то разом. Деточки помогли. Теперь уже и седина облетает. Множество эпох прожил: от средневековья, лучины, коптилки до айпетов, айфонов, скайпов. Сегодня вообще доконало: сын показал новинку. Он говорит вслух, а на экране телефона идёт текст, который произнесён. Или, того хлеще: завёл какую-то бабёнку в телефоне, которую обо всём спрашивает и которой даёт задания: во столько-то напомнить о том-то, во столько-то набрать телефон такого-то. А я ещё думал, что ничего меня уже не удивит. Но дальше что? Человек же как был сотворён, так и остаётся. Мужчина – Адам, женщина – Ева. («Вася, скушай яблочко».)

Хватило бы мне 20-го века. В нём всё прокручивалось, всё проваливалось, все предлагаемые формы жизни, устройства, системы, революции, культуры, войны, власти и безвластие, идеологии... весь набор человеческой гордыни. Якобы за человека, а на деле против человека. В этом же веке Господь меня вывел на свет. И привёл в век 21-й. Если учесть, что я худо-бедно преподавал литературу, философию, педагогику ещё дохристианского периода, а сейчас преподаю – выше всех литератур в мире стоящую – литературу древнерусскую, то какой вывод? Получается, что я жил всегда.

АРАБЫ, ЕВРЕИ, ПЕРСЫ, крестоносцы... Дальше через запятую надо поставить: руины, кровь, пески, запустение, забвение, опять оживание. Бани, скачки, ристалища, амфитеатры...

Здесь золотом покупались оружие и власть, здесь оружием добывалось золото и низвергалась власть, здесь власть, купленная золотом или взятая оружием, погибала от пороков или вытеснялась более сильным оружием или более увесистым золотом.

Но именно сюда, чтобы спасти мир, нас с вами, был послан Сын Божий, был предан, распят на Кресте, воскрес из мертвых, вознёсся к Отцу, севши на Престоле Славы одесную Его. И мы верим, что Он «придет со славою судити живым и мертвым и Его же Царствию не будет конца».

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА. Два типа людей: заборщики и проходчики. Заборщики строят ограждения путей, заборы, а проходчики, пассажиры и прохожие эти заборы проходят. Заботятся о заборщиках, чтобы те вновь заборы делали.

ДЕВУШКА в армию послала стихи. Помню: «Мне май суровый душу распахнул. Я так хочу поговорить с тобою. Я помню нашу первую весну и первой встречи платье голубое... Опять весна. Пусть утро для меня срывает лютик с солнечных откосов. Я все цветы могла бы променять за дым твоей забытой папиросы». Курил, вот ведь глупость какая!

Да. Ох, сколько нагрешил я, а всё живую пока. За что меня любили, такого дурака?

КАК НИ ГОВОРИ, а классика оттягивала от чтения духовной литературы. Читать Данилевского всё же труднее, чем Гончарова. Конечно, классика сохраняла духовность, лучше сказать, нравственность, но чаще действовала на чувства, чем на душу. А чувства просят внимания, а чувства разные. Да и не было духовной литературы. Уж какие там славянофилы? Все в спецхране. Сплошные Добролюбов, да Белинские, да Писаревы, да «к топору зовите Русь». Страдают «лишние люди», страдает «маленький человек», чего же они, не знают, что ли, где исцеление? Оно есть! И доступно. Нет, поплакала на холмике отцовской могилы и поехала опять с собачонкой и барчатами жить дальше. («Станционный смотритель»). И это ещё хорошо. И не верю я, что заколотили Фирса в даче, он же всё-таки не окончательно глухой, а тут вообще молотки гремят. Это его Чехов заколотил. Так же, как не Герасим, а Тургенев Муму утопил. Чего её было топить? В деревню же уходил, а там-то кто бы её тронул?

РАДОСТИ, преподносимые плотью, иногда могут и радовать душу, но в итоге всё равно тащат её в бездну. Только душевные радости: родные люди, работа, лес да небеса, да полевые цветы, да хорошие книги и, конечно, Божий храм – вот спасение.

ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ стояла пасмурность, тряслись по грязной дороге, щётки на стёклах возили туда-сюда мутные потоки дождя, еле протащились по чернозёму, около пруда остановились. «Тут он играл в индейцев, – сказал молодой строитель о прежнем хозяине этого места, который умер не в России. – Строить будем заново, на речном песке».

Стали служить молебен на закладку дома на прежнем основании. Молодой батюшка развёл кадило, и так сладко, так отраднo, так древне-вечно запахло ладаном, что ветер усмирился и солнышко вышло.

Что ещё? Господи, слава Тебе!

ЭТО ВЧЕРА БЫЛО. Устал сильно. А позавчера ещё страшней: бесконечная дорога, давящие, бесполезные, обессиливающие разговоры. Боюсь, и зав-

тра не легче. Но сейчас Никольское, изба прогрелась, чай дымится, по радио Первая симфония Василия Калинникова. Скажут: чай и температура в избе – дела телесные. Не только: за окном воробьи отклёвывают крошки от моего куска хлеба, ветер треплет целлофан на теплице и щёлкает им. Выйду – крест на церкви летит сквозь облака, голове легко, сердце теплеет, можно жить. Можно. Значит, и нужно.

Бог пока смерти не даёт, разрешает мучиться за грехи, искупать их исповедью и покаянием... и неповторением. Мучиться и за себя, и за отца, и за дедов, за Россию и радоваться. Самое трудное – радоваться мучениям, идущим от родных: жены и детей. Фёдор Абрамов спросил: «Ты знал, что будешь писателем?» – «Да, с раннего, можно сказать, детства». – «А зачем тогда женился? А если женился, зачем дети?» Хоть стой, хоть падай. Да как же мужчине не испытать всего, что выпадает человеку? И не почувствовать все радости и муки людские!

И снова солнце. Уже ближе к закату. Плачет умирающий день. Я слышал, есть племя дикарей, которые считают, что каждый день солнце уходит навсегда. А ведь так оно и есть. Ночь. До восхода – вечность.

ПО ВАГОНУ ПРОХОДИТ ТОРГОВЕЦ: «Пригодится каждой хозяйке, каждой семье. Ножницы. Это не Китай, не Тайвань, не Корея, это наша «оборонка». Ножницы! Прошу внимания: режут монеты как картон. Показываю. (Расщёлкивает пополам гривенник.) На кухне хозяйке разделать морскую рыбу, отрезать колючие плавники, искрошить мёрзлую курицу, мясо из морозилки – труда не представляет».

Другой: «Выдающаяся книга. «Сплетни о знаменитостях». Пятьдесят рублей. А что такое пятьдесят рублей? Даже не банка пива. Даже не пачка сигарет. Пиво уйдёт через два часа, от сигарет только дым, а тут...» Пассажир: «Тут сплетни, как знаменитости курили и пили пиво?»

Третий с гитарой: «Мы живём и в пепле, и в золе на суровой, выжженной земле. Спят устало русские ребята. Не кукуй, кукушка, погоди: у солдата вечность впереди. Кто в их ранней смерти виноватый?»

Ножницы покупали, за песню монеты подавали, но сплетен о знаменитостях не купил никто.

ЖЕНЩИНА начинала демонстрацию страданий. Но для демонстрации нужны зрители. Тут, главное, не быть в их числе. А это трудно. Тут главное – вовремя смыться.

ЭВОЛЮЦИИ НЕТ. Каким был человек при сотворении, таким и остался: мужчина – это Адам, женщина – это Ева. «Милый, давай съедем яблок, будем как боги».

Заманчива эволюция. Будь она, куда бы мы шагнули, как бы развили, например, ту же поэзию! Пушкин, бедняга, на метро не ездил, на самолёте не летал, по телевизору не выступал, даже и айфона у него не было, несчастный! Но почему же я, всё это имеющий, пишу хуже Пушкина? И достижения науки свершаются постольку, поскольку Господь открывает просветиться нашему разуму. Ну да, сотовый – это очень хорошо. Хотя постоянный тревожный звонок от жены: «Ты сейчас где?» – иногда не радует. Но в духовном смысле и сотовый ничто, нуль, по сравнению с общением духовно просвещённых предков. «Братия, – говорит на Афоне настоятель монахам, – спешите на пристань, брат Савва просит о помощи». И хрестоматийный пример, когда преподобный Стефан Пермский спешит в Москву, проезжает Троице-

Сергиев монастырь, за три версты от него, обращается к Преподобному Сергию и говорит: «Брат Сергей, сейчас не могу заехать, но на обратном пути обязательно заеду». В монастыре Преподобный Сергей встаёт за трапезой, кланяется в его сторону и отвечает: «Хорошо, брат Стефан, будем ждать». Это-то проверенный факт. А когда идёт Куликовская битва и братия монастыря стоит на молебне, то игумен Сергей называет имена тех воинов, ополченцев, кто погиб в эту минуту.

Спросим: как обычный человек, бывший мальчишка, пасший лошадей и коров, достигает такого всеведения? Скажут: был Богоизбранный. Да, конечно. Но ведь любой из нас, если он выпущен в Божий мир, выпущен как один из тысячи вариантов (зародышей), тоже именно Богоизбран. Но остальное зависит от него самого. Образ жизни, молитва, терпение, смирение – это не падает сверху, это не награда, это достигается усердием и трудами самого человека.

Велики наши знания, а что толку от них, если они как свет луны, освещающей, но не греющей? И что толку их увеличивать? Чем больше знаешь, тем больше не знаешь. Зачем знания, если не просветился светом Христовым, не причащался, не исповедовался? Какие это знания, если они обезбожены? Звания, книги, награды – «всё суета сует и томление духа». Идут защиты всяких степеней, уверения, что открыты средства борьбы со всеми болезнями, что доказано самостоятельное явление живой клетки, то есть всё делается, чтобы вытеснить Бога из мира, доказать, что человек чего-то стоит. Да ни копейки он не стоит. Ну, нагрёб миллионы, всё равно ж в гробу лежит.

ВСЯКИЕ БЫЛИ ДЕВИЗЫ: «Я знаю, что я ничего не знаю» или «Знания умножают скорбь». Оба девиза честные, но лучше было бы говорить: «Я знаю, что я умру». Более того: «Я знаю, что я начал умирать с первым моим криком, когда вышел из материнского лона и в ужасе от предстоящей жизни закричал». А главный девиз: «Я знаю, что моя душа бессмертна, что я не умру, и это счастье». И тут же: «Я знаю, что отвечу за каждый день моей жизни».

ВСПОМИНАЮ ЯПОНИЮ. Холодная Фудзи в тумане, озеро Бива мерцает. Трёхцветная кошка в Киото сидит у витрины, за которой в прозрачных кристаллах резвятся робото-рыбы. Они несъедобны, но как же прекрасны. И манекены – бывшие люди – шли мимо, да так и застыли, на рыб заглядевшись.

Высоченные стены домов, и солнца не видно. Вот оно впереди, поспешу, обогреюсь. Подбежал – не оно, лишь его отраженье в огромном стекле небоскрёба.

В парке бродят олени и бегают белки, и прекрасная девушка спит на скамейке у пруда. Ухожу и мечтаю, что девушке взгляд мой приснится.

Старый монах с диктофоном сказал мне: «Разве дверь разбирает, кто ею проходит, разве лифт различает, кому помогает подняться? Дверью стань, помогая пройти в свою душу, лифтом стань, помогая занять верхотуру».

Чай прекрасные руки Като разливают. Кроме русского знает Като остальные, но разве не внятен язык моих взглядов?

Наступает обряд любованья луною, ведь и я с малых лет на неё любовался. Вот, желтея, выходит командовать небом. Неужели весь свет на востоке оставит? Неужели в России ненастье?

Кто о горе своём вам расскажет с улыбкой? Японец. Но рыдания Като нарушают традицию эту: «Русский, ты уезжаешь, останься!» – «О, Като, плохо жить без тебя, но мне без России не выжить».

Улетаю на запад и то ли бегу от рассвета, то ли вместе с собою его увлекаю в Россию.

РАССКАЗ «ВОЗВРАЩЕНИЕ РОДНИКА» документален. Вода в роднике исчезла, когда батюшку арестовали и увели. И всем велели плевать на него. Но все встали перед ним на колени. Церковь закрыли, потом разрушили. А когда на месте её начали строить часовню и стали раскапывать родник, вода в него вернулась. Я в этом деле участвовал и об этом написал. Это уже лет пять назад. Получилось, что выхвалился. Ведь у колодца, у родника надо жить! Надо брать из него воду, тогда и он будет жить. А без этого он заилился вновь, вновь надо было чистить.

Одна надежда – вернуться потомки здешних жителей. Или поселятся новые. Главное – родник есть.

В ИЛЬИН ДЕНЬ звучит высокая нота единения церкви, армии и народа. Именно с удара колоколов Ильинского храма началось освобождение Москвы от польско-литовских интервентов.

И поныне в Ильин день после Литургии выносятся из храма фонарь, крест, иконы, хоругви. Выносят их воины-десантники «войск дяди Васи», ВДВ, гремят победно колокола, стройно и ангельски, «едиными усты» поёт хор певчих и единым сердцем возносятся наши молитвы о родном Отечестве. Крестный ход движется на Красную площадь, и на ней служится торжественный молебен.

КОРНИ ПРЕСТУПНОСТИ не в так называемых «пережитках прошлого», а в настоящих мерзостях превращения жизни в служение потребностям живота и плоти, в освобождении от стыда и совести. Самое страшное, что могла сказать мама о ком-то нехорошем: «Ни стыда, ни совести, ни собачьей болести». Это наряду со словами «Бога забыли, Бога не боятся» объясняло как раз эти самые корни преступности.

ТОЛЬКО ЗЕМЛЯ сохраняет язык. На асфальте слово не рождается, не растёт, на асфальте плесень жаргонов. Городские писатели в рассказах о детстве выделяют его главные, очень немногие радости в поездках к бабушке-дедушке, на дачу или, в лучшем случае, рассказывают о дворниках, голубятнях, дворовых собаках, канарейках, Птичьем рынке, то есть тянутся к живому.

А земля – это не место для каникул, то есть и тут городские выделены своей обособленностью от трудов на земле, а именно эти труды созидали характер и сохраняли язык.

МЯЧИКУ ОДИНОКО и страшно в темноте у крыльца. Дождь пошёл. Он даже не просто мячик, а мячик-глобус. Прямо земной шарик. И с ним весь день играли, бросали, пинали. Он прыгал, веселил деточек. Даже через костёр перекидывали. Наигрались и бросили.

А большим шариком кто ещё не наигрался?

У НЕЁ НИЧЕГО не было, кроме фигуры. Но этого ей хватало.

ХОЛОСТЯК. Что это такое? Это несчастный человек. Он хочет жениться, и он никогда не женится. Боится женщин. Загоняешь его в угол, лепечет: «Они курят, ругаются они матом». — «Очень даже далеко не все». Но женить холостяка невозможно. Я пробовал. Друга Толю тридцать лет не мог женить. Но он так много работал, что этим и защищался. Когда появлялась очередная кандидатка, он тут же говорил мне: «Видишь, что творится? Вчера на неё два часа потратил». Самое смешное, что жениться он хотел искренне. Бедные кандидатки горели на том, что начинали наводить порядок в его квартире. Да ещё что-то пробовали щебетать. Считали, что у него всё разбросано и что надо его занимать. «У меня не разбросано, а всё на своём месте. И со мной не надо разговаривать, я всегда занят».

Как с таким жить?

«ДЕТИ, ДЕТИ, куда вас дети?» — с любовью говорила нам мама. Такое у ней было присловье.

Зимние вечера. Залезаем на полати, на печь, мама читает при свете копилки. «Глаза вам берегла», — говорила она потом. Она душу нам берегла, сердца наши сохраняла. Читала книгу «Родные поэты», много читала. Читала «Овода», плакала. Сказки, былины, песни. Такой был толстенький старый-старый песенник. Я его и один читал и пел все песни на один мотив: «Ты прости, народ московский, ты прости-прощай, Москва. Покатилась с плеч казацких удалая голова». А ещё страшнее: «Я тебя породил, я тебя и убью». И: «Батько, где ты? Слышишь ли ты?» — «Слышу, сынку!»

Царапины, обиды, ссоры детства, недоедание, плохая одежонка — всё забылось, осталось всесветное сияние счастья жить на Божией земле.

Мамочка ты, мамочка ты моя!

«ЛИТОГРАФИЯ — ЧТО ТАКОЕ? Слушай... — Владик делает большую паузу. — В «Суриковке», учти, все камни были на учёте. Почему?.. — Опять долго молчит. Поднимает палец: — Деньги на них печатали. То есть можно было печатать. Вот такой толщины (*показывает*), идеально отполированы. А линогравюра — дело проще. Вырезаю. То, что вырезаю, будет светлое, а то, что оставляю, тёмное. Но это, конечно, букварь... азбука, извини! Да, я наивный до примитива, да я и в самом деле примитив. Но для своих студентов я кое-что значу. Они же не знают, что я ничего не значу. Одна нашлась, натуральная полуобнажёнка, говорит на языке — якобы языке — графики. Это у неё диплом. Диплом! А такие претензии! Врать ей как девушке я могу, но в графике? Никогда! Линия! Глубина! Образ! Характер! Ты что! Фаворский, Кузьмин, Константинов! Ты веришь, что чёрно-белое может передавать цвет? Веришь? Значит, ещё не пропал».

О, ЗИМНИЙ САД в лунную ночь! О, золотой мёд лунного света, серебро заснеженных ветвей, таинство синих теней на молодом, нежном снегу. А утром? Утром ещё лучше: рассвет розоватит белые букеты кустов и деревьев. Зеркальца снежинок посылают друг другу зайчиков.

От тоски по таким русским снегам можно заболеть в любой Калифорнии.

СОСЕДКА ЛИДИЯ Сергеевна очень любит свиней. Я ей сказал однажды, что слова «свинья» не было в русском языке, только «поросья», «поросята», то есть «бегущие по росе», да даже и по Руси, так как «роса-росс-русь» — близкие слова. Это Лидии Сергеевне очень понравилось. Как и её

мужу, Льву Николаевичу, который часто лежит на плоской крыше сарая, пребывает в отдохновении после вчерашних излишеств.

– Именно так! – восклицает он. – Какая же это свинья, если у неё сердце как у человека.

– То-то и лежишь как боров, – смеётся Лидия Сергеевна.

КАК УКРОТИТЬ смелого писателя? Да дай ты ему дачу, премию, орден – вот и приручен. Талант прямо пропорционален неудобствам, бедности и обратно пропорционален комфорту. То есть, чем благополучнее писатель, тем хуже он пишет. Да, так. Что дала нам дворянская литература? Помогала готовить гибель России.

У меня дача появилась в шестьдесят лет. И что я на ней написал? А как писалось в ванной, в бане, на чердаке, иногда в Доме творчества! Что написалось, не мне судить. Продукция была. А дачу вскоре отняли дети и внуки.

КОГДА ПИСАТЕЛЬ думает угодить читателям, а не Богу, он пропал. Ну, угодил, ну, известен – и что? Читатели его тоже люди, тоже старятся, а другие, если и подрастают, уже не твои, они другие, и им другой угодил. Почти семьдесят лет я читаю – а читаю я непрерывно – и понимаю, что и сотой части узанных имён писательских не помню. Просто забыл. И это не вина моей памяти – вина писателей.

ОБЫЧНО РЕБЁНОК всегда чем-то занят, и ему, конечно, не хочется прерывать своё занятие. И вот его о чём-то просят. Один быстро оторвётся, побежит выполнять просьбу или приказание, а другой только пообещает, что всё сделает. Но потом не очень-то торопится выполнять. Да и просто забудет. У нас мама никогда не отдёргивала от занятий, но всегда спрашивала: «А что ты мне обещал?» И добивалась того, чтобы сын выполнил обещание. «Ты обещал, понимаешь?»

УБИВАНИЕ РОССИИ. Освоение окраин всегда за счёт центра. Метрополия слабнет. Не будь целины, не было б проблемы так называемой зоны Нечерноземья. Так много оттянули из России специалистов (молодых!), что некому стало сохранять её. Тут и Заславская с проектами уничтожения деревень, то есть России, тут и укрупнение колхозов, тут и появление совхозов, то есть рабочих на земле, а не крестьян. Тут и переделка МТС (машинно-тракторных станций) в РТС (ремонтно-технические станции), потом и вовсе в «Сельхозтехнику». Тут и деление обкомов на промышленные и сельскохозяйственные, тут и полная ерундовина кукурузы – выше крыши было дури.

А почему рванули на целину? Паспорта давали, какие-то заработки. Неслучайно название партии ВКП(б) расшифровывали как Второе Крепостное Право большевиков. За людей же не считали колхозников.

Но вот теперь давайте посмотрим с высоты прошедшего времени. А как бы мы создали такую мощную промышленность за такой короткий срок без крестьян? Как бы накормили армию и рабочих без колхозов? Да, фермерство, оно вроде и гуманнее, и предпочтительнее, но на него нужно время, а времени нам история не дала.

Именно люди от земли, от сохи спасли Отечество. Крестьянская жизнь такова, что уже с детства приучает к ненормированным трудам, смекалке, выносливости. Владение топором, пилой, рубанком, отвёрткой, работа с деревом и металлом, бесстрашные игры на быстроту реакции, смелость, привычка к дороге, короткому сну, скромной пище и одежде, тяга к учёбе,

взаимовыручка – разве не эти качества идут к нам от предков, от Ломоносова? Люди на земле, наши кормильцы и поильцы – главные люди Отечества. О, я видывал такие руки слесарей, плотников, комбайнёров, трактористов, пастухов, доярок, такие окаменевшие мозоли, такие насовсем скрюченные пальцы, что мне стыдно, что я плохо и мало прославлял их. «В гости пришла, сажу, под скатертью руки прячу: стыдно, такие некрасивые».

И не сдавались! Помню бедные застолья и богатую при этом весёлость. «Ой, на горе колхоз и под горой колхоз. Мне мой миленький задавал вопрос. Задавал вопрос и глядел в глаза: «Ты колхозница, тебя любить нельзя». – «Я колхозница, не отпираюсь, но я любить тебя не собираюсь».

АВТОР ГРАММАТИКИ Мелетий Смотрицкий, первопечатник Иван Фёдоров – это всё монахи. Университеты России создала церковь. Да-да. Проверьте.

БУНИН ВЕТХОЗАВЕТЕН. Звериное брожение чувств, обоняние, осязание, плотскость. «Солнечный удар» – что тут? Блуд и похоть. «Тёмные аллеи» действительно тёмные по смыслу. Даже «Чистый понедельник». Утром идти в монастырь, дай напоследок потешусь, будет что вспоминать. Он, страдая, «пил коньяк чайными чашками, надеясь, что разорвётся сердце». Это любовь? «Захар Воробьёв» – зачем? И всё так написано, что всё видишь: цвет и свет, и всё слышишь. Конечно, очень действует.

ЖЕНЩИНА: «Не надо монетизировать отношения с мужчинами. Чревато».

ПОДПИСАЛ ДОГОВОР с издательством. Параграф первый лишает меня всех прав, остальные угрожают мне штрафными санкциями.

КОНЬ И КОЗЁЛ. В журнале «Крокодил» была моя первая публикация в центральной прессе в 1962 году. Публикация не так себе, из жизни. Как получилось. Я уже был старшиной дивизиона, и на мне много всего висело, всякого имущества: и пирамиды с оружием, и кровати, и постели, и всякие щиты и тумбочки. А на тумбочках салфетки, на салфетках графины. Тазы, ведра, щётки, шкафы с шинелями, а кроме того, огромный набор для занятий спортом: мячи, ракетки для настольного тенниса, сетка для волейбола и корзины для баскетбола. Всё было подотчётным. Были и спортивные снаряды покрупнее: трапеция, перекладина, «конь» и «козёл». Через них прыгали. «Конь» был зело истрёпан, «козёл» ещё держался, но просил ремонта. Я пошёл к начальнику спортслужбы: «Товарищ майор, разрешите «коня» списать, а «козла» отремонтировать». – «Садись, пиши рапорт». Я сел и написал. Майор наложил резолюцию, которую я и послал в «Крокодил», в отдел «Нарочно не придумаешь». И напечатали! Ещё бы, очень лихо звучала резолюция: «Разрешаю ободрать коня для ремонта козла».

БАТЮШКА В ШКОЛЕ, тема «Шестоднев. Сотворение мира». День шестой. Сотворение человека по образу и подобию. С последней парты: «А папа сказал, что мы произошли от обезьяны». Батюшка: «Мы сейчас говорим об истории сотворения человека, а историей вашей семьи надо будет заняться отдельно».

ГОВОРЮ ПЕВИЦЕ: «Какая ты красавица!» Она: «Работа такая».

ПЛОТНИК НЕСЁТ в мешке за спиной двуручную пилу. С ним жена. «Ты с женой?» – спрашивает знакомый. «Да, за спиной сидит». – «Кто?» – «Моя жена, моя кормилица». «Так, а это-то кто?» – показывает знакомый на жену. «Эта-то? Это пила», – отвечает плотник.

«АНТИГОНА» СОФОКЛА, можно сказать, очень христианская трагедия. Она хоронит брата, хотя он объявлен государственным преступником и его запрещено предавать земле. Но она исполняет волю богов, а не приказы земного царя.

ВЕЛИКАЯ ТРИАДА античности: Сократ–Платон–Аристотель – тоже предтечи христианства, ибо не были многобожниками, говорили о едином Боге. «Вы приговорили меня к смерти, а вас к смерти приговорил Бог».

И ОПЯТЬ ЖЕ триада, уже немецкая: Гердер–Гёте–Шиллер. И русская: Ломоносов–Державин–Пушкин. Они спасали монархии, последние в Европе. И не спасли: много зла навалилось на наши страны со стороны и много грехов накопилось внутри стран. Нас перессорили, тут и сказке конец. Но мы всё-таки выжили. Немцам тяжелей: протестанты.

ПРИМЕРЫ ОХМУРЕНИЯ УМОВ. Пятый век до нашей эры называют веком Перикла. До него возрастал авторитет разума, при нём появляются софисты. Выразитель их идей Протагор провозглашает человека мерой всех вещей. Но это путь к нигилизму и разобщённости. Люди неодинаково воспринимают окружающий мир. Истина у каждого своя. Начинает цениться тот, кто заставит других считать его точку зрения единственно правильной. Вот пример доказательства. Ученик договаривается с учителем о плате за то, что учитель выучит его побеждать в споре. Выучился. Не платит. Почему? «Ты должен был выучить меня убеждать, вот я и убеждаю тебя, что я тебе ничего не должен». Но учитель отвечает: «Если ты меня убеждаешь, значит, ты выучился и должен платить, а если не убеждаешь, всё равно должен, так как ты не убедил меня не брать с тебя деньги». Какое?

Или хрестоматийный пример: философ заявляет: «Все критяне лжецы». – «Но ведь и ты критянин, значит, и ты лжец. А раз ты лжец, значит, ты сказал неправду, то есть критяне не лжецы, а раз ты говоришь правду, но ты критянин, значит, ты лжец...»

Такие сказки про белого бычка владели умами.

Спасительным для античной мысли было явление Сократа. Аскет, смиренно терпящий визгливую жену Ксантиппу, он исследовал явления и теории, а не доказывал.

Софистов античности сменили схоласты средневековья. Вновь (Джон Локк) зазвучала тема чувств. И в самом деле, нет того в мире, чего бы мы не познавали с помощью чувств. Но опять же – одному в комнате жарко, другому холодно, одному кажется, что до города далеко, другому – близко. Что же может повлиять на чувства, управлять ими? Конечно, разум (Кант). Но и тут не стыковывается: разум у всех неодинаковый. Что же и кто же управляет разумом? Воля. Вот слово Ницше, Шопенгауэра. Тут подоспел учёный, произошедший от обезьяны – Чарльз Дарвин с теорией эволюции. Благодаря ему в мир пришёл фашизм. Как? Но посудите сами: если человек произошёл от одноклеточных, выполз на сушу, оброс шерстью, взял в руки палку, сшиб банан, начал ходить, дошёл до печатного станка, он же не остановится, он же пойдёт дальше. Куда? От обезьяны к человеку, а от человека

к сверхчеловеку. Не всем такое дано: арийцам дано, а славяне – это унтерменши, низшая раса. Ломброзо стал измерять черепа... Чего только не вываливалось из обезбоженных умов на одуроченные массы двуногих!

Какая там эволюция, чего болтать? Как был Адам, как была Ева, так и остаётся. Естественный отбор? Но это для природы. В применении к человеку это оправдание фашизма. Слабый? Уступи место сильному.

«ОЙ, СОВСЕМ–СОВСЕМ сна нет. Таблетки горстями пью». – «А ты Вечернее Правило полностью читаешь?» – «Да ты что, да когда, я так много работаю, часов до двух, до трёх». – «Так откуда у тебя сон возьмётся? Обязательно читай Правило, да до полуночи ложись». – «А работа?» – «Она сама делается. Твоё дело – молиться».

ДЯТЕЛ НА ЖЕЛЕЗОБЕТОННОЙ опоре. Долбит. Да. Вижу такое впервые. То есть или он сошёл с ума, или в железобетоне завелись личинки каких-то неведомых науке жучков. Рассказал о дятле жене. Она: «Его можно понять. А я вообще без передышки в стрессе».

В НАЧАЛЕ ДЕВЯНОСТЫХ русский из Америки говорит мне с тоской (идём по Охотному ряду около университета, напротив Манежа): «На фасаде церкви мученицы Татианы, – показал, – были слова: «Свет Христов просвещает всех». Как их вернут – поверю в возрождение России».

И что? И вернули. Слава Богу. Но тут же и рядом, и напротив на зданиях громадные щиты – реклама косметики. Красивые порочные лица. Тут же щиты-вывески, реклама банков, фондов недвижимости. Свет Христов никак их не просветил. В плену оказались слова.

СВЯТО МЕСТО не бывает пусто. Это о сердце. Царство Божие не создаётся вне сердца.

ИНТЕЛЛЕКТ – ПОПЫТКА заполнить пустоту сердца знаниями о накопленной культуре. И оправдываться словами: гармония, контекст, подтекст, надтекст, уходить в термины, – что вроде бы и умно. А это путь в поглупение.

ПРИГЛАШАЮТ В ШКОЛУ выступить перед учениками. Никаких сил. Но духовник сказал: «Когда тебя куда позовут, то сам решай: идти – не идти. Но когда зовут к детям, всё бросай и иди».

ПОЧТИ ШЕСТЬДЕСЯТ лет в Москве – это как? То есть, как выжить на асфальте человеку, пришедшему в город от земли, от реки, от леса, от просторных полей, от пения птиц, как? Всё время стремился иметь хоть какое-то местечко за городом, куда можно было бы убежать из Москвы. Ведь в Вятку далеко и дорого. И были варианты, и многие места облюбовал, даже и примерялся к покупке. Но не было никогда денег для покупки. А уже только к пятидесяти годам собралось так враз, что вышел двухтомник в «Молодой гвардии», и «Ленфильм» (или «Мосфильм», забыл, неважно) ахнул (а киношники хорошо платили) большую денежку, и – вот счастье, слава Тебе, Господи, хватило денег на покупку полдомика в Никольском. Это как раз та самая берлога, куда множество раз уползал зализывать раны. В шестьдесят получил в аренду дачу в Переделкине, но это совсем не то. По сравнению с остальными переделкинскими – конура собачья. И то спа-

собою. Но это не навсегда. Помру – родных моих оттуда быстро выкинут. Да и правильно, тут все крики и ссоры как раз из-за желания арендаторов вцепиться в дачу намертво. Не люблю Переделкино. Вот выходишь днём, а навстречу исторический романист – ужас! Кинулся от него в переулок, а там два поэта. Свернул в сторону – там поэтесса. Вот и попиши после этого. А самолёты «Внукова» всё это и озвучивают, и заглушают.

В Никольском писателей немного, то есть совсем мало, то есть совсем я один, помеченный роковой страстью писать о временах протекших и протекающих и начинающих протекать во времена грядущие. Тут можно прочесть гордыню, что лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме, и радость, что не выбредет навстречу конкурент, но это не так. Человек, пишущий в Никольском, в Никольском вовсе не известен. Знают меня только батюшка да несколько прихожан нашего храма, да и они уже прочно забыли, кто я и что я. В Никольском мне просто рады как односельчанину, смотрят на меня (мужская половина) как на дурака, но и как на нужного человека, у которого можно занять на пол-литра и никогда не отдать. Ближайшие соседи, дочери и зятя умершего моего друга Кости приняли на себя заботу обо мне, как эстафету от отца, и им абсолютно плевать на мои бумажные труды. С боязнью и трепетом отдавал я им на прочтение повесть о Косте «Прощай, Россия, встретимся в раю», и они, по-моему, её не прочли. А ведь там они все упоминаются. А узнав, что писательство не только не кормит, а загоняет в могилу, что я давно и прочно сижу на шее жены, сказали: «Дурью маешься».

ОПЯТЬ Я В НИКОЛЬСКОМ. Ни льда, ни снега, обнажилась земля. Какие слова: «обнажилась земля». Но обнаружили и отходы зимы, надо убирать, приводить в порядок красавицу земельку.

Такое тепло, так засияло солнце, когда зажигал лампаду, что... что-что?.. Что не усидеть дома. Тянет на землю – это ведь такой магнит! Господи Боже мой, слава Тебе, что я родился на земле, что жил в селе. Помню пастушеский рожок, он уже навсегда со мною, помню след босых ног на матовой холодной росе – всё это уже отлито в бронзе памяти. А купание в последний день учёбы, это же Вятка, север, холод, но! «Прощай, мама, не горюй, не грусти!» – кричим мы, хлопаясь в ледяную воду Поповского озера и героически, специально не спеша выходим из него, шагая по шероховатому льду на дне. Выходим на берег, на землю. «Земля! – кричали моряки, измученные плаванием. – Земля!»

И ещё – баня. Нет на планете чище народа, чем русские. Убивают парфюмерией запахи пота и тела французы, американцы, англичане... неохота перечислять. Русские моются в бане, парятся, скатывают с себя грехи. Называется: окатываться.

Затопил. Не так уж и плохо входить в баню, неся под мышкой симфонический оркестр, исполняющий Берлиоза. Может, и «Шествие на казнь» будет? Да, дождался. Да, звучит, да, прозвучало, прошло. Было «Шествие на казнь», а я на казнь не ходил, ходил в баню. Вот это и есть интеграл искусства и жизни.

ВЕЧЕР. Приехали и уехали жена, и тёща, и сын. Дружная работа, радость очищения участка от мусора. Цельный день костёр, дым. Бедные скворушки и носа не высунули. Только сейчас выскочил папаша, жена, видно, прогнала, посидел на крыше скворечни, взъерошился, встряхнулся и – в путь за продовольствием для семейства.

Днём в предбаннике достал старые записи. Одну, давнишнюю, показал Наде. Как мы еле-еле смогли послать её в санаторий, оттуда она звонила каждый день, ходила на вокзал к московскому поезду, плакала. Я не выдержал, рванул к ней. Весна, жгли костёр в мокром лесу, стояли в церкви на вечерней службе. Я засобирался обратно, она со мною. «Я ни за что не останусь!»

Показал запись, спрашиваю: «Куда её?» – «Никуда». – «Хорошо, заведём ящик, назовём его «В никуда».

А в самом деле, всё и уходит в никуда. И это даже хорошо.

ЯСИР АРАФАТ приглашал меня к себе после публикации в журнале «Москва» материалов экспертизы независимой ассоциации европейских врачей об использовании израильтянами химического оружия против палестинцев. Тема эта была совершенно закрыта в мировых СМИ.

Впечатление у меня от Ясира Арафата (я был у него дважды – и в Рамалле, и в Тунисе) самое нормальное: умнейший человек, человек с юмором, спокойный в своей правоте. Шёл пост – Рамазан. Официальный приём закончился до захода солнца за минуту. Сели за столы. И застолье было обильным. Интересно, что приём был не в одном зале, а в нескольких. То есть, когда мы поглощали еду с накрытых столов в одном зале, то прислуживающие нам палестинцы не убирали при нас использованные тарелки-вилки, а любезно провожали в следующий зал. Первые или вторые блюда, я уже не соображал. Спасало только обилие вопросов. Потом это я попытался описать в повести «Арабское застолье». Конечно, тут плюсом и Сирия, и Иран, и Египет, постоянное время запахов свежего хлеба, молотого кофе, улыбок встречных, постоянного солнца и бесстрашия перед будущим.

Но они сами запутались. Шииты, сунниты, ваххабиты, братья-мусульмане, сейчас вот ИГИЛ... И все жёстко уверены в своей правоте.

Ориентированы или на Россию, или на Америку. Но легко ли – идут на Россию накат за накатом волны нескончаемой лжи.

ЯПОНСКО-РУССКОЕ. Не сдаются: лягушка в горшке со сметаной, муха на стекле и русский писатель, в которого поверили жена и тёща.

«ЧТО ТЫ ВЫБЕРЕШЬ: золото или ум?» – «Золото». – «Ну ты жадный, я выберу ум».

ПЕРЕЖИВАНИЕ НАСТУПАЕТ после проживания. Вначале надо просто жить. Но что-то же опережает наши не только проживания, но и переживания. Как понять, что подняло меня в рань-раннюю в Севастополе, в гостинице над городом, далеко от моря, что заставило радостно и поспешно проскочить мимо спящего швейцара и бежать всё вниз и вниз, к морю. Тут и дороги не надо было выбирать, спрашивать, где море: море – вот оно! Море, в которое я вбегал в любую погоду, море, обнимавшее меня сильнее и внезапнее любых объятий.

Почему, всегда спрашиваю я себя, откуда в вятском мальчишке зародилась мучительная любовь к морю? Это, конечно, от наших лесов, идущих по горизонту и похожих на морские дали. Я сидел летом на пожарной вышке лесхоза, смотрел слева направо и справа налево на леса, взгляд мой качался на волнистой их линии, и всё было очень похожим на море. И так и сбылось.

Я проживал, жил торопливой жизнью, но она не исчезала, а потом благодатно и медленно переживалась.

Это Господь, это Его милость. И моя только вина, что не мог иногда откреститься «от многих и лютых воспоминаний».

И в самом деле, как я, выросший под завывание метели, гудение хвойных лесов, как я полюбил море до того, что не могу без него совершенно. Вдали мечтаю о нём, вблизи млею и отдаюсь на его волю. Как изъяснить счастье – заплыть в синие воды, лечь на спину и замереть, ощущая ласковую вздымающую силу его волн? А лунные ночи! С ума сойти. Сидишь на носу корабля и говоришь себе, что надо пойти спать, что с утра тяжёлая программа, всякие дела, но как, как уйти от этой золотой лунной дороги, которую корабль своим движением превращает в серебряную? Как оставить, осиротить звёзды и созвездия, этот ветер, этих проносащихся из темноты в темноту ночных птиц, как перестать слушать эти непонятные звуки морской бездны?

Ведь я не просто стараюсь вспомнить побольше родных, близких, любимых, я говорю им: это не только моё, но и ваше. Эта уходящая в бездну вечности ночь – она и ваша.

ПУШКИН о втором томе «Истории русского народа» Полевого: «Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с Европой, что история её требует другой мысли, другой формулы».

ГОЛОС. У этой девочки был необыкновенный голос. Талант такой, что слушать, как она поёт: «Матушка, матушка, что во поле пыльно?» – нельзя было без слёз. Или «В низенькой светёлке», или «Мне не жаль, что я тобой покинута, жаль, что люди много говорят». А уж как запоёт, как ангел: «В горнице моей светло, это от ночной звезды» – это не высказать. Эх, какие мы, ничего даже не записали.

После одиннадцатого поехала в музыкальное училище. Никто ни на грамм не сомневался, что поступит. А на экзаменах провалилась. Почему? Ей даже и спеть не дали. А дело в том, что она в детстве зимой тонула в проруби, испуг получила на всю жизнь. И, когда её перебивали, начинала заикаться.

Её спрашивают на экзамене: «Что споёте?» – «Среди долины ровныя». – «Давайте». Она уже и начала: «Нет, нет, давайте что-нибудь повеселее». Всё! Сбили. Стала заикаться, покраснела, расплакалась, выскочила в коридор.

Загубили великую певицу. Как потом ни уговаривали, никуда больше поступать не поехала. И больше в клубе не выступала. Только дома деточкам – их у неё трое – поёт.

ИНТЕРНЕТ КАК СПРАВКА – дело хорошее, но ум он делает ленивее, а человека самоувереннее. В родном селе моём интернет есть, а воду из реки пить нельзя. Вопрос: зачем мне интернет? Погоня за знаниями убьёт учёность.

ВСПОМНИЛ, как отец привёз из леса ёжика. Мы дверь закрыли, выпустили его на пол. Он убежал под печку и молчал всю ночь, а утром «обрусел». Так сказал отец. То есть ёжик осмелел, подошёл к блюдечку с молоком и очень шумно стал лакать. Потом мы его даже тихонько гладили по колючкам. Потом выпустили. В лес отнесли. А жалко было выпускать. Даже и через почти семьдесят лет думаю, как он там тогда выжил.

ДВЕ ФРАЗЫ, поразившие меня, услышанные уже очень давно. Первая: человек начинает умирать с момента своего рождения. И вторая: за первые пять лет своей жизни человек познаёт мир на девяносто восемь процентов, а в остальное время жизни он познаёт оставшиеся два процента.

Гляжу снизу из темноты на освещённый солнцем купол церкви и думаю: а что же я познал в этих двух процентах? Мир видимый и невидимый? Его власть надо мной и подобными мне?

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ, зыбки, укачивание готовили будущих моряков. Как? Закаляли вестибулярный аппарат. Неслучайно в моряки посылали призывников из вологодских, вятских краёв. Где зыбки были в детстве любого ребёнка. Потом пошли коляски. Но это не зыбки, это каталки, в них не убаюкивают, а утряхивают. И что споёшь над коляской? Какую баюкалку?

Да что говорить – русская печь становится дивом даже для сельских детишек. Уже и отопление с батареями, и выпечка в газовой или микроволновой печи. Да разве ж будет тут чудо плюшек, ватрушек или пирожков? Или большущего рыбника? Нет. Это можно было бы доказать в момент снятия с пирога верхней корки, когда пар поднимается и охватывает ликованием плоти. То есть, проще говоря, ожиданием поедания.

Всё уходит. А как иначе? Мы первые предали и печки, и сельские труды.

ПРИЗНАК ХОРОШЕЙ КАРТИНЫ – в неё хочется уйти, жить в ней. Московский дворик, лунная ночь, мокрый луг, корабельная роща... А как, скажите, жить в чёрном квадрате? Чернота, темнота – это отсутствие света. Как холод – отсутствие тепла. Все выдрючивания – отсутствие таланта.

КОГДА ЧЕЛОВЕКУ (заметному) чего-то не прощают, значит, он сам себя прощает. И наоборот. Мы оправдываем тех, кто судит себя. Ещё бы научиться оправдывать тех, кто нас судит. Я уже на полпути. Мне уже безразлично, что обо мне говорят. Это не моя заслуга, это меня апостол Павел вразумил. Жить, чтобы тебя любили, гораздо легче, чем любить самому.

ПОЗВОНИЛ ЛИХОНОСОВ: «Запиши: писатель тогда станет писать хорошо, когда будет писать, не думая о том, что его прочтут. И ещё запиши (а я ему только что сказал, что нашёл его записную тетрадь, которую терял): не успел я осознать, что я гениальный писатель... нет, лучше запиши так: не успел я убедиться, что я гениальный писатель, как стал думать о том, что скоро умирать». У него всегда так – юмор сквозь иронию.

НИ ПОЭТАМ, НИ ПИСАТЕЛЯМ брать в расчёт современность не надо: она всегда вертихвостка. Тысячелика. То обольстит, то оттолкнёт. И эти случайные впечатления обобщать? Выдавать за типическое? То есть обманывать? Вот оттого и тыкалась в тупики русская жизнь 19–20 веков – верили написанным текстам. Кто писал? И разве таланты совершенны? Разве гении владеют Истиной? Кто водит их рукой? Господь? Ну уж нет.

ВЫПИВШИЙ ПИСАТЕЛЬ в буфете Дома литераторов другому: «Старик, давай правду жизни выражать, раз нечего больше».

ДЕНЕГ НЕ ПЛАТЯТ сейчас за книги. То есть почти не платят. И вернулось ко мне понимание писательства, которое было в самом начале. Когда я и думать не думал, что за любимое дело, за публикацию ещё и платят. Так

хотелось видеть свои писульки в газете, журнале, что от себя бы приплатил за то, чтоб напечатали. И позднее всегда было недоумение писательскими разговорами о гонорарах, премиях. Какие деньги, когда ты занимаешься любимым делом, да это ещё и оплачивать? Ещё и девушки за автографом идут. Ещё и не работаешь в штате, сам себе хозяин, ещё и стаж трудовой идёт и при выходе на пенсию учитывается.

Заелись писатели, определённо заелись. Какое-то время писательской жизни я всё-таки был более или менее благополучен. Денег всё время не хватало, но при независтливой жене с этим справлялся. Ездили же в Пицунду, в Коктебель, что ещё? Мечтал, конечно, о даче, да промечтал. Дали в аренду, когда мне было шестьдесят, да и то пошла она мне не в пользу, ничего я на ней не написал. А потом её и сын отобрал. Да ведь и его жалко – не сложилась у него семья.

Ничего, Бог не без милости, купил полдомика в Никольском да отстроил опять же только с Божией помощью, дом в Кильмези вместо сгоревшего. Живи, пиши. Кто не даёт? Болезни родных и близких, тревога за них. А больше того причина: надвинулась даже не печаль, не уныние – горечь от ощущения: кому они нужны, труды мои? Крохотному окружению, каким-то островочкам вокруг журнальных публикаций, кому-то купившему вдруг мою книгу? Да мне-то ещё грех жаловаться: пожил, поиздавался, попереводился, повыступал. И любовь от читателей испытывал и, значит, нелюбовь от писателей вкусил полной мерой. Даже часто искренне думал: какой я писатель, когда я совсем на писателя не похож. Они говорят о построении сюжета, о доминанте мысли, о превалировании формы над содержанием или, наоборот, о муках поиска нужного слова, а я? Никогда, честно говорю, не испытывал никаких мук при поисках слов для выражения мысли. Даже, бывало, мучился от того, что мучений не испытываю. Но, рассудите, если есть мысль, так чего бы ей и не выразиться? В русской литературе всегда важнее что сказать, а не как сказать. Если мысль верна, так она и выразится верно, форма сама найдётся. Куда она денется?

К старости всё вернулось к началу: любимое дело, которое и должно делаться бесплатно, никуда не ушло. И бывает даже иногда, очень-очень редко, в радость.

Эти рассуждения после приглашения писателей в Госдуму. Конечно, справедливо обратить внимание государства на убивание нравственности в Отечестве, но если ты страдаешь за Отечество, трудишься для него, так какие тебе ещё от этого дивиденды?

Дан тебе талант – и радуйся. Туне приясте, туне дадите.

**Вячеслав
ЛЮТЫЙ**

КОВЧЕГ

Изображение и смысл в стихотворениях Евгения Юшина

*Не куплю я дали за рекою,
Ни лугов ромашковую песнь,
Ни боров брусничные покои –
Потому что это я и есть.*

Евгений Юшин

Русская поэзия сегодня довольно скупо изображает окружающий человека мир. Как правило, наиболее рельефные черты пейзажа или жанровой мизансцены в стихах присутствуют очень выборочно, штучно – дабы подвести сюжет к конечному обобщению целенаправленно и не отвлекать внимание читателя на нюансы, как бы схваченные боковым зрением. Почти не встречаются природные панорамы, в которых одна деталь с непостижимой естественностью и свободой соединяется с другой, третьей – и при этом авторская мысль никуда не уходит, но явно возвращается в текст и обозначает общий лирический итог поэтического рассказа только в финале.

Теперь всё больше внимание пишущего сосредоточено на интерьере, вещах мелких, ситуациях обиходных. Сор, из которого произрастают стихи, по саркастической мысли Ахматовой, ныне вторгся в поэзию и самоутвердился. В огромной степени это касается стихотворений «либеральных» авторов, вплотную занятых проблемами самовыражения. Но и так называемая «консервативная» лирика не чужда соблазну познакомить нас с мелочами жизни поэта и штрихами

-
- Вячеслав Дмитриевич Лютый – литературный и театральный критик, публицист, автор ряда статей о постмодернизме и его российской литературной практике, цикла работ о современной русской поэзии. В настоящее время – ответственный секретарь журнала «Подъём». Публиковался в журналах «Детская литература», «Подъём», «Сура», «Дон», «Донской временник», «Русское эхо», «Коростель», «Наш современник», «Москва», «Дом Ростовых», альманахах «Тёплый стан», «Академия поэзии», а также газетах – «Завтра», «Литературная Россия», «Литературная газета», «День литературы», «Российский писатель». Лауреат премии «Русская речь» журнала «Подъём» за 2004 год, премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры». Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

его частной жизни. Гротескные картины городского быта здесь адресуются скорее уму читателя, нежели его чувству и ощущению красоты.

Провинциальное или сельское житьё-бытьё даётся в определённом смысле «по факту»: герой – органическая часть создаваемой стихотворной композиции, а в интонации повествования нет скрытой, практически невидимой стороннему глазу прикреплённости к городу. Нет тайного сопоставления мегаполиса и деревни, когда удивительная по выразительности картина, увиденная нынешним жителем «каменных джунглей» в сельском отчем крае, стала бы главной и самодостаточной.

Одухотворённая во всех своих приметах и людях, эта поэтическая живопись, а порой и рисунок – редкость по нынешним временам. Поэты, которые выбрали для себя такой художественный путь, во многом оказываются творческими наследниками Есенина. Внутри подобного литературного окоёма можно найти разные и взаимно не похожие голоса. Стихотворения Евгения Юшина – одно из самых ярких явлений этого корпуса современной русской лирики.

У Юшина есть две строфы, которые могут служить своего рода духовно-творческой моделью его авторской речи:

*Вишни падают. Вся земля под деревьями – сытью.
Подобрав гребешок, как заплата цветная, петух
Боком, боком, впрысядку по грядкам шаги свои сыплет.
И угрюмой индюшкой уткнулся в корыто лопух.*

*Я люблю это время молочное в сахарных осах.
Тонкий ломтик луны у горбатых под сеном телег.
И всё смотрит куда-то сквозь поле и небо берёза.
Что-то знает душа, но не может понять человек.*

В первых шести строках даны время и ближнее пространство. В предпоследней строке – пространство широкое, которому свойственно одиночество. В финале обозначена метафизика, экзистенциальная невысказанность, неподвластная формулировкам: «не может понять человек» – житейское; «что-то знает душа» – неземное.

В той или иной мере такой смысловой строй присущ очень многим произведениям поэта. Даже там, где изобразительная задача целиком владеет автором и он закольцовывает сюжет наглядными предметами, с которых и начиналась вещь. Даже там внутренняя раздвоенность его чувств и сознания скрыто присутствует в тексте и сказывается в акцентах словесной картины. Именно потому жанровые и природные сюжеты у Юшина не становятся декоративными. У иного автора подобные детали только множатся. И едва ли не главным достоинством поэтики такого сочинителя оказывается лишь этот, несомненно, важный приём и умение им пользоваться «не по чину».

В стихах Евгения Юшина пейзаж не перегружен избыточными деталями. Но, обозначив явление или его фактурную, узнаваемую часть, автор перемещает свой взгляд дальше и создаёт панорамное изображение. Склонность к панораме при соприкосновении с внешним миром можно считать главной особенностью зрения поэта. В этом движении певца-наблюдателя есть некая затаённость. Его речь адресуется куда-то вовне – тем людям, которые должны «войти» в поэтическое око и принять всё им увиденное: радостное, грозное, печальное, достойное восхищения и поклонения, сочувствия и горькой слезы. В этом мерном переходе взгляда

от одного к другому можно найти образ целого, которое нельзя разъять, дабы не разрушить красоту внешнего и глубину сокрытого. Совсем не так – во множестве современных «стихотворений-телеграмм», переполненных разными мелочами и штрихами. В них интонационные и сокровенные связи между срезами реальности и оттисками души, кажется, намеренно изъяты из контекста, вырезаны виртуальными ножницами – характерным инструментом лихорадочного рассудка стихотворца. У Юшина – иначе.

*Здесь люди красивы, как вольного неба размах,
Но взоры неспешны: душа не откроется сразу.
И девушки царственно носят озёра в глазах,
А парни задумчивы, как мускулистые вязы.*

Стоит особенно отметить, что у Евгения Юшина всё, о чём он пишет, принадлежит нам всем – даже когда речь идёт о чём-то личном. У него очень часто встречается или подразумевается оборот «у нас тут» («только здесь», «нам ближе»). И кажется: входя в душу поэта, ты принимаешь как давно знакомое то, что лишь сейчас увидел и понял, почувствовал и оценил.

*И только здесь, где поля – вволю,
Душа, страдая, познаёт
И липы голос колокольный,
И взгляд старухи у ворот.*

У читателя – своё поле, и он догадывается, что душа познаёт мир, только страдая и отдавая часть себя другому, может быть – всем («Старуха») или всему («Липа»). Но здесь возникает ещё и контраст динамики происходящего: голос колокольный звучит, старуха смотрит пристально. Движение и покой в непостижимом единстве пронзают твоё сознание, скользящее по лирической странице – оно принимает нарисованное как что-то личное, собственное, уже неотделимое от твоей прошлой и настоящей жизни, от родной земли и певца, нашедшего путь к ещё одному сердцу.

*И нет над нами рая,
А он вокруг, а он внутри болит.
Дыханьем сосен лето догорает
И сердце, словно угли, шевелит.*

Юшин в стихах изобразителен, но не рассудителен. Он как бы даёт в финале очередной истории свой маленький авторский комментарий. Между тем комментатор не равновелик увиденному. Будто выходя из живописного полотна, он взвешивает положенное на холст – и существующее, а потом опять уходит в краски и линии, вышедшие из-под его руки, оставляя читателю свет и тени, лица и пространство, домашний обиход и приметы леса, поля, неба и земли. В его сюжетах всегда присутствует очень точный ключевой образ, который связывает стихотворную ткань с визуальной, ум – со зрением:

*Мы и живём-то, словно что-то просим,
Подобно зимним птицам на снегу.*

Отдельная от больших городов провинциальная жизнь, скудная и самодостаточная, по полноте чувств такая же, как и в другом удалённом от шумного

центра месте (*«И здесь живут, и здесь чему-то рады, / И здесь хватает муки и страстей»*). У поэта, зимнего жителя мегаполиса, совсем не найти сухого, безжалостно трезвого ума, ныне особенно распространённого в своём космополитическом изводе, но есть – безоглядная вовлечённость в русский мир. С городом автор не связывает собственный путь – судьбу и творчество, потому что иллюзорный асфальтовый рай высушивает человека. И он уезжает из города в деревню, в *«домотканую провинцию»*, возвращаясь к истинному ощущению жизни (*«Из всех карманов город выброшу...»*).

Когда Юшин погружается в реалии природы, он почти всегда использует как художественный приём олицетворение. Ткань его стихотворной речи мастерски принимает в себя этот троп, который выполняет свою роль почти незаметно, не выходя на первый план, но будто «сшивая» собою отдельные фрагменты панорамы. В результате под пером поэта окружающий мир (как правило, сельский) предстаёт удивительно живым, похожим на всё человеческое, одновременно принимая в себя и самого человека – искреннего и открытого душой.

*И хотелось свистеть, словно птаха,
И хотелось брести и брести
Мимо сосен в тяжёлых папахах,
Мимо рек, потерявших пути.*

Отметим, что Юшин всегда присутствует в своём сюжете, так или иначе являя собственное лицо и волю. И потому его поэтическая живопись никогда не наскучит, ибо в ней всё движется, меняется – не убегая от автора, но будто идя с ним рука об руку. Органичное чувство полноты жизненного и природного круга позволяет поэту насыщать свои строки объёмом и дыханием, соединять наглядно-близкое и смутно-далёкое. Самобытная и житейски узнаваемая образность, классическая ясность картины и взвешенная целостность многих произведений Евгения Юшина перекликаются с лучшими образцами русской натурфилософской поэзии.

*Поплыли селенья на том берегу,
Поплыли холмы и овраги.
И всё, что недавно лежало в снегу,
В весенней запенилось браге.*

*Пустынные дали разбил ледоход,
Задвигали скулами льдины.
У пристани старой проснулся народ,
Скользит сапогами по глине.*

*Выводит петух засидевшихся кур.
От облака – длинные тени.
У Любки-буфетчицы – синий прищур
И солнцами светят колени.*

*Анюта соседу несёт молока.
Наладил сетёнку Василий...
Пока что негромко, пока что слегка,
А всё ж оживает Россия.*

Природные стихи у Юшина никогда не бывают угрюмыми. Кажется, знание о круговороте времён года даёт ему уже чисто человеческие душевные силы и позволяет с радостью встречать и весеннее обновление, и могучую стихию грозы. Он становится частью торжества жизни и частью непредсказуемой стихии. Никакое буйство окружающего естественного мира не устрашает его лирического героя, почувствовавшего своё родство с природой.

*А сколько жить – на то не наша воля.
А сколько петь – на то не наш загляд.
Черпнёшь волны, а в ней качнётся поле.
Черпнёшь небес, а в них вздыхает сад.*

.....
*И небо свободно, и пажити голы.
Совсем опустели и дали, и доли.
И думать легко, и приятно смотреть
На осень, на озимь, на синь и на медь.*

Отмечая красоту и сказочную нерукотворность земли и неба, поэт всегда прикреплен к настоящему времени. Радость бытия во многих его стихах вызвана восторгом проживаемого мгновения. Но есть ещё прошлое и будущее. Вчерашний день у Юшина связан с ушедшими родными и с тяжкими эпизодами русской истории. Эта «мемориальная» часть его поэтики напитана грустью и тихим счастьем, горечью и гневом. И всякий раз автор находит окрашенный чувством образ, сотканный из нитей родства и справедливости, нежности и надежды, который в двух строках содержит неотделимые друг от друга русский смысл и русский порыв.

Прощание с отцом, дошедшим в Отечественную до Берлина: «Ты нёс на плечах меня майским счастливым парадом. / Теперь вот другие тебя на плечах понесли».

Обманчивая тишина на Руси: «Сколько вражьих чубов причесалось о вилы и обух – / Помнят травы ночные, кровавый брусничный кисель».

Предки, которые всегда с нами: «Разделят радость и спасут от горя, / Покуда сам я не забуду их».

Негаснущая любовь к отчей земле: «К снегом запорошенному краю, / К сёлам, почерневшим на крови».

Оглядываясь в минувшее, поэт просит Бога о будущем русских крестьян:

*Пожалей их, Господь. Без того им по жизни досталось
То пахать, то косить, отправлять сыновей на войну.
Кроме этой избы с огородом у них не осталось
Ничего.
Ничего не вменяй им, Всевышний, в вину.*

*Сохрани им любовь к этим пажитям, синим болотам,
Буеракам и песням в исчерченных плугом полях.
Здесь польнь на меже пахнет кровью и дедовским потом,
И ладонями бабушки теплится мята в лугах.*

И теперь уже перед нами не упоенный земным существованием певец, но ходатай за всю историческую Русь. Поминая «железный ветер» рубежа тысячелетий, он видит внутренним взором давние дни и сегодняшние. Какая

страшная доля выпала русскому человеку: одолеть фашистов – и через полвека попасть под пята либерального хищника с холодной и циничной душой!..

*В морщинах брёвен – пыль иного века.
Какие здесь гремели облака!
С войны вернувшись, гармонист-калека
Одной рукой растягивал меха.*

*И пел ведь, пел. И радости-печали
Любой избе хватало на судьбу:
И люльки, словно лодочки, качали,
И провожали ближнего в гробу.*

*И бабушка, и мама – молодые.
И песни – не удержит соловей.
Какие здесь черёмухи льняные!
Какие искры на глазах коней!*

Любовь к русскому пахарю и русскому воину проходит через все стихи Юшина. Для него это – то родное, что принимается целиком, без упрёка и рационального учёта достоинств и недостатков. В его голосе нет отстранённости, судейской или ворчливой интонации. Напротив, приподнятость авторской речи – здесь органическое и ничем не отменяемое свойство характера и таланта поэта.

Евгений Юшин – художник средней полосы России. Образ и персонажи деревни у него объёмны, красочны, сердечны, тогда как город ему неинтересен, скуден и выглядит не ярким, а мимолётно-пёстрым. Точно так же «северные этюды» в его творчестве, скорее, плод ума, нежели сердца. Эти строки выразительны, однако в них нет единственности.

Между тем, несмотря на то, что иные сельские стихи поэта кажутся быстрой зарисовкой, практически всегда в этих текстах есть пронзительное наблюдение или глубокий образ, смысл которого множится. Называя родное «зелёное село» библейским ковчегом, который плывёт по волнам, поэт неявно обозначает оба значения этого слова. Ковчег – корабль, спасающий людей и животных. И одновременно – ларец, в котором хранились скрижали с заповедями человеческого бытия. Сниженный до душевного обихода строгий исторический символ насыщен теплотой и самыми разными приметам. Но в нём есть два кардинальных смысла: Спасение и Наставление. Деревня спасительна для истерзанной души русского человека, потому что даёт ей извечный закон, по которому устроены природа и главные ценности русского мира: любовь, семья, память, труд, созидание, милосердие, детство, достоинство, честность, самоотверженность, благодарность, уважение... Всё это хранит в себе пространство русской деревни, знавшей на своём веку и покой, и беду.

Меняются времена, люди без рода и племени говорят, что сельский мир в России почти умер. Однако здесь принято верить не лукавым пророкам, а вдохновенным поэтам:

*И полетят другие гуси,
И песни новые вослед,
Но так же будут пахнуть Русью
Полянь
и этот белый свет.*

**Евгений
ЮШИН**

НАМ ВСЁ ДАРОВАНО С РОЖДЕНИЯ...

Оглянешься – полжизни пройдено,
Но светят детства маяки:
Тысячеглазая смородина
И ежевика у реки.

Я не похож на неудачника,
Хоть не нажил златых камней.
Мне гладит щёку мать-и-мачеха
Ладонью нежною своей.

И я люблю вас, подорожники,
И вас, холмы и синий пруд.
Мне только страшно, что безбожники
И вас, как души, продадут.

И продают! Земля распорота.
Но не купить небесный свет.
Как ни гребь деньги и золото,
А у гробов карманов нет.

И за туманами, за деревцем
Густеет солнце над рекой:
То золотой икринкой светится,
То плещет рыбкой золотой.

-
- Евгений Юрьевич Юшин родился в городе Озёры Московской области. Окончил историко-филологический факультет пединститута в Улан-Удэ. После службы в армии работал редактором в Центральном Доме культуры железнодорожников в Москве, вёл литературное объединение «Магистраль». Работал главным редактором журнала «Молодая гвардия». Секретарь правления Союза писателей России. Руководитель Всероссийского поэтического конкурса имени С. Есенина, который журнал «Молодая гвардия» ежегодно проводит с Фондом поддержки творческой личности. Автор поэтических сборников: «На расстоянии дыхания» (1980), «На весь далёкий путь» (1983), «Душа ведёт» (1987), «Троица» (1991), «Ржаная кровь» (1993), «Домотканая провинция» (1993), «Поэтический Олимп» (1999), «Родина – смородина» (2002), «Мещёрские броды» (2005), «За околицей рая» (2006), «Родные дожди» (2010), «Избяная заповедь» (2010). Лауреат премии имени А. Твардовского, лауреат Всероссийского Пушкинского конкурса, премии имени Александра Невского «России верные сыны», имени А. Платонова, Большой литературной премии России. Живёт в Москве.

Здесь люди красивы, как вольного неба размах,
Но взоры неспешны: душа не откроется сразу.
И девушки царственно носят озёра в глазах,
А парни задумчивы, как мускулистые вязы.

Здесь дни широки, а полночные звёзды остры.
Леса молчаливы, но всё о себе понимают.
Туманы буксуют на волнах коричневой Пры.
Лещи из густых омутов зеркала поднимают.

Сгущаются красные сумерки возле домов.
И мчит колесо золочёной листвы издали.
Придут Кочетковы, Степашкины, Коля Нырков,
И старый баян развернёт угловатые плечи.

Не только за чаем мы будем сидеть допоздна.
Пройдут не спеша перед нами дожди молодые,
Раскаты объятий, мурашки рассвета, весна –
Вся жизнь пролетит, и накатятся слёзы седые.

Потом все разъедутся. Встанет луна у ворот.
Притихнут собаки, и в сердце осядут печали.
И спелое яблоко гулко в траву упадёт,
И старый баян замолчит, пожимая плечами.

РАЗГОВОР

Евгению Кочеткову

Паутинка – струйкой молока,
И покой как матушки рука...

Разводит вечер мяту в стоге сена.
Стрижёт дергач столетнюю траву.
– Живу я здесь, – мне говорит Евгений.
Я отвечаю: – Тоже здесь живу.

У нас не просто всё, не всё снаружи.
В любом селе – свой ветер, свой мороз.
И потому мне согревает душу
Вот этот хилый выводок берёз.

Не всё так просто, нет, не всё так просто.
Но мне – любовью, словно сердцем зрим,
Сосновый поминальный дух погоста
И твёрдый запах синеоких зим.

Лесная Русь... Скиты, пожары, броды,
Старообрядцы и татарский путь.
Такое тут намешано в болотах,
Что поколениям не перешагнуть.

Не всё так просто. Сердце что-то ищет.
Какого рая? Из каких веков?

Закат поёт. Он петухами вышит
На ситцевых рубахах облаков.

А только здесь-то и жива природа,
Жива душа для правды и обид.
Не всю любовь отняли у народа.
– Живу я здесь, – Евгений говорит.

И выплыли чубатые туманы,
И вынесли лодчонку на простор.
И царственные лунные поляны
Нас уносили за сосновый хор.

И вновь Евгений смотрит через дали:
– Я лето не люблю. Уж больно в нём
Премного ликования, а печали
В России больше. Мы ведь тут живём.

Нам ближе ко двору весна да осень:
То счастья ждём, а то и грусть мила...

Рогатые деревья, словно лоси,
Ночные разрывают трепела.

Скопа заре бросает рыбы кости.
И луч скользит по глади как змея.
Евгений говорит: – Не всё так просто.
– Но как желанно, – отвечаю я. –

Умоешься – и рыбой пахнет воздух.
Откроешься – и ты непобедим.
Топляк со дна разглядывает звёзды,
И Млечный Путь склоняется над ним.

И мы плывём. И нет над нами рая,
А он вокруг, а он внутри болит.
Дыханьем сосен лето догорает
И сердце, словно угли, шевелит.

Я старомоден, как двадцатый век,
И не люблю компьютеров и клипов,
Но радуюсь, когда мерцает снег
И синева оттаивает в липах.

Зима-гулёна шубу распахнёт,
Продышит солнце луговую кочку,
И потечёт по крышам первый мёд,
И выйдет поле примерять сорочку.

А я и рад, уставший человек,
Что нету ни звонков, ни интернета,
Что мне в окно, слегка замедлив бег,
Сирень бросает росные букеты.

И не хочу иного на веку:
Кружил бы лист рассветную поляну,
Где шмель усердно молится цветку
И соловьи пьянеют от тумана.

В краю, где нивы, ивы и крапивы,
Где лопухи сидят, как глухари,
Растёт по небу влажный, молчаливый
Брусничный мох мороженой зари.

И месяц ржёт, уткнувшись мордой в сено.
Горчит лугов сентябрьский посол.
Сосна сидит – колено на колено,
Отряхивая медный свой камзол.

И в этот час, когда вот-вот прольётся
По рыжим далям синий пар снегов,
Так хочется услышать у колодца
Льняную песнь осенних петухов.

Они взойдут по жёрдочке заката
И прохрипят в седые небеса:
– Нам ничего, нам ничего не надо. –
И запрокинут влажные глаза.

Все мы ждём умеренной погоды,
Чтобы ночью – дождь, а солнце – днём,
Чтобы облака как пароходы
Тихо проплывали над селом.

То дожди заводят балалайку,
То жара выдавливает пот.
Радостную песню про Ямайку
Из окна услышал огород.

Старичок в затоне рыбку удит,
Не горюет о своей судьбе.
Он-то знает: будет то, что будет,
А не то, что хочется тебе.

НА РОДИНЕ

Как хорошо мне. Я ещё не понял,
Как хорошо мне здесь, в родном краю.
Здесь ветер волен, да и я тут волен,
И с облаков – небесных колоколен –
Слетает день на родину мою.

И жизнь – тепла. Друзья приедут в гости,
Обнимемся – баян на разворот.
Живых дождей серебряные гвозди
Оплавятся – и лужа у ворот.

Тут всё понятно: лисья ласка леса,
На курьих ножках бабкина изба.
Вдали от мёртвых выбросов прогресса
По-человечьи сложится судьба.

Здесь жить светло, хоть нелегко, конечно,
Сдружиться с сорняками у плетня.
Но звонко распевается скворечня
Под струны уходящего дождя.

Нам всё даровано с рожденья:
Родные люди, отчий дом,
Цветы лугов и звёзд круженье,
И взгляд родимый за окном,
Любовь, друзья и стылость буден,
Туман дорог, отец и мать,
И всё, что мы по жизни будем
С годами горестно терять.

Сергею Никоненко

Я родился, как всякий русский,
За рекою, за лесом – там
Облака голубой капустой
Плавно катятся по волнам.

Там у нас пузыри в кадушках,
И за плёсами, за мостом
Мечет солнце икру по кружкам,
Бьёт стерлядка косым хвостом.

Разойдись, расступись, столица!
В мире каждому ведом рай.
Дайте родиной насладиться,
Накружиться средь птичьих стай!

Там, за дальними небесами,
Где медведи пасут коров,
Я услышу хоры Рязани,
Словно гулкую в жилах кровь.

Что за песня? Пойду я следом,
И прислышится невзначай:
Тихо бабушка шепчет деду:
– Люльку с мальчиком покачай.

Это я там проснулся, что ли?
И закружится потолок,
И застонет в копытах поле,
И в глаза полетит песок.

Эта скачка на смерть похожа.
Жжёт десницу звезда полей.
И – ножом по ухмыльной роже –
Пляшет во поле Челубей.

Мы такое не раз видали:
Луч у ворона на крыле
И рязанские свищут дали,
На ордынской дрожа стреле.

Русь! Пора за себя, за брата
Постоять, разогнать чертей!
Эко пашня твоя разъята!
Эко мутен стал твой ручей!

Я кричу! Я вздымаю руки,
Поднимаюсь на смертный бой!
...Дед спросонья качает люльку,
Шепчет бабушка: «Спи, родной».

Их любовь мне и рай, и лето.
Сердце бьётся ровней, теплей.
Так спасибо, Господь, за это,
На душе мне теперь светлей.

Вот идут косари туманом,
Растворяют себе простор.
И татарник по злым бурьянам
Мёртвый падает под бугор.

Время движет, снега несутся,
Рвут столетия, в прах круша.
Но не может душа проснуться,
Как не может уснуть душа.

В этом снеге француз и немец
Опочили в полях Руси.
Шепчет бабушка: «Спи, мой месяц,
От лихого тебя спаси».

Я люблю этот край подсвешный,
Где на взгорок через луга
На молебен рядком неспешным,
Как монахи, идут стога.

Я люблю эту дымку, заводь,
Золотое урчанье пчёл.
Грозной тучи ржаную память
Я по этим полям прочёл.

Но и в зиму, где зори в дрожи
Глухариную алят бровь,
Повторяю: «Спасибо, Боже,
За дарованную любовь».

**Виктор
САЗЫКИН**

Продолжение. Начало в №№ 3–4 2020

КРУТОВЕРТЬ БЕСПРОБУДНАЯ

Главы из романа

Глава 13

АПОЛЛИОН И ЛОЛА-ЛИЛИЯ-ЛИЛИТ

– Док, он уплывает! Мы его теряем, док! – откуда-то из далёких глубин пространства, времени, души ли донеслись до слабого сознания моего чьи-то незнакомые голоса.

– Он возвращается, док, – прозвучал невидимый голос. – Канал эмоциональной памяти блокирован.

– Сделайте ещё дозу.

– Это опасно, док: могут не выдержать...

– Лучше рискнуть. Иначе, если случится ещё один подобный эмоциональный прорыв, мы его не удержим. Во что бы то ни стало надо завершить эксперимент.

– О'кей, док.

– Вы меня слышите, Кристо? Дайте мне ответ пожатием руки. Вкрадчивый голос Филла коснулся моего слуха.

– Отлично, дружище. Итак, мы находимся на звездолёте «Семаргл». Итак, Кристо, вы закончили тысячелетние странствия на Земле, пройдя все взлёты и падения, чтобы теперь взять на себя миссию искупителя на одной из планет созвездия Ориона, куда и направляется наш корабль. Это планета Алых Бурь. Подтвердите свою готовность, Кристо. Я жду.

И опять я откликнулся на голос Филла о моём избранничестве сладостным трепетом души и... нового тела. Да, да, я был, я, конечно же, был вождём ариев-русов! Как же, как же, разумеется, я помню...

– Было, было, – подтверждал док. – Наша задача – встряхнуть ваш одряхлевший астрал, напомнить о прежней и подготовиться к новой, скоро грядущей миссии. Итак, вспоминайте, Кристо, вспоминайте! – требовательно внушал доктор.

И вот я уже слышал-видел воочию дивные истины о том, как появился из эфирного сгустка прообраз будущей нашей планеты – это уста вселенских сил выдули мало зримый огненно-тонкий шар, как выдувает радужный мыльный пузырь через соломинку ребёнок; и вот уже летит на ветру времени и пространства алый сгусток Земли, любовно преобразуемый волшебными руками могучего духа. А скоро нечто и более видимое проявляется из сгустка-прообраза – это пылающее

семя планеты, её ядро, её неистребимое начало, вокруг которого нарастают дивные формы (так из девочки-ребёнка невидимо зреет прекрасная девушка). Осторожно дует дух на шарообразное тело, держа его на ладонях, холодным дыханием из уст своих, чтобы придать ему более нужную форму, твёрдость и температуру. И вот уже заголубела юная Земля, но ещё не заалели вокруг неё первые зори, ещё, как плод в чреве, закутана она в парниковую шубу – и что ей Солнце, что ей Луна? – не знает, не ведаёт, ночь ли, день ли, сплошь блаженные сумерки, как дорождественские потёмки, где уже намечается тревога... Но вот настало время проснуться – это робкие лучи светила коснулись лица новорождённой планеты. Скоро наступит пора привнести в её лоно золотые споры жизни из глубинных хранилищ Великого Космоса.

– В то время демиургом Земли был великий дух по имени Хуракан. Есть у него и другие имена, – добавил доктор Филл. – Но это – грозно, как вселенский ураган! Великий дух Хуракан выбрал творчество. Но, как выяснилось позже, во время следствия – да, да, случилось преступление, трагедия вселенского масштаба, но об этом я расскажу несколько позже, – так вот, как выяснилось, Хуракан в давних-предавних своих воплощениях был перебежчиком-прозелитом из стана античеловечества, геном которого каким-то образом, очевидно, помимо его воли (если это не было заранее продуманной диверсией) сохранил в себе крохотное семя духа бездны Тунгагга, сподвижника Великого Отступника!

Когда планета в его искусных руках приняла благолепный вид, созрела, как женщина, готовая принять в лоно своё семя новой жизни, в околоземные орбитальные лаборатории демиурга были доставлены простейшие ДНК, из которых затем было сформировано, точнее, с любовью создано и выращено всё живое на Земле.

Очищенная атмосфера планеты, воды её и почва скоро напитались жизненной силой – эфирной праной. Пройдя первые квантовые обработки, семя посеялось на святой ещё Земле. И вот уже появились и стали размножаться сначала примитивные формы жизни, затем всё более усложняясь и усложняясь. Искусство трансформации растительных и животных видов посредством генно-инженерных операций (разумеется, не без высшей магии) – дело тончайшее. Да, да, не всё удавалось с первого раза. Как много позже не сразу дались и человеческие образцы.

Творческий ум не терпит застоя, как любовь неоправданного воздержания. И вот уже во флоре на смену гигантским папоротникам, отфильтровавшим атмосферу от угольной кислоты, робко, одна за другой, пришли на землю изящно цветущие травы и великолепные деревья, приносящие плоды всяк по роду и званию своему. То же и в фауне: при умном и тонком квантооблучении из ящера-птеродактиля однажды появился архиинтересный археоптерикс – птица не птица, зверь не зверь, морда звериная, хвост-рудимент, на крыльях когти – ф-ры-ы! Увы, увы, пришлось Хуракану сей образец отвергнуть, оставив археологам лишь жалкие его останки. Зато какие вскоре пошли расчудесные экземпляры! «Вскоре» – разумеется, это по меркам вселенским десятками и сотнями миллионов лет. Но что они для самозабвенного творца, вдохновенного художника? Миг, один только миг! А скромнее говоря, год – как тысяча лет, ни мало ни много. О, началось истинное творчество: гордые орлы, благородные жирафы, могучие львы и шикарные пантеры! А каковы чудные, быстроногие лани! Одни дельфины чего только стоят! Кстати, у Хуракана было искушение венцом творения сделать именно дельфина (это, между прочим, тоже незримое влияние

на умонастроение проклятого семени Тунгагтра!), но Хуракан вовремя одумался.

И наконец, дорогой Кристо, – душевно говорил доктор Филл мне, вчерашнему Илье Каурову, погружённому в полудрёму, – наконец пришло время завершить эксперименты по созданию человека – первого, совершенного человека на Земле. Было уже достаточно накоплено опыта, тщательно проанализированы предыдущие неудачи. И вот демиург приступил.

Ах, это была синеокая Лилит – шедевр вдохновенного скульптора! Демиург Хуракан творил её для любимца и первенца Адама. Но не знал, не знал он, уязвлённый семенем Тунгагтра, что творит золотую Лилит для себя! Да, да, беда пришла потом.

А сначала он создал ей кудри как бы из звёздной пыли – цвета голубого пепла. Белизну кожи оттенил соболью бровей и ресниц. В локус лазоревых очей её добавил чуточку генов от большеглазой серны, а для гибкости упругого стана – нечто от змеи и пантеры. Гортань её сделал акустически совершенной и голосом наградил томным и глубоким, дыханием – чистым и нежным, точно морской бриз; нраву придал лёгкость, веселье и беззаботность. Когда она смеялась, от зависти замолкали райские птицы; когда резвилась на цветущих лугах, каждый зверь и зверёныш в восторге стремились лизнуть розовые пяточки её маленьких ножек. Грозные видом львы и могучие бездельники-слоны – все-все готовы были умереть за неё, возникни хоть малейшая для девушки опасность. Но какая опасность в раю? Опасность подстерегала не оттуда.

О, как полюбил её мальчик Адам, первый и последний мужчина на райской, безгрешной земле, душа которого в золотой облатке торжественным эскортом была доставлена из хранилищ Грааля в околосемную лабораторию демиурга! После сложных обрядов, поста и молитв Хуракан сконструировал для Адама достойный генотип и воплотил чудо-замысел в прекрасное тело. Сотворивший сначала Адама Хуракан полюбил его, как только может полюбить юный, восторженно-неспелый отец своего первенца-дитя. Да, да, мальчик Адам был создан бессмертным. Хуракан заботливо поселил его в чудеснейшее место планеты. В вашем так называемом Священном Писании оно именуется раем в Эдеме, у иных же народов – садами Гесперид, Алкиноя, Блаженными островами, Елисейскими полями, греческим Олимпом; у скандинавов – это Асгард, жилище Асов, у славян – Ирий. У всех, у всех народов, Кристо, остались смутно-экстатические воспоминания о древнем, прекрасном, но, увы, утерянном крае, прародине пятой расы. А между тем земной-то рай, друг мой, – это всего лишь зеркальное и приглушённое по красоте отражение рая небесного, где достойны пребывать подобные вам, Кристо. Но сперва мальчик, затем юноша Адам жил именно в земном раю, кстати, помещённом отнюдь не там, где указывает невежественный пророк-инспиратор. Но об этом чуть позже.

Скучно, скучно, Кристо, мужчине без женщины. Вот и с Адамом случилось. Пришло время, и ничто не стало радовать юношу: ни великолепные звери, умно поименованные им, ни райские птицы, услаждающие его пением, ни забавники-приматы – лемуры и обезьяны, которым потом ваши псевдоучёные присобачат родословную человека. О, глупцы! Ничто, ничто не стало веселить сердце Адама. Он ходил по райским кущам, вздыхал и охал, как и всякий, предчувствующий весенний праздник любви. Ну и, разумеется, писал стихи – без стихов куда же? – кругом лепота, благодать, а женщины нет – небось и соловьём запоёшь.

Хуракан навёл сон на Адама и из сокровенного места, под сердцем, взял алотрепетный кусочек ткани, извлёк живую клеточку и изящно, как истинный гений-художник, свистаящим взмахом кисти, как гениальный поэт одним лишь сгустком аллитераций, он изменил всего лишь чуточку бесподобный «чертёж» Адама, всего-то, может, игрек-хромосому поменял на икс таковой же, ну и прочие, на посторонний взгляд профанов, незначительные произвёл манипуляции, о которых уже мельком упомянуто. И вот появилась *она* – прекрасная, прелестная, бесподобная Е... простите, Лилит. Но более того, доставленную согласно инструкции для этой цели душу из Грааля демиург Хуракан не использовал по назначению, не употребил, так сказать, в дело, а на время спрятал, схоронил. Для Лилит же отщипнул частичку от своей души, гениальным образом доконструировал до полноценной монады и вложил её в не менее, чем у Адама, совершенное тело, разумеется, приправив тоже бессмертием. И – вообразите! – они полюбили друг друга, юный Адам и синеокая Ли.

Но дальше случилось непредвиденное. Лилит вышла из-под волшебной руки демиурга такой совершенной красоты, что бедный скульптор, этот величайший художник, влюбился в неё без памяти. Не забудем, что и души-то их были родственные, одна от другой отпочкованная, а родное льнёт к родному – это тоже вселенский закон. И что же теперь прикажете делать?

Как уже говорил я, и Лилит, и Адам были созданы бессмертными. Но взыгравшая ревность заставила отца-демиурга совершить новое неслыханное преступление: он вновь навёл сон на отрока Адама, теперь уже соперника своего, и извлёк из его генотипа тот самый крохотный ген бессмертия, подменив его презренным геном долголетия. Возлюбленной же своей в пылу очередной неудачи добиться от неё полной взаимности (а он хотел только полной сперва) в сердцах пригрозил сделать то же самое, естественно, теперь уж признавшись, кто он на самом деле. Но к этому времени вчера ещё невинная, безмятежная, простодушная жительница Эдема вдруг оказалась такой расчётливой, корыстной и хитрой, что даже без памяти влюбленный в неё демиург пришёл в смущение, когда она, согласившись разделить с ним ложе и выведав, как библейская блудница у кудлатого Самсона, сокровенные тайны, потребовала от него не только гарантий собственного бессмертия, но и царственного венца над планетой, первенства над Адамом, письменно подтверждённого и заверенного печатью творца, а также чтобы и сам творец Хуракан служил ей как богине. Да он уже готов был и на побегушках у неё служить и все её сумасбродные капризы выполнять – о, покорённые любовью седые мужчины! Но что поделаешь?

Весь этот клубок чрезвычайно запутанных отношений – Лилит, Хуракан, Адам, Ева – вскоре пришлось распутывать чрезвычайной комиссии, присланной от высшего Совета Космических Иерархий. Откуда появилась Ева, вы спрашиваете? Ну, как же откуда – оттуда же, из золотой облатки. Она так и лежала, монада Евы, под семью замками в околосемной лаборатории Хуракана, точно спящая красавица в хрустальном гробу. Она тоже, как и Адам в своё время, торжественным эскортом была прислана из вселенских глубин, где хранятся невинные души.

Хуракан вспомнил про неё, задумав новую интригу: он решил подsunуть Еву Адаму, разумеется, предварительно сотворив ей телесную оболочку. Но самолично ему некогда было заниматься столь трудоёмким, скрупулёзным, а главное, требующим вдохновения процессом, как генно-инженерное конструирование прелестного женского тела. Начертав торопливо общий

план, он поручил всё это своим ученикам, причём не лучшим, не по конкурсу отобранным, как принято в высокоразвитых цивилизациях, а с бухты-барухты ткнул указующим перстом: ты, ты и ты – валяйте. Вот потому-то сперва и не полюбил несчастную Еву Адам, хотя он был добр и смирен, аки агнец. Но вначале взбунтовался: не хочу жениться на этой уродине – и шабаш! Естественно, за дерзость и непокорство его отправили-депортировали, образно говоря, во тьму внешнюю. Но Ева последовала за ним. Ведь события приняли неслыханный оборот.

Хитрый и коварный бездарь Ялдакоф, воспользовавшись слепотой и ничегонеделанием безумно влюблённого в какую-то девчонку демиурга, настроил донос в Высший Совет Иерархий, подробно расписав все художества своего шефа: его преступный, по сути, эксперимент по духовотпочкованию, его манипуляции с генами бессмертия и долголетия, его подлог с Евой и – самое возмутительное – инцест с духовной своей дочерью, не снившийся даже Пигмалиону! А когда началось следствие и когда обнаружили в квантовой структуре духо-монады Хуракана следы Тунгагтра, прародителя античеловечества, тут началось такое! А между тем Лилит уже понесла от Хуракана, уже пошло потомство – гордые, смелые, красивые, счастливы демонические юноши! Перед отцами-инквизиторами чрезвычайной комиссии, присланной на Землю Высшим Советом, встал вопрос: что делать? Ну, с отступником-демиургом всё ясно: кому много даётся, с того много и спрашивается – к высшей мере наказания подлеца!

А что сделали с ней? О, конечно же, нашли способ лишить её бессмертия, хотя Хуракан так и не выдал код инквизиторам. Но она была так прекрасна, эта Лола-Лилия-Лилит! Тронутые непревзойдённой красотой, отцы-инквизиторы всё же решили простить её. И, разлучив с Адамом (он любил её как брат и готов был отдать за неё душу), оставили жить светлоокою Лилит по прежнему месту жительства – в раю. Вот она – великая сила красоты!

Но закончим повествование про нашу милую и прелестную Ли. Она ведь тоже любила Адама, особенно сперва, до искушения, когда ещё не появился на горизонте её несчастной судьбы духосмеситель Хуракан и не пробудилось к жизни губительное тунгагтрское наследие. Но любила она Адама, как и он её, нежной сестринской любовью. А тут вдруг – страсть! Страсть обожжённой души седобородого гения-отца к прекрасному женскому телу, одухотворённому огнём жизни. Но не так ли выковываются в тайных подземельях боевые мечи? И не так ли рождаются в дерзком порыве гениальные идеи? Так родились и прекрасные, гордые, смелые юноши от преступной любви Лилит и Хуракана.

– Кристо! – воскликнул доктор Филл, но так, чтобы не вывести меня из транса. – Кристо, ты потомок их! Гордись, чадо!

И у меня, Кристо-Каурова, пробежала по телу сладостная дрожь воина, но я не очнулся, даже крепче и глубже ушёл в мир сокровенных воспоминаний.

– Слушай! Се летопись мира: откуда есть пошли народы на земле и кто перее всех. Слушай, я продолжаю... – доносился, как будто из низин души, где прячутся тени, голос доктора Филла.

Глава 14

БОРЬБА ЗА ИДЕИ С ДУШКОМ

После захвата «Белого дома» Виталий Владленович Бердиченко решил стать политиком и законодателем, ну хотя бы местного масштаба, чтобы и в дальнейшем служить идеям большого либерализма. Тутюшние «яблочники» выдвинули его депутатом в Законодательное собрание, и сивая шотландская борода его замелькала на каждом заборе Сурграда. Листовки и агитплакаты штамповал Макс Вольдемаров на редакционные деньги. Не без труда, но Бердиченко в своём округе так-таки заломал одного недобитого коммуняку, закатил пир уцелевшим журналистам и закулисно сдал газету своей помощнице и, как выяснилось, любовнице Римме Хайруловой.

К тому времени Римма, не столь давно красивая и экстравагантная молодая особа, сделалась, по моим наблюдениям, нервной, хитрой и какой-то беспринципной бабёнкой. А главное – стала явно враждебно относиться ко мне. Сначала я не мог понять, почему. Не давний же наш роман, закончившийся ничем и, что замечательно, без ссор и упрёков, был причиной тому? Да вроде нет: мы продолжали нормально общаться, вместе работали и создавали новую газету. И всё-таки причина была в другом. И наконец я догадался: она почуяла во мне духовного недруга.

Хайрулова сладострастно «тащила» от разного рода оккультизма – этого свинства возле чаши Христовой, по замечанию одного церковного писателя, и как-то тихо, как Бердиченко коммунистов, так и она ненавидела православие и тех же церковников, хотя любила цитировать Евангелие, но в интерпретации прежних и новейших теософов. «Наша учёная ведьма», – меж собой называли её некоторые журналисты. Да, это она навязала оккультно-психологическую тематику газете: сначала прежней «Молодёжке», затем новой. Часами Римма могла говорить о таинственной Шамбале, о чудесах человеческого духа и сверхвозможностях организма. При этом с годами сама явно не стала отличаться ни душевным, ни физическим здоровьем, если не сказать более.

У Хайруловой был брат, в своё время подававший надежды художник-авангардист. Но после тяжёлой аварии, клинической смерти и последующего выздоровления («Чудом выжил», – говорили про него) он круто порвал с живописью, поступил в Ленинградский университет, стал психологом и увлёкся восточными методиками. Побывал ещё в советское время во многих азиатских странах, с трудом (якобы не давали) защитил диссертацию, долгое время, однако, прозябал на больничных задворках столицы. Но в начале перестройки, вернувшись в Сурград, добился разрешения открыть в элитной больнице для обкомовцев, райкомовцев и прочих управленцев и номенклатурных работников кабинет нетрадиционного лечения: тут были и иглотерапия, и мануальная терапия, и гипноз, и некогда запретная гомеопатия, и различные системы дыхательной гимнастики. А главное, доктор Хайрулов удивлял престижных пациентов, в особенности их жён, дочерей и любовниц, своими экстрасенсорными чудесами: ставил диагноз без внешнего осмотра, иногда по фотокарточке, утишал боли биополем рук, осторожно практиковал «снятие порчей» и так далее, и тому подобное. Тайная слава его росла изо дня в день.

С ним-то и дружил с детских лет Виталий Бердиченко, во время войны эвакуированный с мамой в Сурград. Разумеется, Виталик был талантливым мальчиком: тоже и рисовал, и сочинял стихи, играл в самодеятельных

спектаклях. Затем он поступит и окончит журналистский факультет в Москве, вернётся в приютивший его городок к престарелой матушке, которую очень любит, станет работать корреспондентом, доберётся в сравнительно молодом возрасте до редакторского кресла областной молодёжной газеты, получит великолепную квартиру в центре города.

Однажды, возвратясь из командировки в неурочное время, Виталий Бердиченко обнаружил в своей новенькой квартире выходящее из ванной комнаты очень важное обкомовское лицо. Такое важное, что и глазам своим не поверил. Именно это лицо недавно заботилось о том, чтобы молодые специалисты, супруги Бердиченки, получили отдельную квартиру. Виталий – перспективный журналист, Регина – педагог музыкальной школы. Как же не дать? И дали сразу не однокомнатную, а просторную, в элитном доме. Но командировки в отдалённые районы области стали чаще и длительнее, Регина же становилась какой-то другой... Всё это в один миг прокрутилось в голове Бердиченко при виде выходящего из ванной обкомовского лица, опоясавшего кресла свои их семейным махровым полотенцем.

Это полотенце буквально перетряхнуло всю душу Виталия. И если бы с юности он не приучал себя к сдержанности, как учила мама (а по природе он был очень вспыльчивый и ранимый), пожалуй, он натворил бы непоправимое, во всяком случае, толстомордому амбалу из обкома не поздоровилось бы. Но он сдержался, драку не устроил, скандал не учинил, Региночке по рожице не съездил, потому что мама, Мариам Аркадьевна, с детства внушала, что мужчины их рода женщин никогда не бьют, они не какие-нибудь грубые деревенские мужлань, им это не к лицу.

Суетливо, но молча собрал он чемодан, прихватил две бутылки «Золотого петушка», привезённые из районной командировки с ликёроводочного завода, и среди густо-осенней грязной ночи явился к другу детства и юности Ринату Хайрулову. Как нарочно, сибарит Ринат за кофе и сигаретами полуночишал с поэтом и журналистом Никитой Сыроедовым – Чибисом. Он в ту ночь, сидя у Рината, читал свои крамольные опусы, и тот снисходительно одобрял. И Виталий Бердиченко, пришедший к другу детства с рогами, наставленными супругой с представителем советской власти, пришедший, чтобы найти приют и сочувствие, попал как бы в кон.

Бердиченко, стараясь быть бодрым, вынул из сумки обе бутылки «Золотого петушка» – фирменной сурградской экспериментальной водки, предназначенной только для высокопоставленных гостей из столицы, местной партийной и прочей номенклатуры да ещё для тех, кому удастся достать по блату, как вот ему, Виталию, известному журналисту областной молодёжной газеты, – словом, гуляем, мужики!

Дефицитная водка пришлась по душе, и Чибис выдал экспромт: «Кто в полночь пьёт «Золотой петушок», тот от коммунизма уже на вершок».

И опять пошли диссидентские стишата и всё такое прочее. Только обманутый муж всё мрачнел и мрачнел, и рад бы тоже поёрничать, да не получалось. И когда золотая водка так-таки достала душу, Виталий, не сдержавшись, вдруг заплакал. А потом, жажнув ещё стакан «петуха», рассказал друзьям всю правду. Рассказывая, плакал и ругался, как последний совок-мастеровой, и сыпал проклятья в адрес не только неверной жены, но и всей обкомовской шоблы-воблы, и грозился отмстить, отмстить, отмстить!.. «Только, братцы, прошу вас, – говорил он, вытирая по-мальчишески кулаками слёзы, – не рассказывайте никому про это. Я же люблю её, стерву!» И друзья пообещали молчать.

Риммочке Хайруловой в то время было лет десять. Она была девочка отзывчивая, даже добрая, восприимчивая к чужому горю и романтически-мечтательная. В ту ночь плач и брань из-за тонкой перегородки, за которой находилась комната-мастерская брата, поведавшие ей о семейной драме молодого талантливого журналиста Виталия Бердиченко, в которого она была тайно влюблена, ошеломили её. С замиранием сердца она подслушивала откровения Виталия Владленовича (она только так его и называла, когда он приходил к ним в гости), и ей безумно было жалко его, такого интеллигентного, всегда остроумного и внимательного к ней, гадкому утёнку-подростку (в детстве Римма считала себя уродиной и очень мучилась от этого). От жалости к Виталию Владленовичу, от обиды за него девочка поклялась той ночью всеми тайными силами, богами и демонами, что отомстит музыкантше Регине и, как только немного подрастёт, непременно отобьёт Виталия Владленовича у этой дуры.

И она сдержала своё обещание. Правда, уже после того, как побывала и раз, и два замужем, и раз, и два развелась, поимела десяток местно-именитых любовников. Наконец, она вспомнит про клятву и мёртвой хваткой вцепится в немолодого уже Виталия Владленовича, благо архитектора из неё не выйдет, зато увлечётся журналистикой, и стареющей редактор областной молодёжной газеты окажется подходящим объектом для очередного влюбления.

Жил он теперь в престижном доме, слыл осторожным либералом и особенно нигде в ранний период перестройки не высовывался. Измену жене, казалось, давным-давно простил. Регина Иосифовна постарела, зато заведовала музыкальной школой, имела звание заслуженного работника культуры и любила, когда про неё писали в газетах (ну так кто не любит?).

А важное обкомовское лицо, оценившее ум и такт обманутого мужа, включило зелёный свет молодому журналисту. И музыкантше, разумеется, тоже. Бердиченко скоро стал редактором, а ученички Регины, на зависть недоброжелателям, всё чаще стали побеждать в различных конкурсах-концертах, за что награждали и присваивали звания и Регине Иосифовне, писали про неё в газетах. Чаще она стала выезжать в другие города и Москву на различные совещания. Случалось, что её творческие командировки совпадали с отбытием важного обкомовского лица в ту же Москву, и Виталий Владленович, хотя и мучился, но, к удивлению, чувства ревности уже сильно не испытывал. А может, ничего больше и не было между всё ещё красавицей Региной Иосифовной и важным обкомовским лицом? Во всяком случае, оскорбительные слухи, которыми, как известно, полнится провинция, не доходили до ушей Виталия Владленовича (или он их и не хотел слышать?). Но тихая ненависть к отцам-правителям-покровителям жила, росла и аккумулировалась в его обожжённой душе.

И вот наконец настало время бросать камни в осквернителей его супружеского ложа. И он начал с мелких, с щёбёнки. Зато после путча пошёл метать булыжниками, хотя и не без некой осторожности, мало ли как дело обернётся: на Руси же как в калейдоскопе – чик! – и иная картинка сложится. И всё равно Бердиченко уже как-то даже свято верил: коммунякам – копец! Бог наказал их за него, за Виталия Бердиченко, в детстве мечтавшего стать настоящим коммунистом и Героем Советского Союза. Кстати, дед Виталия, как он сам рассказывал, пылким юношей вступил в РСДРП, в ту самую партию, которую возглавлял вождь мирового пролетариата, потому дед, Яков Борисович, фанатично и назвал первенца своего Владленом – в честь Владимира Ленина. В годы Гражданской войны дед был

комиссаром, что не помешало другому вождю в роковом тридцать седьмом упрятать его в стальные свои лагеря, припомнив ему якобы и меньшевизм, и зажиточное происхождение, и прочее, прочее... Словом, сгинул бывший комиссар. Но сын за отца не ответчик, и тезоименитый Владлен, к тому времени получив высшее образование, тоже стал руководящим работником, принимал деятельное участие и в индустриализации страны, и в организации трудового фронта, и в послевоенном восстановлении народного хозяйства. Однако в пятьдесят втором тоже был репрессирован... Слава Богу, вернулся жив. Да недолго прожил. По воспоминаниям Виталия Владленовича, Владлен Яковлевич до конца жизни свято верил в коммунистические идеалы, чему учил и детей. Но младший Бердиченко по-своему извлёк урок из семейной саги и с возрастом закупорил память рода на день икс.

Хайруловы и Бердиченки по-прежнему дружили семьями, то есть ходили иногда друг к другу в гости. Хотя назвать Хайруловых семьёй в общем-то было нельзя: Ринат Русланович так и не женился и, по слухам, к женщинам не проявлял уже интереса, а Римма – вечная разведёнка и чья-нибудь любовница, в данном случае Виталия Владленовича, что вполне устраивало Регину Иосифовну: уж пусть лучше эта мерзлячка, чем какая-нибудь молоденькая шлюшка из внештатниц, коих развелось как собак нерезаных.

Важное обкомовское лицо в связи с переменами в стране, да и с возрастом отошло от политических и административно-хозяйственных дел, но благодаря личным связям создало фонд культуры и занялось восстановлением храмов и передачей их Церкви, что вызвало у одних удивление, у других – саркастическую усмешку. Самого его, однако, ни в одной церкви со свечкой в руках не видели, рук он у попов не целовал, зато сами попы, большие и маленькие, частенько навевались к нему в фонд.

Когда началась повальная приватизация, Регина Иосифовна положила глаз на один запущенный городской кинотеатр с целью приватизировать его... ну, скажем, под музыкальную школу, а можно и торгашам в аренду сдавать, ну и прочие выгодные варианты просчитывались. Но не тут-то было. Кинотеатр оказался бывшей дореволюционной приходской церковьюшкой, и владыка Серапион потребовал от властей вернуть сие помещенье для духовных нужд неокормлённой паствы. Но поскольку закон о реструктуризации всего лишь витал в воздухе, то Регина Иосифовна с помощью Виталия Владленовича быстренько собрала подписи местных «видных деятелей культуры» в свою пользу, написала коллективное заявление коллег-музыкантов на приватизацию кинотеатра, а для надёжности поковыляла за поддержкой к бывшему важному обкомовскому лицу, долгие годы покровительствовавшему ей. И кто знает, может, и помог бы старинный друг-любовник бывшей красавице. Но тут некстати появилась статья самого Бердиченко. Это-де грабёж народа, народ-де надобно окультуривать, обучать искусствам, а его опять – насильно в церковь, за духовной милостью к невежественным попам, опять – экспроприация народного достояния: то коммунисты, то попы...

Короче говоря, когда Регина Иосифовна, тяжело переваливаясь на толстых ногах, пришла к бывшему патрону, возглавлявшему теперь фонд культуры, тот как раз читал статью её мужа. Хмуро выслушал он просительницу и даже чаю ей не предложил. А бывало, лишь войдёт к нему в обкомовский кабинет, где стол его и кресло непременно стояли, точно на паперти, на возвышении, он тотчас спустится к ней и как *кочет* начнёт вокруг неё выцокивать. А тут и не встал даже, развёл руками: увы,

увы, ничем не могут они помочь по данному вопросу Регине Иосифовне. И вообще теперь надо помогать церкви, долгие годы по недоглядке унижаемой советской властью. И так далее, и в том же духе, и всё в строго назидательном тоне. Регина Бердиченко начала было горячиться, дескать, попы обнаглели... ну, то есть в тон мужниной статье. Вот тут-то бывшее обкомовское лицо и рывкнуло так, как никогда не рывкало на неё, но слышала Региночка, как, бывало, срывалось лицо на других. Обычно и так красноватое, мясистое, оно в таких случаях делалось густо марсианского цвета, несколько со ржавым оттенком. Оно и теперь налилось предынфарктной медью. И всё, что думал бывший покровитель Регины Иосифовны о муже её, всё высказал ей: трус, предатель и приспособленец Виталий Владеныч! Он должен был, как Пушкин Дантеса, вызвать обидчика на дуэль или зверем изловчиться и убить из-за угла, благо тогда это можно было сделать легко, потому что телохранителей у обкомовцев не было! А уж если принял подачку, – ревел старый Асмодей, и в заплывших глазах его и вправду сверкал демонический огонь, – если согласился быть облагодетельствованным Советской властью, то теперь позорно лягать поверженного льва. Но пусть запомнит: в львином прайде вырастут новые – злые и сильные!

Регина Иосифовна ушла от бывшего покровителя сама в предынфарктном состоянии.

Между прочим, подписи «видных деятелей культуры» под её письмом собирал не кто иной, как я, Илья Кауров, по просьбе Виталия Владеновича. Мне и не хотелось, потому что чуял, не на ту мельницу предлагают воду лить, однако лил. Но к церкви, к вере, к религии сам я уже не был столь индифферентен, как десять-пятнадцать лет назад. Что-то уже стронулось в моей душе. Пелена ещё не спала с глаз, но стала истончаться. И вот уже всё явственней и явственней виделось мне причины кувырканий России (а заодно и собственной судьбы). Э, нет! Не в пресловутой классовой борьбе надо искать эти причины, не в экономике и не в политике – это всё следствия, а в сфере духа, то есть в сфере незримых сил, повелевающих миром, человечеством, судьбами стран, наций и народов, как и частными, маленькими судьбами. И всё чаще занимал меня гордый вопрос: а сам-то я кто в этой невидимой брани? Разменная монета в игральнице незримых сил или право имею на собственную игру? Или же вовсе выйти из неё? Да можно ли выйти, когда видимое и невидимое настолько тонко скованы, что и шва не видать, да и оков-то вроде бы тоже не видно, а пошевелиться невозможно? Что это? Кто я? Зачем всё?.. И вопросы, догадки удручали меня.

Глава 15

ВОЖДЬ АРИЙ-ЗАРЕСВЕТ

– Когда демиург Хуракан, – слышался голос доктора Фила, – колдовал над флорой и фауной Земли, а потом творил любимца-первенца Адама и возлюбленную дочь свою Лилит, земная ось планеты почти совпала с плоскостью эклиптики и Земля катилась-неслась, наклонившись к плоскости земной орбиты, как лихой мотоциклист на крутом вираже. И рай, куда Хуракан поселил первую чету – Адама и Лилит (так и не сочатавшихся), был на ближнем к солнцу полюсе. На верхушке же планеты, как на нынешнем полюсе, почти всегда стояла холодная синяя ночь, жутко озаряемая всполохами кровавых сияний, пророчащих будущие сечи. Туда-то, в мрачную юдоль, и был

низвергнут взбунтовавшийся Адам, когда ему предложили взять в жёны Еву. Куда же её девать, верно? «Нет, не хочу на Еве жениться, отдайте мне Лилит!» – протестовал Адам. «Пойми, голова садовая, – говорили ему, – Лилит как духовная дочь Хуракана несёт в себе наследственную заразу Тунгагтра». «Ну и пусть, – не сдавался Адам, – мы замолим её грех и духовным усилием перестроим квантовую структуру её генетического материала, а потом будем плодиться, размножаться и населять землю». И опять дивились отцы-инквизиторы: откуда он знает про квантовую структуру? Неужели демиург Хуракан открыл ему и эту тайну? Но просветила Адама, оказывается, Лилит, многое выведавшая у отца-любовника. «Но у Лилит уже будут дети, два мальчика, два разнояйцовых близнеца от бывшего демиурга, сотворившего вам физические формы. Мы уже провели анализ, – убеждали учёные мужи Адама. – Когда юноши вырастут и естество их потребует соития, они будут помогать и брать в жёны ваших дочерей, и древнепорченное семя Тунгагтра расплзётся по всей земле. Вдвое же усиленное чёрное наследие Тунгагтра вы своим молитвенно-волевым умонастроением преодолеть не сможете». «Вы что, разве допустите из-за отсутствия других женщин сожителство сыновей с матерью?!» – изумился Адам. «Юный друг наш, – отвечали ему отцы-инквизиторы, – во-первых, согласно тому же Закону Невмешательства, мы не можем стерилизовать сыновей Хуракана, во-вторых, повторяем, мы всё же имеем основание надеяться на естественное убывание генетического беспорядка двух открытых систем. Да, да, когда два народа – лилитяне и ево-адамиты – разрастутся, войдут в контакт, соединятся в единый – это и будет благо: зло тунгагтрского наследия перераспределится в организованной системе человечества и стабилизируется, снизившись до минимума, если не затухнет совсем». «Но разве вариант моего брака с Лилит, а сыновей её, хураканитов, с Евой хуже? – не соглашался Адам. – Разве этот сценарий не ускорит погашение тунгагтрского влияния?» «В том-то и дело, дорогой наш, что не ускорит. Беда в том, что вы с Лилит по многим параметрам, оказывается, не подходите друг другу, что выражается в отсутствии физической страсти. Между вами всего лишь дружеские братско-сестринские отношения, и не более. Как вам ни покажется странным, но Ева более вам подходит, в чём вы и убедитесь». «Нет, нет и нет!» – забился в истерике юноша.

Что оставалось делать? Вмешаться в структуру генотипа? Но это не позволяет Закон Невмешательства, основывающийся на универсальном законе свободы. Адам и был создан свободным, то есть запрограммированным на свободу выбора. И отцы-инквизиторы предоставили ему этот выбор: или – узилище с лишением всех прав, в том числе сексуально-брачных, с Лилит в первую очередь, или – ссылка на ту сторону Земли, где почти круглый год ночь и зима. Причём Еве тоже предоставили право выбора: либо с Адамом в вечную ссылку, либо оставайся в раю, с Лилит, дожидаясь рождения её сыновей, чтобы стать им, в лучшем случае, нянькой, в худшем... сдержанно отвечай затем, как полагается, на их домогательства, когда повзрослеют. Хотя, по генетическим расчётам, на процесс расплзания тунгагтрского зла эти шалости не повлияют: зачатые Евой и хураканитами дети будут нежизнеспособны.

Ева выбрала Адама. Она была некрасива, но умна: мозг её творил единственный одарённый из учеников Хуракана – Мениггесстроеф. К тому же она обладала чувством собственного достоинства. В раю хорошо, рассудила девица, но быть под пятой у капризной Лилит – увольте. А потом ещё будут помогать её и как женщину какие-то сопляки – ну уж извините. А главное – она чувствовала влечение к Адаму (это влечение неосознанно

было запланировано торопливой мыслью Хуракана и худо-бедно исполнено его учениками). То есть ей нравилось не столько то, что Адам в целом красив как мужчина, сколько нравились какие-то неуловимые отдельные чёрточки его: жесты, мимика, даже запах кожи его – словом, она не знала, что так сладостно влечёт её к Адаму (а в этом и весь фокус!), но влекло. К тому же, как умная женщина, она пронизательно увидела, что Адам, в сущности, добр, кроток и порядочен, поэтому он всегда будет у неё под башмаком и никогда не бросит в беде, ибо благороден. И она дала согласие отцам-инквизиторам пойти за Адамом на край света, с трепетом ожидая, что ответит сам Адам.

И всё же юношу тронула жертвенная любовь Евы. А поскольку он был и в самом деле добр и благороден, то и не могло в душе его не родиться ответное чувство, требующее жертвенных поступков. И, немного поразмыслив, он решил: если женщина его любит и хочет быть с ним, значит, ей так нужно. И почему он в знак благодарности за её доброе чувство к нему не должен согласиться на её желание ехать с ним? Ну, так пусть едет. Ведь всё равно Лилит уже не будет его женой. Он, Адам, ещё не знал, что размышления эти и чувство ответной доброты есть зачатки большой любви, которая там, в стране зимы, разгорится неугасимым и всеозаряющим пламенем. И оба они, Адам и супруга его Ева, отправились в суровый край испытаний.

А у Лилит, оставшейся в раю, тем временем родились расчудесные два сына. Прекрасный климат, избыток здоровой и вкусной пищи, беззаботное существование, наконец, знания, которые Лилит в своё время выведала у демиурга-любownika и весьма умело передала сыновьям, – всё это сделало из них прекрасных мужей. Но беда уже подкрадывалась близко.

Кристо, – вещал всезнающий доктор Филл, – далее случилось то, что не совсем прилично описывать словами. Прочти подобное сочинение на вашей грешной Земле кто-нибудь из современных критиков, воображающих себя борцами за нравственность и культуру, и не оберёшься потом от укоров в аномалии и ядовитых шипов пересудов о сексуально-патологических пристрастиях автора. Да, да, я имею в виду первое кровосмешение.

Дело в том, что у возмужавших сыновей Лилит вскоре проявилось необузданное – истинно тунгагрское! – соперничество за мать как за женщину. И братья-близнецы сразились не на жизнь, а на смерть! Отголосок этой битвы долго потом будет слышаться в мифах и легендах всех времён и народов. Но первыми были сыновья Лилит и Хуракана. Победил младший, рождённый последним. Он заковал брата и отвёл в клеть, где у него содержались звери в неволе для утехи. В такого же покорного зверя он хотел превратить и брата. Но ночью, утешив и усыпив уставшего победителя-сына, в узилище к старшему с ключами пришла мать. Она сняла с него железные оковы и предложила побег. «Зачем? – смирившись с поражением, говорил он упавшим голосом. – Лучше я умру здесь, чем где-то в одиночестве». Тогда она рассказала ему торопливо об отце и о том, что там, на другом краю земли, живут такие же люди, Адам и Ева, и у них, должно быть, уже выросли юноши и девушки. «Беги, сын мой, любимый мой!» – «Но примут ли они меня?» – «Адам примет во имя моё», – заверила Лилит и, целуя сына как мужа, пробудила в нём клятву не мстить брату, если когда-нибудь вернётся. Он пообещал, но в душе поклялся отомстить.

Сильный и смелый, поверивший в новую жизнь, свободный, он прошёл всю землю и нашёл людей в ночной стране, потратив на это половину жизни. Другую половину посвятил воспитанию воинов, и в первую очередь

своих сыновей. Адам-патриарх дал ему в жёны внучку, и он, бродяга-пилигрим, прилепился к ней всем сердцем. В благодарность лилитянин учил адамитов, как легко добывать огонь, плавить железо и ковать мечи. Он знал много больше, чем Адам: знания ему поведала мать, вызвавшая тайны от демиурга-отца Хуракана. Он учил людей страны вечной ночи грамоте при свете факелов. Он рассказывал им про реки, озёра, моря и материки, которые сам прошёл в одиночку. Он готовил их в обратный путь, в страну вечного солнца, возбуждая в них дух борьбы со стихиями, дикими зверями и будущими врагами лилитянами. Ещё некоторых из них, способных и избранных, пришелец учил магии и чародейству, азы которых почерпнул от той же Лилит и развил до совершенства в годы странствий. Незаметно он, чужеземец, узурпировал власть среди адамитов.

Когда вырос и возмужал первенец лилитянина – бесстрашный чёрный воин Хум, отец отправил под его главенством первый разведотряд в страну света и с нетерпением ждал возвращения его долгие и долгие десятилетия. За это время смуглая раса детей вечной ночи разрослась до внушительных размеров (ночь способствует любви, не правда ли?), расширила и освоила ареал своего обитания.

Тем временем и лилитяне солнечной страны, сильные и красивые, умные и умелые, чисто из познавательных интересов тоже исследовали ойкумену почти до границ тьмы. Столкнувшись с передовым отрядом чёрных разведчиков, лилитяне, хотя и сильные, но не готовые к сражениям, были разбиты и пленены.

Как сладостно и горько было видеть старому перебежчику-эмигранту врагов и сородичей своих! В них текла и его кровь. Но, в отличие от состарившихся и ставших совершенно сентиментальными Адама и Евы, которые обласкали пленников и занимали всякими глупыми расспросами, он принял их всё же сурово и с пристрастием допрашивал, жив ли его младший брат, как чувствует себя мать Лилит, не стареет ли... Но больше его интересовало другое: каков технический прогресс в стране вечного солнца, в каком состоянии зарождающаяся наука, не забыли ли магию лилитяне. Выведав всё, он, терзая своё сердце любовью, приказал самым верным воинам своим тайно убить пленников. С этой поры он стал настойчиво готовить фактически уже возглавляемый им народ зимы к вторжению в Эдем. Но случилось непредвиденное – непредвиденное даже Владыками Вселенной. Случилось светопреставление!

Пролетавшая близ Земли комета Таттла чуть-чуть отклонилась от траектории и, точно скользящим боксёрским апперкотом снизу вверх под подбородок, поддела голубой шарик... К тому же на чёрном, ночном, холодном полюсе Земли за многие миллионы лет её существования выросла громадная, тяжёлая ледяная шапка, и стоило комете даже вскользь нанести «апперкот», как, подобно резиновому мячику в воде, кувыркнулась она, вращаясь в небесном эфире, тотчас накренилось небо, и мгновенно уплыли куда-то за горизонт солнце, луна и звёзды. При этом возникшие магнитная и воздушная бури смело полжизни на Земле. Зато там, где была вечная полутьма, в одночасье стало ослепительно светло – это яркий свет ударил в прежнюю маковку планеты, вычертив новое её лицо. Южная Африка, точнее, гондванская Лемурия, эта вчерашняя страна зимы и ночи, оказалась на экваторе против солнца, в эпицентре жары, как и теперь уже много-много тысячелетий. Солнечный же экваториальный Эдем вместе с уцелевшими

голубоглазыми и белокожими лилитянами вмиг очутился на нынешней верхушке планеты – аж на северном полюсе. Эту страну впоследствии назовут Гипербореей.

Небесная катастрофа заставила устремиться навстречу друг другу два разных по культуре, но уже кровно породнившихся народа. Но столкнулись они не сразу.

Потомки Адама и Евы, приправленные лилитяно-хураканской кровью, эти народы ещё вчера холодной и тёмной Африки, спасаясь теперь от непривычного солнечного пекла, двинулись инстинктивно на север. Оказавшиеся же там лилитяне, впоследствии назвавшие себя гиперборейцами, что значит «мы с севера», сперва не слишком ощутили климатические перемены, разве что странную смену дня и ночи, которые теперь, арктические, длились целыми месяцами.

Но нас интересует другой народ – тот величавый народ, ступивший на кромку евразийского материка. Этот народ солнца – солнца Ра! О, сакральное РА! – этот народ назвал себя росами, руссами, росланами. У него много имён того же корня и смысла. И возглавил его, Кристо, ты, наречённый в то незапамятное время Заресветом, что переводится с древнего праязыка как «озаряющий путь к солнцу». Но возглавил несколько позже.

Далее доктор Филл поведал мне, Кристо-Каурову-Заресвету, как русы шаг за шагом заняли и одухотворили всю зелёную страну Севбирь, дойдя на востоке до великого океана, а на юге до подошвы азиатских гор. Перевалили через Каменный пояс, прокатились гигантской волной по нынешней моей родине, оставив ей анаграмматическое имя «Край-Сур». («Слышишь, слышишь, Кристо, – доносился магический голос Филла, – *Край-Сур – это рай русов*, где теперь стоит ваш славный город *Сурград*»).

Частью оставшись в сурских краях, основным же потоком руссы двинулись в глубь Европы – с правой руки, и через реки Борисфен и Истер в Средиземноморье – с левой. Там они дошли не только до Италии, основав вечный город Рим, но и до Трои, а совсем неподалёку одухотворили золотые земли Палестины. Даже жгучее североафриканское побережье раскрыло им свои объятия. Но здесь начинались исконные земли адамитов-лемурийцев. И сечи были жестокие.

В Европе же складывалось вначале всё замечательно. Практически никем не занятая (кроме побережий, где изредка появлялись атланты, да с юга проникали передовые отряды лемурийцев), цветущая и пышная, она, как дева на выданье, с нетерпением ждала суженого. И он, великий рос, полный сил и добра, явился, чтобы нежно и страстно объять её. Здесь он построил великолепные города, насадил сады, зачал будущие науки и культуру... Но неожиданно с севера появились его одичавшие, однако полные злой силы и удали собратья – это те гиперборей-лилитяне, отставшие или не захотевшие пойти с сородичами через Гренландию и Канадский архипелаг в Америку (кстати, ушедшие в Америку так и сгинули, не оставив после себя никакого следа). У дикарей уже был свой язык, мало похожий на прекрасный первородный. И клялись они на мече по-другому: гордо воткнув их в грудь Матери-сырой-земле, а росы – смиренно положив на лоно её. Но главное – они и не хотели понимать сородичей, раскрывших им свои объятия и говоривших: «Братья, простора хватит на всех. Берите в жёны наших дочерей, мы будем брать ваших. Селитесь в наших городах или стройте рядом свои. Расчищайте леса для полей. Наши знания и умения мы охотно передадим вам». И передавали. И не ждали коварства. Но дикие воины под покровом мнимой дружбы, с трудом маскируя алчный взор, собрали

огромную армию и неожиданно нанесли смертельный удар росланам. Так потом, века спустя, потомки их устроят Варфоломеевскую ночь своим же собратьям, религиозным отщепенцам. А те, спасаясь в Америках, вырежут хозяев-аборигенов, узурпируют власть и захватят их земли, станут несметно богатыми за счёт ограбленных соседних народов, но всё равно блудно-алчный взор их навсегда останется нацеленным на жестокосердного брата.

Далее из рассказа доктора Филла я узнал, что варвары вытеснили росов из благодатной Европы в более суровые её края. Но и с востока их осаждали туранцы, воинственные и неукротимые. С юга же напирала добравшаяся до Европы чёрные лемурийцы. И славный, благородный народ мой заметался между силой и правдой: сила давила, правда давала волю к сопротивлению и поиску истины.

В те далёкие-предалёкие времена варвары Европы устроили резню руссам и загнали их в дикие леса между Одром и Вислой. Среди народа началась смута. Поражением мужей воспользовались женщины. Слишком много, особенно среди молодых вдов, появилось волшебниц, кликуш и пророчиц. Но власть всё ещё принадлежала мужчинам-жрецам. Старцы-волхвы внимательно наблюдали за вдохновенными ясновидящими, изучали их, однако постепенно теряли над ними контроль.

Женщины-пифии немало принесли пользы своему народу в борьбе с врагами. Но из-за развившегося честолюбия и жестокости вскоре им захотелось полностью властвовать над мужчинами, и они потребовали кровавых жертв. И мужчины затрепетали – затрепетали от любви, благоговения и страха, судорогой перетекающего в неуправляемое сладострастие. А тут ещё с юга, от чёрных лемурийцев, пришла страшная болезнь, передаваемая через кровь и любовные соки. Массовые же оргии, устраиваемые в честь волшебниц-друидесс, только ускорили её распространение. Однако именно эти женщины впервые после эдемской трагедии заговорили стихами, хотя и плохими, а среди поражённых наследственной болезнью мужчин, правда, ещё не тронутых безумием, стали появляться гении и таланты. Но это несколько позже, когда страшная и странная болезнь приутихла.

Вот тут-то, Кристо, и объявились вы. О, конечно же, не случайно. Космический Совет Высших Иерархов был хорошо осведомлён о происходящем на Земле. Вашей душе-монаде, Кристо, тщательнейшим образом сконструированной в лабораториях Грааля, было дано многое, даже право, вселившись в любой эмбрион, переконструировать его физически из тех же элементов по своему усмотрению. Вот почему целые столетия вы выбирали одну и ту же соматическую форму и прослыли бессмертным.

Кристо, открою маленький секрет: мы почти стопроцентно восстановили ваш тот первоначальный облик – горделиво-спокойный облик. О, даже цвет глаз, цвет сине-голубого лотоса, мы передали в точности, с ничтожной долей отклонения.

Когда душа ваша, занесённая космическим вихрем из царства Сатурна (разумеется, согласно теоретическим расчётам наших учёных), достигла Земли и оглянулась окрест, она горько заплакала над погибающим прекрасным народом. Когда же вы воплотились и в тридцатилетнем возрасте услышали внутри себя голос, зовущий на подвиг, вы откликнулись тотчас согласием. О, вы уже многое знали и умели. Вы знали целебную силу трав

и деревьев. Лёгкий и неторопливый, вдумчивый и бесстрастный, вы исходили вдоль и поперёк всю родную Скифию, а также полные и полуденные страны. Чёрных людей, сыновей Адама, вы очаровали своей скромностью и познаниями. Их жрецы в свою очередь многому обучили вас: как управлять стихиями и как силой одного лишь взгляда побеждать врагов. Но именно у них вы увидели апофеоз ритуального разврата и жестокости и вывели у посвящённых, что это плоды проклятого семени Тунгаггра, переданного отчасти в творческом акте Адаму демиургом Хураканом. Но больше это передалось через эмигранта-лилитянина, затем возымевшего власть над адамитами и поставившего военачальниками над родами своих светлицыных жестоких и коварных наследников.

Отпуская вас, Кристо, в родную Скифию, жрецы лемурийцев прозорливо пророчили вам миссию великого врачевателя и на прощание просили, когда исцелите свой народ, благосклонно взглянуть и на них. Белые люди, говорили они, вселятся и в наши дома, и мы будем служить им, но тем и спасёмся. Но будет время, возможно, будем и мы царствовать над ними, но недолго. Они называли вас, Кристо, Светлым Завоевателем, а соотечественники – Арий-Зар или просто Заресвет.

Однажды во время летнего солнцестояния, предаваясь медитации в священной роще, чудом не осквернённой кровью и похотью безумствующих женщин и мужчин, вы увидели в тонком видении юную деву с веткой цветущей вербы в руке. Вы ещё удивились, Кристо: «Верба давно отцвела». Но юная дева услышала ваши мысли и, кротко опустив виноградины глаз, с тихой улыбкой сказала: «Раджа-зар, – (она называла вас на новый манер), – это вечноцветущая верба. Она не знает ни весны, ни осенней старости. Прими её от меня как знак особого расположения к тебе. С её помощью ты сможешь творить любые чудеса, исцелять больных и воскрешать мёртвых. Бойся лишь одного, Раджа-зар, – собственного гнева. Я полюбила тебя. Знаю, полюбил и ты меня... – И она подняла на тебя, Кристо, свои золотые глаза, и ты был сражён неземной любовью. А дева продолжала, теперь улыбаясь чуть дерзко и лукаво: – Смотри же, Раджа-зар, как только ты полюбишь земную женщину больше, чем меня, ветка вербы накажет тебя». «О нет, госпожа! – воскликнули вы, Кристо. – Я останусь преданным тебе навеки. Только не покидай меня!..» «Нельзя нам вместе здесь, любимый, – ответила она печально. – Но я буду приходить к тебе в твоих видениях. А теперь прощай». И коснулась губами твоего воспалённого лба. И с поцелуем вошло в тебя знание, как с помощью злато-серебристой вербы исцелять людей от чёрной болезни и возрождать для новой жизни.

У неё, у той девы, были волосы голубого пепла, как у прародительницы белой расы Лилит, а на щеке играла то ли ямочка, то ли тень от родинки, и лик её капризно изменялся. Звали её... Впрочем, неважно, Кристо, как звали её. Но знай же, в каждой из земных женщин всегда чуть-чуть пребывает она. И где бы вы ни были потом, в какие тяжкие грехи ни пускались, как бы низко ни падали, она хранила вас, и вы знаете, кто она...

– Знаю, знаю! – вырвалось с восторгом у меня. – Это она, Дева Мария!

И как только я воскликнул, мгновенно же почувствовал, что крик мой точно огонь ожёг гортань и уста, боль была такой невыносимой (причём сладостно невыносимой!), что я стал терять сознание, запечатлев напоследок лишь беспорядочный перебор каких-то голосов:

- Молчи, безумец, молчи!..
- Док, док, мы его теряем!..
- Инъекцию!.. Ещё инъекцию!..

- О, мать твою!..
- Док, док!.. Он уплывает!.. Может, рискнуть, док?..
- Валийте. Только поосторожней, другой нам такой не попадётся.
- О' кей.
- Сделали?
- Ништяк. Он наш, док.
- Ишь, бродяга!.. Алкаш, а всё туда же, в религию.
- Так надо же чем-то уши заполнить.
- Уши или души?
- И уши, и души. Одним подай Прекрасную Даму, другим – Вечную Деву. Главное, чтоб на кого-нибудь молиться. Хе-хе, муравьи несчастные. Ну что, готов?
- Клиент созрел, шеф, ха-ха-ха!
- Ладно, сделаем перекур, парни.

– Кристо, Кристо? – спустя какое-то время или целую вечность опять разбудил меня приглушённый голос доктора Филла. – Вы слышите меня? Пожмите мне руку, дорогой мой. Вот и замечательно. Сейчас ваши мысли и чувства восстановятся. На счёт «три» откройте глаза: раз, два, три!

И я, Кристо-Кауров, вновь невольно вообразил себя тем самым Арием-Заресветом, великим целителем, астрологом, знатоком необъятного звёздного неба. Я учил волхвов-друидов по сияющим знакам Зодиака и вращению светил узнавать судьбы людей, стран и народов. И мои ученики разбрелись по всей земле, творя чудеса, исцеляя больных и утверждая новую веру – веру кроткого овна, вместо воинственного яр-тура.

– И всё же вы старели, Кристо, – продолжал доктор Филл. – Вы расхотели меняться. И скоро мир оказался сильнее вас. Человеческие страсти вновь тронули золотое лицо его. Так плесень покрывает забытую в тёмном углу булку доброго хлеба, проникая всё глубже и глубже внутрь. Так и мир позеленел от зла. Мёртвой росой покропил его уста древний Хаос. Тогда вы, некогда сильный и мудрый, а теперь дряхлый и расслабленный, вышли из невидимой страны своей, чтобы спасти его. Но мир не принял вас. И вы в сердцах проклинали его. И проклятие бумерангом упало на голову вождя и народ его, ибо вождь и народ едины, народ отвечает за вождя, вождь отвечает за народ. Вы знали это, но возраст и взывавшая жалкая страсть-обида победили мудрость. С той поры высокая ваша душа-монада – монада-дух! – посмертно стала нисходить всё ниже и ниже. О, если бы не это! Вы разложили бы своё тело на атомы огнём духа и ушли бы в вечные чертоги ирия-рая. Но, увы, увы! А разве вы и то не знали, Кристо, что если мудрость Саттва, когда распадается тело, поднимает души до третьего и седьмого неба, то, когда побеждает Раджас-страсть (а гневное проклятие – это страсть), душа вновь и вновь возвращается в среду тех, кто привязан ко всему земному? Знали, знали вы про эту проклятую вертлюгу-круговерть, но не захотели или не смогли обуздать себя. Вот поэтому, Кристо, вы и закончили колесо превращений, извините, жалким литератором и спившимся журналистом. Признаёте ли вы свой грех, – усталым и сочувствующим голосом спросил доктор Филл, – грех, последствия которого я вам подробно описал?

- Да, признаю, – сквозь запёкшиеся губы вымолвил я, точно подсудимый.
- Готовы ли вы искупить его?
- Да, готов, – тихо ответил.

– Сделаете ли вы то, что предназначено вам?
– Да, сделаю.
– Отлично. Мы подлетаем к планете Алых Бурь. Эта планета по атмосферным, биологическим и прочим параметрам идентична вашей родной Земле. В своё время она также была оплодотворена спорами жизни, занесёнными огненным вихрем из хранилищ Сатурна. Видимая и невидимая брамфатура планеты Алых Бурь также подвергалась скульптурной лепке одного из талантливейших демиургов, назначенных Высшим Советом. Но там произошла та же катастрофа, что и на Земле. Увы, это судьба близнецов. У нас, Кристо, есть ещё время, и я вкратце расскажу вам историю планеты Алых Бурь. Надеюсь, я не слишком отяготил вас столь насыщенной информацией.

Глава 16

РЕДАКЦИОННЫЕ ПЕРЕДРЯГИ. ИНКВИЗИТОРСТВО. УВОЛИЛСЯ НА ВОЛЬНЫЕ ХЛЕБА

Всё больше и больше тяготился я журналистикой. А когда меня убрали даже из редакционного совета (это уже когда редактором стала Римма Хайрулова, а Бердиченко в ту пору заседал в местной думе), то я и вовсе потерял интерес к газете: так, отписывался – и ша! Я подумывал уйти из газеты. Но куда? В другую? Менять шило на мыло? А ведь «Новая молодёжная» – моё законное дитя, хотя право на отцовство за мной и не признавалось. Рассудив, я решил всё же остаться. И зря.

Лишившись творческого актива, «Новая молодёжная», чтобы как-то удержать читателя, как и все, занялась поиском пикантностей, и в основном наловчилась подворовывать их из других источников. Цель оправдывала средства – просветительство тёмной массы. «Магия, эротика, психология» – так стала называться целая газетная полоса с добавками. Занималась подбором материала из области сексопатологии, колдовства и шародейства сама Римма, под псевдонимом Мила Ханова, а помогла ей загадочная её подруга Гелла Филимонова. Чаще замелькали и статьи Рината Хайрулова, доктора нетрадиционной медицины, директора оздоровительного центра – так теперь назывался бывший обкомовский Домик для гостей.

Гелла Филимонова (или Филимониha, как звали её за глаза в редакции) была девицей молчаливой, но не потому, что заика (многие заики, наоборот, очень словоохотливы, хотя это им и даётся зачастую с трудом). Серые, тяжёлые, навькате глаза её и пухлые, тоже какие-то тяжёлые губы располагали думать, что Гелла склонна к запальной любви и нездоровому мистицизму. Она вызывала ассоциацию с пахучей печёной картошкой, только что выуженной прутиком из раскалённых угольев костра: и на ладони хочется взять, и жжётся, чертяка такая. Меня же она невзлюбила сразу. А когда однажды я иронично выступил на заседании редсовета насчёт бульварных прогулок «Новой молодёжной» в обществе розовых и голубых персонажей, магов и колдунов, Филимониha, обыкновенно молчавшая, вдруг взяла слово и, волнуясь, оттого ещё сильнее заикаясь, стала говорить, что-де Кауров – враг свободомыслия и демократии, и, если ему дать волю, он всех загонит пинками в одну веру, а секс-меньшинства – в сталинские лагеря. «И вообще, если к нему внимательней прислушаться, – продолжала, волнуясь, Гелла (а я действительно иногда под мухой позволял себе кое-какие непривычные для многих высказывания), – если прислушаться, он м...м...мра-а-а-кобес!»

Редакторша Римма неожиданно прервала мои остроумные реплики и поставила вопрос о моём исключении из состава редсовета. И все проголосовали «за». Выходит, уже приготовились к тому. Ну что ж?.. «Благодарствую, коллеги!» – Нарочито бодро хлопнув себя по ляжкам, я встал и пошёл на выход. А проходя мимо Геллы, из какого-то невольного озорства взял да и потрогал, этак встряхнул снизу вверх дымящуюся волнением грудь Филimoniхи. Она дёрнулась так, что чуть не упала со стула... Уже за дверью я услышал такое тра-та-та-та! – немыслимо загогулистое ругательство.

Почти неделю я не появлялся в редакции. Пил или целыми днями лежал, молчаливо скорчившись, лицом к стенке. И Рая ходила тихая, робкая, не зная, как ко мне подступиться, и даже сын Славик как бы обходил стороной. Впрочем, один раз подошёл и участливо спросил, коснувшись пальчиками моего лба: «Папа, у тебя головка болит?» «Нет, сынок, – чуть не заплакал я, сам не зная отчего, – у меня душа болит». «А где?» «Вот здесь, сынок», – и ручку сына прижал к груди. Тот уже веселее, оттого что отец заговорил с ним, стал что-то расспрашивать, и мне немного полегчало, но всё равно я чувствовал в душе какую-то тяжёлую пустоту.

А Рая тихо плакала за занавеской. И молчала. И молчаливый плач её оглушал, разрывал мне сердце.

Когда я пришёл в редакцию, Римма с порога заявила: «Или извиняйся перед Геллой, или скатертью дорожка». Я грустно улыбнулся и написал заявление об уходе. А потом нашёл Филимонову и виновато извинился. Собственно, затем и пришёл, чтобы извиниться. Во-первых, почему-то было жалко Геллу, отчего-то думалось, что она очень несчастна; во-вторых, после недельной пьянки я чувствовал себя распоследним мерзавцем, перед всеми и вся виноватым, а самое скверное – мнилось, что никому от моего присутствия в этой жизни нет счастья. В такие-то минуты мужчины и кончают жизнь самоубийством. Но внутренний, неизрасходованный запас жизнелюбия и подпитывающая меня, очевидно, свыше жизнеси́ла легко затушевала бледную тень мелькнувшей мысли о смерти. «Ты не победил меня, демон печали», – сказал я однажды, протрезвившись и перемучившись похмельем. Сходил в баню, отпарился... Перед сном раскрыл небольшой молитвенник, купленный в одном из московских храмов (из старенькой Раинной кожаной сумки я сделал ему переплёт и обычно брал его в командировки – коллеги подсмеивались, я же отшучивался: «В нашем деле без Бога не до порога», – но «всерьёз» оправдывался, мол, молитвы меня интересуют как род великолепной поэзии. А на самом деле я уже верил. Догадывалась об этом только Рая. Вот и сейчас, убравшись на кухоньке, она вошла в спальню и, увидев меня лёжа читающим молитвенник, припустилась возле кровати на коленочки и тихонько сказала: «Илюша, давай вместе помолимся». «Вместе? Как? – удивился я. – Я вместе не сумею. – И почему-то стало неловко. – Давай пока молча: ты – за меня, а я – за вас... и за всех».

А на другой день я и уволился из газеты. В дневнике же своём записал совсем о другом.

«9 ноября, 1994 г. Недавно мне снился сон: куда-то иду, со мной мой малыш, держу его за ручку. Подходим то ли к речке, то ли к какому-то болоту. Я взял сына на руки, прижал к груди, осторожно ступил в воду. Но это не вода, а грязь, и чем дальше, тем глубже и гуще. Чтобы не запачкать дитя, поднимаю его выше и выше над головой, а сам чувствую, уже захлёбываюсь мерзкой жижей... Но всё-таки перешёл. Опустил ребёнка

на берег. Славик смотрит на меня пугливо и говорит: «Папа, какой ты грязный!» А я оглядываюсь кругом – где бы помыться, но нигде. Снова взял его за руку и, немного отстраняясь, чтобы не запачкать, повёл дальше. Так и шли. Похоже, долго мне так. Но дай Бог, чтобы у детей была лучше дорога и не такие грязные переправы по жизни».

«12 ноября, 1994 г. В городе больше стало нищих – детей-попрошаек и старух-стариков с протянутыми руками. Среди стариков не все сизоносые алкаши и бомжи, коих сразу распознаешь, встречаются ещё внешне приличные, отнюдь не опустившиеся и, главное, стыдящиеся своего положения (глаза опущены, и рука не протягивается, а как бы прячется от прохожих). Мимо таких мне, безденежному, особенно стыдно проходить, не подав ни копейки. Вот такое наблюдение. Но самое странное: на улицах всё чаще стали появляться сумасшедшие, разного возраста и пола, больше мужского. То ли от этой поскудной житухи, от этой непрекращающейся перестройки больше стало сходить с ума, то ли специально «психушки» открыли, чтобы больные на подножный корм перешли: больницы же обнищали. Сегодня встретился у Центрального универсама один такой, лет тридцати пяти, лысоватый, небритый, судя по языку, из вузовской технической интеллигенции. Идёт и как бы с кем разговаривает, остановится, воровато оглянется и опять начинает спорить с кем-то невидимым. Впечатление жутковатое. Истинно: *не дай мне Бог сойти с ума...* М-да, дух времени выворачивает людей наизнанку. Недавно иду задумчиво по улице Гоголя, тротуарчик жмётся к проезжей части, нечаянно поднимаю глаза: прямо на меня несётся легковушка. Отскочил, смотрю: машина приостановилась, высунулась харя с пистолетом в руке, хамски осклабилась, нацелилась на меня: «Бац-бац!» – заржала и умчалась. Видно, весело бандюганам пугать простой люд. Впрочем, я и не испугался. Не успел. А потом такая злость взяла: было бы у меня тоже оружие – я бы ни их, ни себя не пожалел! Вот так и вспыхивают революции и гражданские войны, когда злая энергия душ вдруг превысит критическую массу.

И ещё одно наблюдение: люди стали утрачивать чувство элементарной эстетики. Как-то проходил мимо памятника Победы. (Я ведь всё пешком хожу – из-за отсутствия денег, да и не выношу толпу в автобусе: все злые, особенно женщины, вдруг начинают собачиться меж собой ни с того ни с сего и не отстанут, пока не разойдутся; или которая постарше, похрабрее набросится вдруг на стоящих рядом молодых хамливых девок или пацанов, а те сейчас циники ещё те, ничем не прошибёшь, ни стыдом, ни совестью, ни жалостью – социально-защитная реакция, что ли; словом, всё это очень тяжело видеть, так что лучше уж пешочком, подальше от хамства и суеты.) Иду мимо памятника – а туда по субботам из загса обычно новобрачные фотографироваться приезжают – и вижу: действительно фотографируется парочка. Молодые, красивые, счастливые. Жених, как и положено, в костюме, при галстукe, невеста в белом кружевном платье, фата – целое облако на голове... и – в кроссовках! М-да, невеста в кроссовках – что королева в лаптях. Право, КВН какой-то, перешагнувший с телеэкрана в нашу реальную жизнь».

Глава 17

ПЛАНЕТА АЛЫХ БУРЬ

– Видите ли, дорогой мой друг, – приступил к новому рассказу доктор Филл, – все беды в любом уголке Вселенной происходят от невежества и самодурства.

Он и я, Кристо-Кауров, теперь сидели в обширной зале, оборудованной очень странно. Всюду были различной формы и расцветки явно металлические зеркала-экраны, меж которыми время от времени вспыхивали светящиеся плазменные шарообразования. Завораживая мой взгляд, они медленно блуждали по зале, иногда так близко подплывая к нам, что доктор брался за свою аспидную трость с набалдашником в форме змеиной головы и платиновым наконечником осторожно отмахивался от них, как от навязчивых, опасных живых существ, вроде кусачих ос. При этом змеиная голова в его руке – явно живая! – раскрывала пасть и пугающе шипела раздвоенным языком на плазменные образования. Другая особенность обстановки: куда бы ни взглянул я, вчерашний Кауров, всюду я видел прекрасное отражение новой своей внешности – теперешнего Кристо. И поистине он, то бишь я, был великолепен! На вид – лет тридцать (как, впрочем, и мне), когда ещё ни единой седины, ни морщинки, волосы золотисты и густы, словно дорогое руно, расчёсаны на две тугие волны и сзади схвачены в пучок, как у художников, музыкантов или священников. Но самое главное – глаза, иконные, сине-бездонные глаза. Это как-то особенно тонко радовало мою душу – душу Кристо-Каурова. О, если бы в такие глаза заглянула и если бы видела меня таким красавцем!.. Кто, кто? – силится вспомнить я. Перед кем бы я хотел в таком предстать обличье?.. Ну, перед кем, перед кем?.. И никак не мог вспомнить.

Голос доктора Филла о том, что все беды от невежества, отвлек меня от самовлюблённого недоумения.

– Да, да, от невежества, друг мой, от самодурства и необузданных страстей. Но куда бы ни шло, – говорил доктор, – если бы невеждой был какой-нибудь смерд, а самодуром, скажем, жалкий плебей, и поделом им затем перевоплотиться в бродячих псов, грязных свиней или бездомных нищих. Но когда на Олимп планеты, пуская в ход зубы и локти, взбираются невежды-вожди и с бухты-баракты возвещают, что мы-де объявляем вам волю и что-де не за горами всеобщее царство сытости, справедливости и тому подобной бредятины, при этом скромно умалчивая, что сто миллионов голов будет снесено во имя этого царства, тут, извините, умному и честному человеку не остаётся ничего другого, как сказать театрально в сторонку: «Мели, Емеля, твоя неделя». Но ведь умных-то и честных, как всегда, кот наплакал.

Вот и на планете, Кристо, над которой уже находится наш звездолёт, усомнившихся в разумности провозглашённого идеала оказалось всего-то с горстку. Народ же, в массе достойный своих невежественных вождей, не ведая ни глупости их, ни обмана, конечно, возликовал. Что ты! Царство сытости и справедливости, о котором столько-то веков мечтали, – вот оно на тарелочке с голубой каёмочкой, бери не хочю! Усомнившихся же в том, что оно ли это царство, изолировали.

Не буду углубляться в историю рождения планеты Алых Бурь и эволюционно-творческое развитие живого материала на ней, в том числе и человеческого, скажу только: планетарный демиург, имя которого уже забылось в веках, оказался неудачником, воображавшим и выдававшим себя

за гения, а на самом деле доля божественности в нём тяготела к нулю. Зато каков оказался хитрец и ловкач, ловко усыпивший внимание Высшего Совета Вселенной ложными отчётами, а затем так же искусно втёрший очки и Приёмной Комиссии!

Гордыня и похоть – два злейших врага всякого творца, от демиурга до вашего брата, самого ничтожного литератора, художника, артиста. Вообразите, друг мой, этот неудачник сконструировал тамошний вид человечества из рептилии, лошади и гомо сапиенса, кариотипы которых незаконным образом заимствовал из физического мира вашей планеты Земля. Как ему это удалось, так и не выяснилось доподлинно. Нет-нет, не пугайтесь, вы, конечно, не встретите на планете Алых Бурь кентавра с хвостом крокодила. Внешний вид – чистый гомо сапиенс. Но мозг, вся нервная система – именно частью недоразвито-крокодиля, частью заимствованная от высших млекопитающих, правда, неокортекс, отвечающий за речь, символическое и абстрактное мышление, – чисто человеческий, слишком человеческий, я бы сказал, божественный. Зато всё это «свинчено» так халтурно, так по-свински свинчено, что уже изначально было ясно, этому виду уготованы шизофрения и все разновидности маниакальностей. В самом деле, рептилии и даже высшие млекопитающие живут, не ведая, что их ждут смерть и лопух на могиле. Но благодаря именно божественной функции неокортекса это существо методом индукции додумалось-таки и доказало само себе, что и оно так-таки должно умереть. Доказало и ужаснулось! Отсюда-то и величайший надрыв в разорванном мозгу. Отсюда явная и скрытная, так сказать, культурная агрессия в виде кровавых жертвоприношений, чтобы умиловить богов, божков и прочих воображаемых нежитей, отсюда священные войны, сжигание еретиков, религиозный, политический и социально-бытовой садомазохизм – словом, кошмар, а не вид получился! Ревизоры же Высшего Совета Вселенной проявили халатность. Ведь видели, что получается у этого мошенника – чёрт-те что получается! – но вместо того, чтобы сразу забраковать и пустить в утиль, нет же, подписали акт сдачи-приёмки ало-бурского вида человека (его так и наименовали – ало-бурец), оговорившись, дескать, ради эксперимента посмотрим, что из этого монстра выйдет. Ну, вот вам и результат: тысячи лет внутривидовой войны за выживание. А массовые репрессии? А геноцид? А постоянный шизофренический разрыв между разумом и эмоциями? Кошмар! Всё это результат грубого, эклектического склеивания рептилии, лошади и гомо сапиенса – ало-бурец, чёрт бы его побрал!

А самое любопытное, что эти жалкие человечки, эти ало-бурцы долгое время потом этак по-страусиному укрывались от нас, думая, что мы ничего про них не знаем, не ведаем, что они одни во Вселенной умники-разумники, хотя в последнее столетие и стали догадываться, что миров-то множество. Правда, и мы им посылали кое-какие сигналы. Но, разумеется, в строгих рамках Закона Невмешательства.

И вот наконец в процессе исторического развития вся планета Алых Бурь кое-как объединилась, пожертвовав, конечно, ста миллионами тех самых голов. И дело вроде бы стало налаживаться. Но социально-политический строй их способствовал тому, что в процессе борьбы за власть к руководству планетой пришли опять же худшие... нет, справедливее сказать, из худших всё же лучшие, но всё те же беспринципные невежды и самодуры. И именно они-то вообразили, что во Вселенной, среди-то множества миров лишь одна их планета, видите ли, праведная, а весь Космос – от Тунгаггра. Каково

нахальство?! А этот гордынный замах в виде обращения к соотечественникам: «Мы объявляем вам волю!» О, высокомерие хамов!

Но народ возликовал. Народ ведь что дышло, куда повернёшь, туда и вышло. Усомнившихся, повторяю, вычислили, выловили и отправили в спецлаборатории.

Надо заметить, наука и технический прогресс у них прыгнули за последнее столетие так высоко, что началось катастрофическое несоответствие между кривой роста научно-технических достижений и кривой этического поведения вида. Это, собственно, и заставило нас вмешаться более жёстко, учитывая, что вид ало-бурца всё-таки не совсем естественен и крайне опасен.

Видите ли, Кристо, они представляют угрозу в двух направлениях. Во-первых, это космический сепаратизм. Ведь вожди приказали закрыть планету космическим панцирем-экраном, чтобы-де злые голоса Вселенной как можно реже и искажённое долетали до их планеты и не нарушали покой граждан. Теперь ежедневно по нескольку раз в сутки с экрана густо и звонко изливается всепланетный гимн, дабы верноподанные не забывали, что планета Алых Бурь самая прекрасная и жизнь на ней самая справедливая и вольная и что за всё это они обязаны мудрым вождям, с которыми равны и едины, как равны и едины винтики и гаечки в могучем механизме с ведущими шестернями – это их любимый образ. Глупцы и пошлые материалисты! Я, Кристо, между прочим, в Высший Совет вносил предложение: за открытую пропаганду материализма и атеизма – смертная казнь. Меня не поддержали. Однако мнение своё я не изменил и считаю: за оголтелый материализм – мочить, мочить и ещё раз мочить. Извините, друг мой, я некоторое время был агентурным советником у одного высокопоставленного политика и невольно перенял его лексикон. Язык – очень заразительная штука, а я, знаете, полиглот, любой диалект, жаргон, сленг впитываю как губка. А потом маюсь, пока из меня всё это не выветрится, как алкогольные пары из дыхания пьяницы.

Итак, сепаратизм. Штука серьёзная и заразная и, чего доброго, вспыхнет как эпидемия в той или иной галактике, а потом ищи-свищи виноватого. Уж лучше пресечь разом, на корню, верно? Это, во-первых. А во-вторых, повторяю, они научно и технически стали небывало сильны и при этом агрессивны, хотя военная доктрина их пока вроде бы мирная и оборонительная. Но агрессор не может долго жить в мире и покое. И мы решили принять превентивные меры. И вы, так сказать, главный наш козырь.

– Я?!

– Да, вы, Кристо. Человечество Алых Бурь привыкло к вождизму. Но народ устал и разочарован в нынешних геронтократах. Народ хочет бесспорного вождя, как женщина хочет единого, но могучего духом и телом мужчину, чтобы преклониться перед ним, как перед богом, обоготворить его. А при живом-то боге нищета и несправие как бы и не существуют. А то ведь при этих одряхлевших «олимпийцах» вновь нашлись ворчуны (они только и умеют ворчать), которые глаголют, что всюду ложь и унижение, что напрасно отнять у народов боги и отчизны, что надо опять разделить и жить своим умом и волей. Но стоит позволить им это, как ум тотчас затемнится рассудком, воля обернётся своеволием – и пошли плясать через пень колоду. Да уже и пляшут, им уже внимают. Кое-кто вслед за ворчунами подаёт дерзкие голоса: «Верните богов наших!..» Добрались до богов, жалкие суевеи! И это в то время, когда космос кипит от нашей деятельности, да и сами они вот-вот вырвутся в звёздное пространство. О, рептилии! О, кентавры!

Конечно, преданные глашатаи вождей грозно внушают бунтовщикам и ворчунам: «Нет никаких богов! Вы сами боги и творцы своей судьбы, вы свободны, равны и счастливы!» Зачинщиков хватают и отправляют куда следует, то есть в спецлаборатории, где им хирургически удаляют неподобающе мыслящие участки мозга или частично меняют генетическую структуру. Да-да, они добрались уже до геной инженерии. Сначала они экспериментировали на животных. Но крысы и обезьяны разве заменят человека? И что же? Представьте, их учёные вытребовали себе для экспериментов осуждённых преступников. Для этого даже в уголовный кодекс ввели статью, приравненную к высшей мере наказания, которая так и гласит: «Приговаривается на пожизненное исследование с целью научных экспериментов». Но представьте себе, деятелям науки и этого мало. Через средства массовой информации общественное сознание обработано так, что нет отбоя от добровольцев, готовых принести себя на алтарь науки. Но у фанатиков, как и у преступников, так или иначе изменены психика и сознание. Однако ради чистоты экспериментов требуются своего рода «незамутнённые» экземпляры. Высшие органы власти пошли и здесь на уступки: издан секретный указ, позволяющий с той же целью похищать кого бы то ни было, начиная с бродяг и кончая весьма знаменитыми особами. Причём все об этом если не знают, то догадываются. Но все молчат. Народ безмолвствует, как сказал поэт. Общественного мнения, по сути, нет.

Утешает лишь одно: научный инструментарий у этих дрянных ало-бурцев, по нашим меркам, пока на низшей ступени, и всё, что они выкамаривают в своих якобы строго засекреченных учреждениях, в том числе оперируя иных бунтовщиков, вроде бы не угрожает глобальной катастрофой. Хотя они вот-вот научатся искусственно продуцировать свой вид. Можно вообразить, чем закончится всё это при их-то этической низости. Но мы контролируем ситуацию. Мы имеем доступ ко всем засекреченным научным центрам. У нас везде свои люди. Более того, Кристо, фактически я возглавляю все эти тайные учреждения. Да, да, одна из главных лабораторий полностью в нашем распоряжении. Даже вожди доподлинно не знают, какие исследования там проводятся, и очень удивились бы, узнав, что доктор Филл, хе-хе, в данный момент раздвоен: одна его сущность беседует с вами в салоне космического корабля «Семаргл», а другая экспериментирует в сверхзасекреченной лаборатории на планете Алых Бурь. Иначе говоря, Кристо, я тут, но меня как бы и нет, а если я там, то, как видите, я воплощён и здесь. Не удивляйтесь, ведь тысячи лет назад, будучи вождём своего народа, вы обладали такими же способностями, и они скоро вновь вернуться к вам.

И вот что ещё, Кристо. Имя и отчасти внешность, телесную оболочку мы дали вам в честь одного местного юного бунтовщика, золотого мальчика, так сказать, весьма и весьма похожего на ваш изначальный облик, который, как видите, мы и воспроизвели почти что доподлинно. Это был талантливый юноша, доложу вам, подавал большие надежды в науке, публицистике и общественно-политической деятельности. Мы уже приглядывались к нему и мало-помалу протекционировали ему. Но он был слишком смел, горд и упрям. Мы не успели уберечь его. К тому же он слишком пользовался успехом у женщин и нажил себе не только влиятельных покровительниц, но и могущественных врагов. И когда вожди-геронтократы почували в нём явного соперника – о, эта неискоренимая битва за женщин и власть! – его тотчас убрали с политической арены. И даже изгладили из жизни. К счастью,

мы успели законсервировать его генотип, повторяю, весьма и весьма сходный с вашим древним генотипом, и на всякий случай в народ пустили легенду о его посмертном возвращении. И вот этому случаю наступила пора проявиться. Роль воскресшего героя, Кристо, будете играть вы – вы, царевич наш! Ибо вы уже были и малым, и большим, и великим вождём, были пророком, героем, вестником. У вас гигантский опыт. И глубинная память вашей бессмертной монады уже раскрывается во всю мощь. Вникайте! Это будет наивысший ваш подвиг! – последнюю фразу доктор Филл произнёс с таким воодушевлением, что у меня по телу уже в который раз пробежали сладкие мурашки. О, как мне захотелось опять быть вождём! Но вместе с тем и какая-то робость тронула сердце.

– Что я должен сделать? – спросил я с мальчишеским испугом и тихой покорностью.

И примолк. Молчал и доктор, точно чего-то выжидая. Наконец внешне спокойно, но тяжеловесно ответил:

– Исполнить мою волю. Но готов ли ты? Готов ли стать спасителем планеты Алых Бурь? Молчи, не отвечай! – резко повелел Филл. – Прежде я хочу напомнить тебе, Кристо, твою последнюю, точнее, предпоследнюю, жизнь, оборванную на самом взлёте, но полную восторгов, ибо на благо народа ум твой озарялся великими открытиями в науке. Вспоминай же, Кристо, вспоминай! – внушал доктор, при этом делая короткие пассы свободной рукой, одновременно другой вычерчивая в воздухе аспидно-чёрной тростью какие-то замысловатые знаки ли, письма ли, и эти письма – о, чудо! – огненно отпечатывались в воздухе, дрожа замирали и через секунду-две быстро и бесследно таяли, вернее, свёртывались в огненно-плазменные шары и уплывали в бесконечное пространство зазеркалья. Но я помимо воли успевал их как бы прочесть и понять смысл – это был рассказ всё обо мне же, о недавнем Каурове.

Оказывается, я был любимым учеником крупного советского учёного послевоенной поры. Мы работали в закрытом институте экспериментальной медицины, где занимались составлением карты мозговой организации эмоций и расшифровкой физиологического кода психических проявлений. Теми же вопросами занимались и западные учёные, тоже секретно. Но, как ни странно, и мы, и они были достаточно хорошо информированы о тех или иных открытиях в данной области какой-либо из противостоящих сторон. То ли разведывательные службы работали отменно, то ли научно-информационный обмен имел тонко-текучее, неуправляемое качество, но всех это устраивало.

Вдруг начались вновь, как и в предвоенные годы, шумные процессы: суровым репрессиям стали подвергаться именно выдающиеся советские учёные и их ученики, помощники. И, странно, всем приписывали измену родине, продажность злым иностранным силам с целью разложения советской системы изнутри путём внесения ложных буржуазных идей, путём подмены истинной науки псевдонаукой.

– Но мы, Кристо, не продавались иностранным агентам, – сурово молвил доктор Филл, – мы не были шпионами и вовсе не хотели свержения советской власти. Верно?

– Да, да, мы были преданными сынами своей отчизны, – трепетно ответил я.

Волнение захватило меня, память проснулась полностью. О, конечно, конечно же, я любил и родину, и партию, и советский народ. Но больше всего я был верен... истине. А истина превыше любого авторитета, даже авторитета партии и самого товарища Сталина, – так подспудно учил меня старший друг и наставник в науке, называвшийся тогда товарищем Язо (а ныне это доктор Филл).

– Истина же, мой друг, состоит в том, – как бы продолжая мои мысли, говорил сейчас учитель, – что у человека, оказывается, можно отнять эмоциональную свободу, например, вживлением платиновых электродов в соответствующие зоны мозга или изменением биофизиологической его структуры. Эту догадку впервые высказали именно вы, Кристо, мой гениальный ученик, а я по праву руководителя только согласился разделить вашу славу, – скромно сказал доктор Филл (он же товарищ Язо), поигрывая тростью, которой теперь он уже не чертил огненные письма в воздухе, но я, Кристо-Кауров, и без того ясно-преясно видел своё трагическое прошлое.

Прекрасно помню, как мой учитель и я, его ученик, поспешили тогда обнародовать на учёном совете научный доклад по открытию эмоциональных зон в структуре мозга. Тотчас после доклада разгорелась знаменательная дискуссия в форме бескомпромиссных диалогов, с привлечением иностранных учёных и деятелей искусств. Предполагалось продолжить её и на следующий день. Но на следующий день участникам конференции объявили, что профессор Язо и аспирант его, то есть я, по срочной надобности вылетели спецрейсом на военно-транспортном самолёте в такой-то город (закрытый научный городок, имя которого не называлось официально, а зашифровывалось), но случилась авиакатастрофа, и мы якобы разбились, и даже останки наши нельзя идентифицировать.

А между тем мы никуда не улетали и были вполне живы-здоровы. Но находились уже фактически под арестом. Нас доставили к товарищу Сталину в кремлёвский кабинет.

Покуривая головастенькую трубочку, стоял он бочком у окна, невыразительный, сутуловатый, в белом кителе и брюках с багрово стекающими лампасами – и не подумаешь, что это вчерашний абрек, ныне собравший великую державу в одни неумолимо жестокие руки! На широком подоконнике то ли вопросительным, то ли восклицательным знаком лежала нагайка, подаренная вождю со съёмки фильма про казаков; в окно виднелась присмирившая революционно-красная площадь. Не оборачиваясь, хозяин негромко спросил с характерным кавказским акцентом, при этом одним лишь когтистым, но усталым взором окинув вошедших, точнее, введённых к нему учёных:

– Скажите, товарищи учёные, вы серьёзно убеждены в правоте своих научных открытий?.. Если они действительно *научные*, – добавил он с еле заметной усмешкой в голосе, не предвещавшей ничего хорошего.

Профессор подобострастно кинулся объяснять суть «теории эмоций», но Сталин, всё не оборачиваясь, перебил его:

– Я это всё уже давно знаю – мне доложили раньше, чем вы успели доложить другим, х-мы... – опять послышалась усмешка. – Я спрашиваю, вы серьёзно полагаете, что необходимо продолжать стремиться к расшифровке физиологического кода эмоциональных состояний? Если их вообще можно расшифровать, хмы...

– Безусловно, можно и нужно, товарищ Сталин, – опередил я ответ профессора.

Сталин наконец обернулся, и даже несколько резковато: должно быть, не ожидал такой прыти со стороны ассистента знаменитого учёного.

– Продолжайтэ, – сказал он, пыхнув трубкой.

Ободрённый, я, горячась, стал говорить, что прогресс науки неостановим, как неостановим он во всех областях знания, и что...

– А нэ выпустите ли ви, учёные, – опять перебил вождь, – при нашем близоруком нэдосмотре за вами, джинна из бутылки, которого затэм уже нэ удасться упрятать обратно?

– Товарищ Сталин, – взял слово профессор, пресекаяще зыркнув на меня, – подобными исследованиями занимаются и американские нейрофизиологи. Мы не должны отставать...

– Ми и нэ отстанэм, – отрывисто, с особым ударением на «нэ» опять перебил хозяин. – Я спрашиваю: надо ли воздействовать на мозговые функции советского человека для создания более счастливого, мэнее агрессивного и более сбалансированного гражданина или же этого можно достичь бэз ваших дурацких штучек, а лишь воспитанием и созданием социальных условий для развёртывания всех его возможностей?

– Товарищ Сталин, задача учёных...

– Учёным можешь ты нэ быть, – с чуть приметной усмешкой заметил вождь, перефразируя поэта, – но гражданином быть обязан. – И вновь отвернулся к окну. – Если человек здоров, надо ли дэлать его счастливым через ваши электроды? Нэт, нэ надо! – заявил резко и как-то судорожно повёл правым плечом. – И наша задача – сделать советских людей здоровыми. А счастье нэ суть смысла жизни. Это дело индивидуальное. Более скажу: счастье – это наркотик, который долго, систематически нэльзя употреблять: потэряешь чувство рэальности. А рэальность жэстока и коварна, трэбует внимания и трэзвости, ибо ми отвэтствэнны за другие жизни, за весь наш советский народ. Большое же счастье ещё более опасно: утрата его чревата нэизлечимостью. – И вождь опять замолчал, попыхивая трубкой. Потом небрежно сказал: – А насчёт вашего открытия, товарищи учёные, ми подумаем, как его использовать: знание механизмов работы мозга очень важно для наших целей. Кстати, – настороженно полуобернулся вождь снова к нам как бы выкованным из железа царственно-грозным своим полупрофилем, – нэ может ли власть, основанная на таком знании, оказаться опасной? – И, хищно прищурившись, сам же и ответил: – Знание само по себе нэ может, а власть может: слишком вэлик соблазн – властвовать над миром. Разве нэ так, товарищи учёные?

– Мы вполне доверяем нашему правительству, товарищ Сталин, – поторопился ответить профессор.

– Я знаю. Но ми, – выделил он местоимение с каким-то свистящим звуком «и» вместо «ы», – ми обязаны вам нэ доверять. – И, не отрывая взгляда от профессора, медленно приблизился к нему, остановившись в двух коротеньких шагах. – Что-то у вас, товарищ Язо, глазки бегают, – и вперился в учёного мужа.

Тот и вправду не знал, куда девать глаза. Сталин же, чуть постояв таким макаром, обошёл длинный, как подиум, стол, сел в кресло, подвинул к себе какие-то бумаги.

– Ви свободны, товарищи, – кивнул нам. – Пока свободны, – добавил. – Продолжайте работать в том же направлении. Но хочу предупредить вас заранее: ваши открытия ложны по сути: человек нэ умещается в одни лишь извилины под черепной коробкой, – указал он трубкой на голову. – Кстати, –

как бы о чём-то вспомнив опять, остановил он нас вопросом уже на пороге, – как ви, кудэсники и маги, относитесь к открытиям товарища Вавилова?

– Николая Ивановича? – невольно уточнил профессор, похоже, удивлённый тем, что Сталин назвал нас магами и кудесниками, очевидно, вкладывая в это какой-то смысл, да и фамилию Вавилова к чему-то вспомнил...

Вождь вскинул так державную бровь, что мой учитель не сразу нашёлся, что говорить дальше. Затем торопливо, хотя и не без осторожности стал отвечать, что мы-де, с некоторыми оговорками, согласны с теорией гомологических рядов товарища Вавилова, так как она подтверждает открытия в области генетики ведущих западных учёных, в том числе господина Менделя, который ещё в девятнадцатом веке...

– Х-хек! – задумчиво посасывая трубку, вдруг как-то презрительно усмехнулся в щетины усов вождь. – А вот мои учёные монахи утверждают, что всё эти так называемые «открытия», – и опять усмешка, – хэрня на постном масле. Идите, идите, – небрежно махнул трубкой.

Но мы, шокированные, во-первых, загадочным выражением «мои учёные монахи», во-вторых, не то чтобы неприличным выражением, а тоном, каким произнесено оно было, стояли столбами. Сталин же как ни в чём не бывало стал перелистывать бумаги, продолжая попыхивать трубкой.

– Пройдёмте, товарищи, – полусёпотом приказал офицер КГБ, стоящий за нашими спинами.

В кабинете вождя плавал тонко-змеистый дым со странным запахом ладана.

– Через полгода, Кристо, – сказал доктор Филл, – вы вскрыли себе вены в саратовской тюрьме, в той самой, где бесследно исчез и Вавилов.

– А что было с вами, учитель? – спросил я.

– Видите ли, Кристо, я неуязвим. Фактически я бессмертен. Хотя и мне приходится иногда переживать психически и физически неприятные минуты телесной смерти. Я был расстрелян. Но, как видите, воскрес, даже не имея нужды в реинкарнации или репродуктивном воссоздании прежней формы. Если бы вы не упали с той духовной высоты, когда водили древние племена, вы бы тоже владели, да вы и владеете, только пока ещё не знаете этого, искусством воскресения из мёртвых. Для нас это столь же просто и приятно, как ребёнку проснуться солнечным утром. Вы заметили, как дети неохотно отходят ко сну, плачут, капризничают, цепляются за ручку папы-мамы? Это их хрупкая память-знание напоминает им о прошлой и будущей их смерти. Но как чисты их глаза, какая молочная синева белков, почти никогда не бывающая у взрослых, какая восхитительно-невинная улыбка на лице ребёнка, когда он просыпается, слыша за окном пение птиц и запах клейких листочков! Это, друг мой, именно восторг воскресения из мёртвых. Я специально, как и в тот раз, изредка позволяю себе экстрему быть расстрелянным, повешенным, утопленным, зверски убитым – исключительно, чтобы испытать детское чувство пробуждения после смерти-сна. К вам скоро вернуться все ваши былые способности, и вы снова станете как бог, мой ученик. И уже никогда не умрёте, если сами того не пожелаете. Только поклянитесь, что исполните *мою волю*, которая есть воля Космических Владык. Клянитесь же! – воскликнул доктор Филл приказным тоном.

– Клянусь! – нимало не задумываясь, торжественно произнёс я.

– Свершилось! – устало, но победоносно сказал доктор и, опираясь на трость, тяжело встал.

Прихрамывая, прошёлся, как бы разминая ноги, по странной зале, где всюду в зеркалах изменчиво мерцало его строгое, даже злоеущее

изображение. Приостановившись у одного, так что я видел резко очерченный профиль в зеркале напротив, он сказал:

– Придёт срок, и ты, мой ученик, будешь увенчан по заслугам. А теперь слушай внимательно.

Эти умники с Алых Бурь ещё в древности открыли закон наслаждения, согласно которому жизнь потому только жизнь, что цель и смысл её – наслаждение. Но они также обратили внимание, как часто приходится поступаться этим принципом, чтобы избежать сопутствующих всякому наслаждению в той или иной мере неприятностей. Так был открыт другой закон – закон необходимости, который гласит, что иногда необходимо отложить наслаждение до лучших времён, чтобы вовсе не лишиться его. Просто-народно это звучит как «лучше поздно, чем никогда». Этот принцип, кстати, воспитывает мужество и терпение, о чём поговорим несколько позже.

Но за тысячи лет эти неудачные твари, эти кентавро-рептилии путём логических операций и умоозарений (а они им свойственны, как ни странно), разумеется, не без нашей тонкой подсказки, додумались и до основного космического закона – закона кармы, или, как его называют в других менее развитых системах, закона греха. То есть грех, или кармическая порча – это действие, пренебрегающее вторым законом в пользу первого, когда свобода выбора позволяет этого и не делать. Но это действие, невоздержание, ведёт к страданиям и даже смерти. Однако смерть-то, рассуждали они (а именно: если все люди смертны, то я, как человек, смертен тоже), и есть венец всех начал. Более того, раз всё живое смертно, значит, и я, как живое существо, тоже буду мёртв. Таким образом, будь ты хоть рептилия, хоть домашняя лошадь или вершина творения, как высокомерно-поэтически они говорили о себе, ещё не имея ни религиозных, ни научных знаний, – всем одна дорога. Причём смерть одинаково владычествует как над грешником, так и над праведником (это уж когда у них стала развиваться мораль и нравственность). «Но что за смертью? – вопрошали они себя и друг друга. – Есть ли там жизнь? Есть ли наслаждение, есть ли страдание?» И не знали. И неведение приводило их в отчаяние. Но изворотливая часть ума натолкнула на мысль: а что если совсем или почти совсем избежать наслаждений здесь, при этой жизни? Тогда, очевидно, где-то *там*, за её пределами, наградой будет вечное блаженство?

Так они открыли бессмертную душу, само бессмертие и богов, как жестоких ревнителей законов. Искусителя же их сладких страстей стали называть многочисленными недружелюбными именами. Персонифицируя идею греховного сладострастья, они создали культуру – религию, мораль, искусство, науку. Мы, как могли, помогали им, корректировали. О, они, конечно, зверствовали и в религиозной, и в гражданской, и в политической жизни. Они душили, резали, сжигали друг друга, придумывая новые религии, богов и идеи. Но вместе с тем они росли. Их рептильно-кентаврский ум всё более совершенствовался, и души-монады всё более расцветали в отдельных личностях.

Религия научила их терпению и упорству – вещам, необходимым в жизни. Мораль воспитала в них смелость и мужество. Искусство и наука, эти две страстные сестры, отважно ринулись в глубины макро- и микровселенной. Мы поощряли – осторожно, ненавязчиво. И не наша вина, что, долго плутая во мраке незнания, терпя нужду и часто угождая встретившимся на их пути сильным и властным мира сего, нередко прислуживая им, не наша вина, что, когда они вернулись, эти две сестрицы, на них уже были бесстыдные одежды и в манерах повадки кокоток. «Нет богов», – легкомысленно сообщила одна.

«Умерли», – добавила другая. И наперебой: «Объективно существует закон природы, называемый нашей совестью, которая определяется отношением бедных к богатым...» Каковы шельмы!

Новость облетела, однако, скоро все страны и народы. И люди задумались: может, и в самом деле это правда? Наконец самые смелые и нетерпеливые в страстях своих воскликнули: «Да здравствует свобода!» «Да здравствует равенство!» – подхватили жаждущие справедливости. «Да здравствует братство!» – вставили робкие и кроткие. «Отдайте богатства ваши!» – потребовали от богатых самые сильные и гордые. «Именем свободы, равенства и братства отдайте!» – поддержали их многие. Естественно, богатые воспротивились: одни – с верой в прежние идеалы (собственность-де – священное право и тому подобное), другие – заразившись вседозволенностью по причине упразднения религий, дескать, вы нам под дых, а мы вам по сусалам. И восстал брат на брата, сын – на отца, и каждый – под знамя своей правды. И хлынула кровь, и опьянила всех, как впервые опьянила она маниакально завистливого Каина. И смерть взмахнула чёрными крылами. Буря! Они жаждали бури – и они получили её. Получили и убоялись.

И возопили кроткие: «Долой братство!» И опомнились те, кто мнил себя справедливым: «Долой равенство!» А самые сильные и жестокие, вырвав нож из рук распоясавшегося быдла, ножом же и устрашили его. Устрашили да опять в ярмо: «Паши, скотина!» – а сами себя объявили вождями.

И возопила кровь к небу из глубины души народной. И захотелось было покаяться по привычке. Но с неба-экрана уже сочился кровавый гимн, впопыхах сочинённый новыми поэтами-недоучками, и слышалось верещанье подмолодившихся кокоток: «Нет никаких богов! Нет, нет, нет! Мы доказали, мы сами лично убедились. Нет, нет, нет!»

Бесстыдницы верещали по велению новоявленных вождей, в чертогах которых они опять прислуживали, да и склонны они были к тому, потому что преимущественно стали выходцами из особого подвида кентавро-рептилий, обременённых наследственной ложью, гордыней и безбожием. Вожди же, упоённые вином победы над распустившейся чернью, вкусившие власть и славу, уже не хотели делиться приобретёнными дарами ни с кем, даже с самими богами, в которых всё же верили краем души. Впрочем, они, невежественные воины, сами попадали под искусные чары блудниц и верили им. Старея, они ещё более возгорались блудными страстями и потому не менее прежде живших возжаждали если не бессмертия, то долгих-предолгих лет блаженного существования. И эта новая, но уже склонная к вырождению знать повелевала кокоткам петь и внушать демосу одно, а для себя же – вынь да положь им бессмертие! Сотни засекреченных учреждений науки, искусства и религии заработали во всю мощь на планете Алых Бурь: все искали эликсир бессмертия. И мы кое в чём помогали им. И дело шло к открытиям истинно сакрально-космических знаний: что души действительно бессмертны, что хранятся они в Чаше Сатурна, Граалеовой Чаше; что, отщепляясь друг от друга, они космическим вихрем или спецрейсами сверхсветовых звёздолетов разносятся по Вселенной по велению Высших Космических Иерархов; что, далее, проходя ступени реинкарнаций, души либо восходят, либо ниспадают в иные миры, воплощаясь в иные жизненные формы. Эти и многие другие знания уже бродили среди лучших умов. Но время шло, и эти вожди старели и также умирали, и все подковёрно дрались за власть, а народ развращался. Уже знания стали опережать мораль, в связи с чем возникла угроза вырождения и самоуничтожения не только планеты Алых Бурь, но и близлежащих цивилизаций.

Они уже сами осознают всю опасность, – вещал доктор Филл с неким сочувствием, более смахивающим на презрение. – О, жалкие знахари, вообразившие себя новыми жрецами! Но, преследуя узкоклановые интересы, они никогда не смогут достичь иерархически высшего, всеобъемлющего управления планетой. Потому, обессилив от раздоров меж собой и надорвавшись в дерзновенно-безудержном стремлении к всезнанию, они униженно просят теперь вернуть им старых богов – и мы им вернём, но будут они молиться едино: боги тоже устали от раздоров. Они хотят иметь свои отечества – похвально, они будут их иметь, но невидимо мы объединим их в одно суперотечество. Да, да, они хотят разделиться – мы поможем им, опутав, однако, незримой сетью, которая будет прочнее любви к отеческим гробам. Они всё это просят и всего этого хотят не от переизбытка животворной энергии, как в древние времена, а от смертельной усталости. Их душам и вправду надо отдохнуть. Боги и вправду умерли в их сердцах – они об этом ещё не знают. Времена сублимации закончились. Этот народишко бурь и борений, некогда сверхизбыточный в своих чувствах и желаниях, теперь просто хочет покоя и улады при этой жизни. При этой! Но космический закон необходимости всё-таки не позволяет им забыть о грехах, о карах и о богах. Вот мы-то и поможем им мирно выровнять уровни знания и морали, постепенно сдирая с души кожаные ризы и приоткрывая новые глаза. Каким образом? А тем самым, который отверг жестокий вождь страны Советов, потому и будь он треклят. А для нас с тобой, Кристо, это ещё будет и священная месть.

Клин – клином, болезнь – болезнью, обман – обманом, боги – богами! Да, мы обманем. Но обман согласован с Высшим Советом Космических Владык, и этот грех нам зачтётся в добродетель. Силы небесные с нами, Кристо!

Итак, мы объявим вас воскресшим из мёртвых. Мы пропоём вам «осанну» и обучим – а вы это когда-то умели – заново, как управлять толпой, стадом, массой. Мы вложим во взгляд бездонных глаз ваших такую суггестивно-нравственную силу, которая заставит трепетать женщин и повелевать мужами. Детей будут благословлять вашим именем, а старцы, умирая, будут шептать его в молитвенном благоговении.

Ещё мы уверим всех, что грядёт страшный суд и возмездие, что праведники спасутся, но уже здесь удостоится неслыханного блаженства, в этой жизни, и, разумеется, в загробной. И мы действительно устроим им и суд, и возмездие, и награду. А после смерти души этих бунтовщиков и сластолюбцев будут уловлены нашей магнетической сетью, уже раскинутой вокруг планеты Алых Бурь поверх их косметического экрана-щита, которым они якобы отгородились от всех презираемых ими миров и цивилизаций. Уловленные души в трюмах звёздолётов мы отправим в ирольные миры других планет и галактик. Там они пройдут курс кармической реабилитации и, высветленные, снова отправятся в Чашу Грааля, откуда начнётся их новый эон. Наша же миссия сегодня – обуздать и успокоить это уставшее от бурь и борений племя, столь неудачно сотворённое гордецом-демиургом, имя которого и вспоминать не хочется. А после, Кристо, ты будешь вознаграждён сполна.

Итак, мы начнём, точнее, закончим эксперимент, начатый нами ещё в первой половине двадцатого века в закрытых лабораториях на голубой планете Земля.

Глава 18

**СУПРУЖЕСКАЯ ЛЮБОВЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕЧТАНИЯ.
НИКИТА ГРИГОРЬЕВИЧ БУЯНИТ. КАУРОВ ВРАЧУЕТ СЫНА**

«Как грустно жить на земле, – думал нередко я. – Не зря же весёлый Гоголь тяжело вздохнул на весь белый свет: «Грустно, господа...»

Уволившись из газеты, я на какое-то время почувствовал некоторый уют в душе. Стал внимательней к жене и сыну. А самое главное, я вновь вернулся к заветной мечте – стать писателем, профессиональным, настоящим. Этим я мало с кем делился. Разве что с Раей в минуты откровений. Вообще ей льстило, что муж её и вправду будет известным писателем. А меня уже хвалили, хотя, как я признавался ей, и недолюбливали местные старики-литераторы. Но когда мой демократический пыл в газетах поубавился, а в региональном журнале появились мои новые рассказы, вызвавшие одобрительные отзывы, мне дали понять, что, в принципе, всё же можно принять меня в Союз писателей, да и писательскую организацию не худо бы подмолодить... И вскоре приняли. И это сгубило меня: я вообразил, что теперь-то я писатель в полном смысле, теперь-то литература будет моей кормилицей...

В поисках работы осторожно заглянул в бывшую строительную шарашку, где я начинал, сорвавшись из Чернозелья в город. Ого! Шарашка превратилась, уже судя по офису, в богатенькую капиталистическую фирму (официально – Акционерное общество по строительству жилья). Директор, тот самый близкий родственник первого секретаря обкома (по слухам, чуть ли не зять), который в своё время и вытурил меня, теперь даже и на порог не принял, когда секретарша доложила обо мне. Секретарша, женщина немолодая, умная, молча развела руками (в бытность у нас были неплохие отношения) и шёпотом направила в отдел кадров, мол, там новая кадровичка, может, и примет кем-нибудь. Однако в отделе кадров сказали, что вакансий у них нет, даже подсобные рабочие пока не нужны. Возвращаясь домой, я думал: по достоверным слухам, эта фирма финансирует местную компартию. Что ж, долг платежом красен: тесть-коммунист помог зятю стать капиталистом, ну а зятёк-капиталист не оставит без благодарного внимания дорогого тестя с его заботами о родной партии, поскольку теперешняя партия ратует за многоукладность экономики, то есть отнюдь не враг капиталистам. Кстати, учредителем областного фонда культуры, где сидело вчерашнее важное обкомовское лицо, очевидно, тоже в своё время немало вложившее ума и партийных средств в строительную шарашку, чтобы превратить её в капиталистическое предприятие, было оно же – Акционерное общество по строительству жилья. Теперь вот храмы восстанавливает... А нужны ли они, почти ёрнически рассуждал я, обиженный, безработный, безденежный? Кто-то из святых отцов пророчествовал: храмов настроят, а молиться будет некому. А то! Недавно крушили, будучи поголовно атеистами... А теперь поголовно верующие? Никак благодать снизошла! Так почему же жизнь-то всё ухудшается и ухудшается?

От самопоеданий становилось тошно.

Но это было не всегда. Были минуты, часы, дни, когда, пренебрегая нищетой и бедностью семьи, я чувствовал, что талант мой вызревает и вот-вот прорвётся в полную силу. Потому и терпел, настраивал на терпение Раю, непростительно наивно думая, что скоро мы как-нибудь заживём нормально.

Именно – хоть «как-нибудь». Впрочем, иногда подлая мечта овладевала мной всецело, и я уже без всяких «как-нибудь» мечтал и полшутливо убеждал в этом жену, что мы непременно разбогатеем, купим квартиру, хотя бы однокомнатную для начала («И сразу тебе письменный стол, а то пишет на моей гладильной доске, а мне гладить не на чем», – подхватывала Рая), а потом... потом мы поедем в Сочи, Пицунду, Ялту. К тому времени я напишу такую книгу, что обо мне заговорят и друзья, и враги, и, в конце концов, мне дадут какую-нибудь престижную премию...

О, мечтать, оказывается, вредно! Прилепится бес мечты к сердцу человека и не отстанет, пока не высосет всю душу. Я это знал из святоотеческих писаний и время от времени пытался гнать соблазнителя прочь. Но невольно уступал. И вводил в заблуждение и бедную Раю. Она-то мне верила. И ведь как верила! Да и как было не верить? Какие темы, какие замыслы и образы я развёртывал перед её замутнённым нуждой, но ещё не остуженным взором.

Нам было хорошо в такие дни и ночи. Забывались нужда, бедность и прочие горести жизни. Молодость и любовь подкреплялись надеждами на лучшее. Но лучшее не спешило из своего прекрасного – нет, смутного! – далёка.

Однако зарабатывать на жизнь мелким шабашничеством, то есть кому-то на даче сарайчик построить, кому-то сруб срубить или квартирный ремонт сделать, становилось всё труднее и труднее. После московских осенних событий в стране начались невиданная растащилка, развал экономики, полный кавардак в хозяйственной жизни, да и во всём; цены попёрли вверх (именно попёрли – другого слова не придумаешь), и строительство всюду замерло, даже уже и сарайчики перестали строить. Зато на улицах городов, как воины раздора из драконовых зубов, повывезали чёрные бронепойные ларёчки, а на окраинах – вычурные, с пустотелыми башенками коттеджи нуворишей. Но тут традиционным шабашникам места уже почти не было. Тут подряжались кооперативы, фирмы-подрядчики, субподрядчики, филиалы акционерных компаний, ещё диких и косматых в плане профессионализма и законности, но уже претендующих на «цивильность». Да, тут, по слухам, крутились сомнительные деньги, вершились воровские бартерные сделки. Сюда нос не суй. «Когда-нибудь, в преддверии страшного суда, – мрачно думал я, – русская земля просядет от стыда именно в тех местах, где несправедливо возводились целые замки, дворцы, особняки, загородные дома и коттеджи, и народ будет дивиться этому чуду, и другие чудеса будут, но учёные мужи приноровятся объяснять это всё законами природы, а не перстом Божиим, указующим на грех алчбы и хищности». Настроение и вправду было эсхатологическое.

На отделочные же работы сами хозяева строящихся особняков или фирмы-подрядчики иногда всё же нанимали и работяг-шабашников (так их уже не называли, в прессе мало-помалу прививалось новое, иноземное слово «гастарбайтер», да и наплыв азиатов начался повсеместно). И пошла мода с нами не церемониться: могли и не заплатить – пожаловаться некому, а то вдобавок и зубы начистят, если начнёшь права качать, для чего держались мордороты-охранники, «быки».

Всё это знал я. Слышал и рассказы о том, какие казусы случаются с шабашниками, одиночками или небольшими группами, по два-три человека, рискнувшими уехать на заработки на Юг или в Подмоскovie: там иных обращали в рабство, иные исчезали бесследно. Но от безысходности – ну нет в Сурграде строительных работ, хоть ты удавись! – рискнул однажды и я поехать в поисках заработка. Подбил на это дело напарник, с которым

и раньше шабашил, тот самый Чибис, Никита Сыроедов, в прошлом тоже журналист и поэт-диссидент, загнавший своё несогласительство, а потом и страх перед кагэбэшниками вовнутрь, в алкоголизм.

Вот с Никитой Сыроедовым и оказался я у чёрта на куличках, аж в Краснодаре, на отделке коттеджа у одного «нового русского». Встретили нас уважительно, по-деловому. Сладились в цене. Угостили. Потом отвели в подвальное помещение, где и должны мы были работать. Отвели и закрыли на замок. Вот те раз! Тут же поставили две раскладушки. Вечером покормили. И утром покормили, и в обед тоже сытно и хорошо. Но к концу следующего дня пришёл с двумя держимордами хозяин, невысокий, упитанный, стриженный «под ёжика». Оглядел молча кладку перегородок, провёл пальцем по расшивке, и ни то ни другое ему не понравилось: кладка показалась неровной, расшивка мелковатой. Приказал всё сломать и переделать. Но за порчу материала, сказал, что вычтет из нашего заработка и, посчитав на калькуляторе, назвал сумму, которая превосходила предполагаемый по договору наш заработок. «Отработаете – и свободны. Вас сюда никто не звал, сами приехали, поэтому условия ставим мы. Понятно? Если не понятно, они, – кивнул на мордovorотов, – подробно разъяснят». И ушёл.

Я переглянулся с Никитой Григорьевичем и увидел, как тот позеленел – нет, наверное, не от страха, а от бессильной обиды и злости. Вяпались это называется. Вновь нас заперли и еды уже не принесли, только воду. Всё ясно – капкан! Хозяин явно бандюга. И что же делать? «У тебя есть удостоверение журналиста?» – после долгого молчания спросил Никита Григорьевич. «Нет, – ответил я, – когда увольнялся, сдал». – «Напрасно». Он покопался в своих вещах и вынул тёмного цвета корочку члена Союза журналистов. «А я по старым связям выправил себе новое, на всякий пожарный, – насильно улыбнулся он. – Вот что: подыграй мне завтра с утра. Это наш шанс. Возьмём их на понт, что, мол, по заданию редакции здесь, и, если с нами что случится...» «Хорошо», – согласился я и вынул со dna вещевого сумки обёрнутый тряпкой топор, доставшийся мне от отца-плотника, положил сверху, прикрыв бельём. «Не надо, – сказал Сыроедов. – Если судьба, то и топор не поможет. Склеп! – со злой тоской оглядел он стены, потолок и бетонный пол подвала. – Но я думаю, они на мокруху не пойдут, отпустят. Пообещаем, что ничего конкретного писать не будем, да нам, по сути, скажем, ничего и не известно, ни имён, ничего не знаем. Но главное – дать им понять, что мы не совсем беззащитны. Уверенней держись, земляк! Двум смертям не бывать, одной не миновать». И во взгляде этого старого запойника я прочитал негибамую, хотя, может, и кратковременную волю к победе.

Всю ночь почти оба мы не спали. «Как в плену у фашистов», – мысленно сравнил я и впервые за эту командировку вынул и стал читать карманного формата в самодеятельном кожаном переплёте молитвенник, приобретённый несколько лет назад в Москве в монастырской лавке.

Утром оба побрились, переоделись из рабочей формы в чистую. Когда охранник принёс нам жратву и с удивлением оглядел нас, Никита Григорьевич сказал ему, чтобы тот сообщил хозяину: никакие мы вовсе не шабашники, а журналисты, и командировка у нас заканчивается. Сощурился глаза, охранник с минуту со злобным раздумьем оценивал нас. Потом процедил сквозь зубы: «Ну смотрите, козлы!» И вышел.

Хозяин явился не вмиг. Когда пришёл, тоже оценивающе осмотрел нас чёрными с жидким блеском глазами и с леденящим душу спокойствием

сказал: «А хотите, я замурую вас здесь на веки вечные?» «Лучше не надо, – тоже спокойно-холодным тоном ответил Никита Григорьевич, – хлопот слишком много будет: вам, милиции, журналистам газет...» – «А если я наведу о вас справки?..» – «О нас и без вас наведут, если что с нами случится. Так что отпустите нас по-хорошему, а мы вам гарантируем полную анонимность». – «И кто же вас заслал именно ко мне?» – «Именно к вам никто. Но то, что мы находимся у вас, сейчас знают в нашей редакции. Что происходит, на каких условиях мы к вам нанялись, пока, естественно, не знают. Это побережём для читателя, чтобы у наших сурградских безработных не было соблазна приезжать к вам, как вчера вы сказали, без приглашения, а то ведь в Сурграде и так слухи ходят, что отсюда, – Никита Григорьевич подчеркнул «отсюда», – многие живыми не возвращаются». – И замолчал, упорно глядя в глаза бандиту. «А вы, значит, думаете живыми вернуться?» – «У нас задание как на войне: вернуться именно живыми. У него вон ребёнок пяти лет», – кивнул на меня. «Значит, не хотите быть замурованными?» – «Было бы за что». – «А вот за это!» И хозяин коротким профессиональным ударом сшиб Никиту Григорьевича на бетонный пол. Я было дёрнулся защищать, но здоровяк-охранник рядом с коротышкой тоже умелым толчком отшвырнул меня от хозяина. «Отделайте как следует обоих, – приказал тот охранникам, – и вышвырните эту падаль подальше. Но не калечьте. Поиграйте и отпустите. Пусть пишут, пидарас-с-сы, – с презрением процедил и пошёл. Но оглянулся, добавив: – Статейка выйдет, пришлёте почитать, хмыри вонючие».

Никита Григорьевич тем временем пытался встать. Я нацелился схватить что-нибудь тяжёлое, вспомнил про топор в сумке с инструментами... Но меня уже проворно оттесняли в угол.

Били нас четверо: двое – Чибиса, двое – меня. Никиту били играючи: поднимали деловито с пола, взбадривали потряхиванием и шлепками по лицу, потом ударом-двумя по корпусу скрючивали, несильно рубили по шее, по почкам, при этом придерживали, а когда тот совсем не мог держаться на ногах, кто-нибудь из бьющих делал ему эффектную подсечку или небрежно красивый удар, после которого старый журналист летел кувырком и не мог подняться. Со мной сразу начали жёстче, поскольку сперва я попытался всё же отмахнуться, потом ушёл в «глухую защиту», как и тогда, в юности, на окраине города, когда тоже били коздой. Но там били неумелые сопляки, а здесь... здесь двое полутяжей, ставши по бокам, с холодным любопытством стали «раскрывать» меня, то есть один лёгкими ударами отвлекал, а другой старался поточнее нанести удар в болевые точки. Я продержался не более раунда – вырубил.

Привели в сознание где-то на окраине города, всучили сумки с нашими вещами и инструментами, даже дали денег на дорогу, коротко объяснили, как добраться до вокзала. Мы нашли водонапорную колонку, привели сколь можно в порядок раскровавленные рожи, уже на вокзале в аптечном киоске купили пластырь и анальгин (у обоих болели головы от сотрясений), заклеили друг другу непослушными руками ссадины, благополучно взяли билеты, и... Чибис записал прямо в поезде. И втемяшилось в его пьяную избитую башку, что загубил ему жизнь не кто иной, как бывший редактор «Молодёжной газеты» Виталий Бердиченко: «Этот депутатишко, этот демократишко! Да кто он такой?! Да это же обкомовский выкормыш! Он же бабу свою под них подкладывал! А я бы за свою горло перегрыз! Он же бездарь и приспособленец! Он же – сексот, стукач! Он и меня кагэбэшникам вломил, чтобы карьеру себе сделать. А сейчас он, видите ли, демокра-а-ат! Высобачил

себе нюх, где послаще, шкура!..» Никита Григорьевич до того расшумелся.. Сначала-то сидящим вокруг было интересно: как же, жена какого-то депутата-демократа спала с обкомовцами! Да и вообще, когда клеймят и тех и других, коммунык и демократов, простому люду (а кругом сидел народ простенький, не-купейный) – бальзам на душу. Но в конце концов и это стало надоедать. Все в вагоне укладывались спать, и одна дамочка всё громче и злее стала требовать: «Муштина, прекратите выражаться и безобразничать!» – а потом-таки вызвала дежурных ментов. И опять бы наломали Никите Григорьевичу бока, потому что он и тут полез на рожон, не будь я абсолютно трезв (в вагоне я наотрез отказался пить с Чибисом) и не уговори милиционеров не забирать Никиту. Избитые рожи, разумеется, вызвали подозрения, и нас, конечно, забрали, и кочевряжившегося Никиту Григорьевича не преминули хорошенько встряхнуть и заставили-таки прикусить расхлеставшийся язык, но, выслушав мои объяснения про бандитов, отпустили обоих. «А чего же в милицию-то не заявили!» – ухмыляясь, спросили менты. «Да вы же с ними заодно», – ляпнул опять утихомирившийся было и несколько протрезвевший Никита Григорьевич. «Заткнись, дед, – спокойно сказали ему, – а то мы тебя в самом деле высадим на ближайшей станции». Составляя протокол, спросили, есть ли у нас деньги на штраф? «А сколько надо?» – «А сколько найдёте», – ответили. Я выгреб всё из своих и Никитиных карманов, и нас отпустили, пригрозив, что, если будем буяннить, точно ссадят с поезда. Но до Сурграда мы всё же добрались без дальнейших приключений.

Избитого, сумрачно-тихого, ночью Рая осторожно ласкала и целовала меня. «Горюшко ты моё луковое», – приговаривала как-то по-матерински, и мне, может, впервые после далёкого детства, было стыдливо хорошо, что меня вот так жалеют. А желания близости с женой почему-то не возникало да так и не возникло за всю ночь. И было как-то сладко-горько на душе. Лишь мгновениями вспыхивала малосильная злость, когда виделось-вспоминалось, как позорно избивали меня – точно принародно насильовали. О, если бы у меня был малый шанс отомстить за себя! Поехать бы специально в Краснодар, выследить того «под ёжика» стриженного коротышку – кто он: вор, бандит, жулик-бизнесмен, крутой деловой? да плевать! – и всадить бы ему нож под лопатку. Так ведь нет денег даже на дорогу. Да и глупость это – тоже мне мститель. У него же охрана... Э, к чёрту! И Рая... ну что она одна будет делать?.. Сын без отца останется... Впрочем, и от тебя, Кауров, всё равно нет никакого толка! – с той же немощной злостью и скудным отчаянием ел я себя. Мелькнула даже робкая мысль: а не податься ли в банду к шурина? Мысль была заманчивая, но и она в конце концов вызвала в душе какое-то тошнотворное чувство. И тогда я понял, что самое страшное – когда у человека, у гражданина нет больше страны, точнее, государства с его инструментами морали и права, выработанными за века и тысячелетия для того, чтобы ему, человеку, было если не полегче жить, то хотя бы человеческое достоинство сохранять.

Был конец ноября. Стояли заморозки, и падал снежок, но тут же слякотно таял. Прибаливала постоянно голова – от перемены погоды, что ли, думал я, или от нервов? На душе было паскудно. Денег нет, работы нет. Рае в библиотеке ничтожную зарплату и ту задерживали уже несколько месяцев. Залезли в долги. Да и в долг уже не у кого было взять: родственники и знакомые сами донельзя обезденежели, да и галопирующая инфляция пожирала (пожрала уже!) не только накопленные в трудах праведных сбережения, но и сострадание к ближнему. Никогда на Руси среди простого народа не было того, чтобы давать займы под проценты! Поэтому и стыдно про-

силь, поэтому и стыдно давать – жалкое насилие над своей и над совестью ближнего.

«Пособие на сына, – записал я в своём дневнике, – получили в спецмагазине для малоимущих недоброкачественным пшеном, причём по цене выше обычной. Хорошо, что картошку осенью из деревни привезли... Хоть волком вой, хоть в петлю лезь! Осатанеешь от такой жизни. У Раи пальто позорно истрепалось, стыдно смотреть. Обувь тоже разваливается. Другая бы жена всю плешь мне проела. Да с другой бы я и не ужился!»

Через день сделал другую запись:

«У Славика на пяточке, как это изредка бывает и у детей, и у взрослых, появилась малюсенькая то ли бородавка, то ли «куриная дыра» (в садике, наверное, подцепил). В детстве, когда мы, деревенские, больше бегали босиком, помню, и у меня это было. Мама лечила, кажется, соком молочая, и вполне успешно. Но где в городе среди зимы найдёшь молочай? Ходил в аптеку, спросил, чем можно вывести вот такое у ребёнка. Предложили какое-то китайское средство, но такое дорогое, что я и в руки не взял. Сконфуженный, ушёл. Но ведь делать что-то надо. Вспомнил, что иногда пользуются прижиганием. Ну, давай, говорю сыну, будем лечиться. Говорю бодро, а у самого сердце сжимается. Разул, посадил его на табуретку, взял пассатижами гвоздь, раскалил на газовой плите и, осторожно-осторожно дотрагиваясь до кожицы, стал прижигать. При этом я старался отвлечь его, тут же выдумывая какую-то очень жутко занимательную историю. Но всё равно, когда боль царапала его, он вскрикивал, переставал слушать и начинал хныкать. А ведь это я не ножку родному ребёнку, это я сердце своё прижигал. После грустно-иронично думал: всё-таки богатым полегче жить в этой жизни, им хоть, к примеру, «куриные дыры» раскалёнными гвоздями выжигать не надо».

Глава 19

ЭКСПЕРИМЕНТ И КРАХ «ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЙ»

По замыслу доктора Фила, суть эксперимента состояла в том, чтобы прооперировать всё население планеты Алых Бурь. Надо вживить микроантенны в зоны чёрных и зоны радостных эмоций (эти зоны доктор Филл и я, его ассистент, будучи советскими учёными, якобы открыли ещё в сороковые годы двадцатого века). Воздействие преимущественно будет проводиться с целью вызова радостно-эйфорических и сладострастных ощущений. Но изредка поголовно все, не говоря уже про тех, кто преступит очерченный новый порядок, должны испытывать и чувство угнетения, духовную и даже физическую боль, ибо несть без греха никого на планете Алых Бурь.

В столичном городе планеты с этой целью, оказывается, уже реставрируется древний храм-капище, некогда посвящённый языческому богу Усладу. Теперь-то его, Услава, во всепланетарном пантеоне возвеличат до верховного божества. Под золотым куполом храма установится сверхмощная радиолокационная система. Излучающие генераторы будут передавать импульсы-сигналы на околоземный космический экран (благо, он уже выставлен самими же ало-бурцами в качестве защитной системы против недругов из космоса). Оттуда лучи-сигналы смогут приниматься в любой точке планеты, где восстановятся или заново выстроятся храмы, часовенки, молельни с тайнодействующими в них ретрансляторами.

– Это будет наш бог, Кристо, наш! – возвышал голос доктор Филл. – И царственной, всемилостивой, всеблагой и всепрекрасной мы объявим Святую Деву Усладу.

Страсть и вдохновение слышались в голосе доктора. Это завораживало и возбуждало меня, Кристо-Каурова, так что мне уже нестерпимо хотелось скорого, небывалого, священного, научно-религиозного действия. Но что-то, однако, и тревожило. А тревожило, когда произносилось имя Святой Девы... Но Услады ли?.. Да, да, Услады! Потому что, будучи вождём моего народа, я, конечно же, помнил весёлые, нарядные, хмельные праздники в честь этой прекрасной богини. Ещё она называлась Ладой, Ладуней, Ладушкой, и в честь неё крепкие, как молодые дубы и ясени, ладные, голубоглазые русы называли своих жён и наречённых невест теми же ласковыми именами; в священных рощах в свадебные дни пелись ладины в честь богини сладостно любовных чувств. И я, их вождь, любил эти светлые праздники, с радостью благословлял брачующихся и был непременным гостем на славных пирах, случалось, творил чудеса, возвещая мир на земле и счастливое спокойствие. О, я любил тот народ, как и теперь пылал действенной любовью к ещё незнакомым мне ало-бурцам. Но что же, что тревожило меня, когда произносилось «Святая Дева...»?

– Именно она, Дева Услава, – говорил с грозным вдохновением доктор Филл, – будет снисходить во благо своёму на праведников и в гнев на грешников. А вы, Кристо, – Филл остановил на мне горящие углем глаза, – вы будете предвестником Услады и божественного супруга её, а потом и наместником их на земле. Мы даже объявим вас совечным им.

– Мы прооперируем всех, – горячо продолжал он. – И начнём с вождей и их высокопоставленной челяди. Этих я прооперирую лично, остальных будут обрабатывать роботы-врачи, которые надёжны, потому что бесчувственны и бесстрастны. Сердце – вот где порок человеческого непокорства. У роботов нет сердца. Новорождённым детёнышам они будут вживлять имплантаты прямо в родильных домах вместе с прививками против чумы и оспы. В связи с этим, Кристо, как только ты станешь правителем планеты, надо издать закон, согласно которому всякое рождение вне официального родильного учреждения, вольное или невольное, считать незаконным. Впрочем, акт тайного оперирования мы постепенно возведём в религиозный обряд и назовём его таинством усладин. Да, да, мы приоткроем тайну, возведя её в ранг таинства, чтобы каждый рождённый на планете Алых Бурь проникся сознательной верой к вождю небесному и царице его богине *Пресвятой Деве Усладе*. И вот тогда-то этот жалкий бунтующий род с восторгом станет перед нами на колени, и каждый родитель со священным трепетом принесёт дитя своё под скальпель робота-эскулапа. И уж тогда-то во веки веков не взбунтуется рептильно-кентавровый человечек, и не придёт в отчаяние от тоски по бессмертию, и не прольёт кровь ни свою, ни брата. Он отгорит, отпылает и мирно усопнет в неведении тайны. Тело его за гробом обрящет глени, а душа, уловленная в наши сети, пройдя реабилитационное очищение, обретёт наконец покой. Глени и покой, глени и покой. Ну-с, нам пора. Планета Алых Бурь ждёт нас.

И помнил я только одно: цель каким-то образом была достигнута. Годы пролетели в каком-то вихре, оставив за собой ворох перемен. Смутно, смутно вспоминал я, как очутились мы с доктором Филлом сперва среди вождей,

раздираемых распрями, как вступил я с ними, с вождями, в яростный диспут-спор и как победил их, как впервые потом вынесло меня на многотысячный митинг в столице и вихрем повлекло по городам и весям планеты. И слава моя бежала впереди.

Тем временем доктор Филл под предлогом заботы о здоровье вождей, которые вполне доверяли ему, в тайных лечебницах своих в строжайшем секрете вживлял в их мозговые ткани микростимуляторы, о чём вожди, конечно же, не догадывались. И скоро Филл приступил к испытаниям.

А я уже распускал по планете Алых Бурь пышные ростки новой веры – свирепой веры. И стоило лишь двум третям вождей испытать небывалое наслаждение, а одной трети – чёрный страх, угнетение и безволие, как все они признали меня божественным посланцем и поклонились мне. О, это было другое поколение вождей, не столь воинственное, не столь сильное и гордое, какое было в легендарные времена. Развращённые славой и властью, добытыми не в кровавых боях, а путём внутренних интриг, они и сдались без боя. Я «назначил» доктора Филла вершителем своей божественной воли. И доктор Филл первым делом потребовал от вождей восстановления и строительства храмов, посвящённых божественной чете Усладов, во имя которой теперь оперировалось всё население планеты, от мала до велика.

И дело закипело! И не прошло много времени, ещё живо было поколение стариков, которые оперировались в бытность свою юношами, а в городах и весях уже наступили мир и порядок. Все стали поклоняться, как и было задумано, богине Усладе (именно она полюбилась больше, чем сам верховный Услад). Все мирно трудились: земледелец пахал, горожанин строил машины, поэт сочинял псалмы и гимны (светская поэзия, кстати, была не то чтобы запрещена, а вся проникнута духом новой веры и, соответственно, строжайше цензуровалась), правители правили, и всюду как будто царила справедливость. В определённые дни и часы все шли к своим храмам, часовням, молельням, вдохновенно возносили души свои к небесам и получали высочайшее наслаждение через вживлённые микроантенны-стимуляторы – все, кроме меня, пророка (если жив не бога!) Кристо, и хромоногого апостола моего доктора Филла. Выявленные же путём тотального слежения «грешники» – нарушители нравственности и порядка – подвергались воздействию на зоны чёрных эмоций и, испытывая страх, тоску и отчаяние, в конце концов каялись, вновь стремясь, как подопытные крысы, к наслаждению, получали индульгенцию и с трепетом возвращались в лоно веры.

В один прекрасный момент Филл внезапно куда-то исчез. Я подумал (было, конечно, и расследование, ничего не выявившее), что, возможно, старик как-нибудь случайно погиб в одной из своих миссионерских поездок в отдалённые уголки планеты. О, я не огорчился. Даже тайно обрадовался, поскольку, вкусивши мёд власти и могущества, я уже тяготился наставлениями хромого гения, забыв странным образом, что Филл говорил о себе, будто он бессмертен.

Оставшись один, я мало-помалу стал искренне проникаться чувством своей божественности. Я начал забывать и про старика, и про то, что всё это обман и преступление, ибо, видя расцвет цивилизации, и сам поверил в святую ложь, как в истину и правду. Теперь я любил взирать с высоты своего престола, как спешат люди к назначенному часу поскорее закончить свои дела, торопятся, наряжаются: одни степенно, сдержанно; другие нервно суетятся; третьи плачут от сладкого предчувствия. Вот идут к храмам и молитвенным домам. Вот пришли. Становятся на колени...

*О, Пресвятая Дева Услада!
О, Богиня! О, Прекрасная!
Снизойди, снизойди!.. –*

слышится священный вопль отовсюду. И, внемля их горячей мольбе, я включаю всепланетарный излучатель счастья. И начинается свирепая месса. Об этом знают только избранные (и то узнали не сразу, смирились, убедившись в преимуществе новой веры, да и чувственное наслаждение настолько необычно, что отказаться от него у них уже и самих нет сил). Экстаз захватывает всех целиком – и народ, и правителей. И длится всего несколько минут. Однако наслаждение так велико, что некоторые не выдерживают и, корчась в сладострастных судорогах, умирают тут же. Но никому нет дела до умирающих, и после о них не скорбят, поскольку они умирают не в муках, а в несказанном наслаждении с божественным именем четы Усладов на устах.

После мессы, обессиленные, опустошённые, разбитые неслышанным наслаждением, люди вповалку лежат в храмах и молитвенных капищах (первоначально я содрогался, но позднее привык к этой поразительной картине), одни уже мёртвые, другие чуть живые. Но вот потихоньку начинают приходить в себя и разбредаться по домам. Которые не в силах подняться, так и остаются в храмах. Три дня после этого никто не работает, восстанавливают здоровье духа и тела. Но когда приступают, то трудятся с весельем и энтузиазмом. Впрочем, за этим строго следят, и, если кто отлынивает, в следующий праздник удовольствия не получит и даже может подвергнуться чёрным эмоциям. Однако подобные наказания чрезвычайно редки, ибо народ благоговеет пред четой Усладов и пророком их, почти богом – великим Кристо. Слава и могущество моё в зените.

Но, упоённый рабской любовью, я, властитель, и не заметил, как начались недовольства, интриги, заговоры, инакомыслие среди правительственной и жреческой знати. На смену невежественным и слабовольным вождям опять пришли если не сильные, то хитрые и властолюбивые. Им не нравилось моё всемогущество, хотя я как будто в дела правления планетой не вмешивался. Они-то знали тайну, знали великий обман, но, разумеется, вовсе не хотели, чтоб об этом узнал и народ. Более того, они сами создали специальный секретный комитет по охране тайны, причастные к ней клялись кровью – не разглашать. И кровь засочилась из-под неё.

Вождей оскорбляло и нравственно угнетало больше всего то, что сам я, Кристо, не был инъецирован. И вот они потребовали на совете, чтобы и я тоже прошёл обряд услащения, иначе...

Я был уже далеко не молод. И в последнее время, видя дворцовые интриги, жестокую борьбу за власть и за кровавую кнопку усладин, несколько усомнился в верности пути. Но могущество и владение тайной сделали меня непомерно гордым и самонадеянным – увы мне, увы, нравственное чувство моё за годы беспредельной власти заржавело и затупилось. Получив ультиматум, я сперва воспытал гневом и кинул угрозу проклясть всех присутствующих на заседании. Но мне дали понять, что власть моя отныне ограничена и что они с успехом могут предоставить пульт управления литургическим экстазом кому-либо другому, разумеется, из своей среды. Вскинув седовласую голову и не промолвив больше ни слова, гордый, в червонном хитоне, я покинул совет. О, я мог бы магическим путём усмирить бунтовщиков. Но не захотел. Да и краем ума усомнился – а смогу ли? – поскольку уже давно не пользовался своими вновь

приобретёнными сверхвозможностями, довольствуясь лишь владением кнопки псевдолитургического экстаза. Я ушёл, и меня не удерживали.

Уединённо поселился я в скромной хижине на окраине столицы и предался – наконец-то! – поэтическому отдохновению; поселился со своей состарившейся златоглазой чигилянкой, некогда подаренной мне ещё на «Семаргле» непревзойдённым мастером геной инженерии доктором Филлом, о котором в гордом уединении я уже и позабыл. От красоты прелестной Фаягуль только и осталась родинка, да и та поросла седыми волосками. Но я, старик, любил её, чигиляночку, полоняночку мою – так в часы досуга, когда писались вдохновенные стихи и пелись песни, или в минуты любовных игр (о, мы ещё умели предаваться утехам) я называл её нежно и ласково. Но скоро умерла и она (детей же у нас не было), и я остался один. Про меня тоже как будто забыли: народ непамятлив, когда ему хорошо, власти же, очевидно, сочли старика Кристо ненужным и безопасным. Я получал какой-то жалкий пенсioen и не роптал.

К тому же правительству стало не до меня: во дворце разгорелась борьба за власть, а в народе беспорядки. Втянувшиеся в губительное сладострастье ало-бурцы стали требовать увеличить число праздничных богослужений. Понимая, что это грозит значительными экономическими убытками, правительство воспротивилось. Когда начались митинги и забастовки, пришлось в столицу и другие города планеты ввести специально обученные для усмирения войска. Однако это не помогло. Видя эскалацию народного недовольства, правительство уступило.

К тому времени произошло классовое расслоение. Чиновники жили в загородных домах и лучших городских кварталах, трудящиеся же – всё более скученно и жалко. Словом, одни, олицетворяя государство, пухли, другие – негатив её – хирели. Но вера оставалась верой – единой, хотя бедняки молились в своих домах и храмах с яростным наслаждением, чиновники – в своих и, так сказать, более умеренно. Однако вскоре пошла ересь. Еретики стали подстрекать народ не ходить в храмы, а то и разрушать их, как и дома молитв под предлогом, что-де бог в сердце, что, дескать, сердце – наш храм, и что-де на строительство и ремонт культовых сооружений требуется слишком много средств, и не лучше ли поклоняться своему богу прямо на дому, упростив религиозный догмат и обряд. И народ поддержал это. Начался раскол.

Нашлись и безбожники, которые призывали массы и требовали от правительства отречься от придуманной и навязанной веры. Но хулителей народ либо тут же предавал смерти, либо выдавал властям, и те в насильственном порядке отправляли их в спецбольницы, где им делали инъекцию в зону чёрных эмоций, потом выпускали, и, оплётанные, всеми унижаемые, в диком страхе они доживали свой век, встречая смерть как избавление. Или же их делали безвольными всё тем же нейрохирургическим путём. Всё это доходило до меня путём слухов и донесений оставшихся немногочисленных поклонников моих.

А храмы, по сути, опустели. Стали теперь молиться божественной чете маленькими, большей частью семейными группами, но по-прежнему в определённые дни и часы, а кто нарушал это правило, подвергался наказанию, в лучшем случае – общественному порицанию.

Но скоро опять нашлись подстрекатели к новым недовольствам. Соблюдать строго посты и молитвы, говорили они, необязательно, мол, пусть каждый это делает, когда ему захочется, это-де его священное право. Опять начался раскол, и опять зачинщики одержали верх. Вышел закон:

каждый гражданин имеет право в дни и часы, свободные от трудовой повинности, вольно предаваться блаженной молитве, для чего необходимо за соответствующую цену в местном молитвенном доме или храме (теперь своего рода торговых конторах) приобрести болванчик, излучающий в течение определённого времени сладкозвучную волну. С этого дня началось катастрофическое разъединение людей, а вместе с тем и крушение семьи как ячейки общества: дети перестали чтить отцов, матери взяли привычку (вскоре узаконенную) убивать своих чад в утробе, а родившихся нередко бросать на произвол судьбы; отцы предавались грубым оргиям, и женщины соперничали с ними. Смена так называемых половых партнёров стала походять на обычную смену белья. А всё потому, что мужчины и женщины уже неспособны были к длительным, тем более вечным чувствам. Да и сладострастие от полового соития теперь им казалось таким ничтожным по сравнению с интенсивностью наслаждения во время молитвенных состояний, что обидчивый, златокудрый, лёгконогий малыш всё реже и реже стал пускать свои позлащённые стрелы в их грубеющие сердца. Более того, началось противоестественное влечение мужчин к мужчинам, женщин к женщинам, и это приветствовалось сначала как мода, затем как исключительное право, а вскоре как норма и закон. Катастрофически стала падать рождаемость, и вскоре смертность превысила её. А среди новорождённых процент неполноценных и уродливых повышался из года в год с невероятной быстротой.

В то время возникла угроза войны с иной цивилизацией, от которой первые вожди отгородились космическим экраном, чтоб информация оттуда не доносилась и не развращала ало-бурцев. Теперь же запредельные голоса врываются в пространство планеты всё чаще и смелее, и народ дивился: верно ли, что там царство Тунгаггра? И мало-помалу выяснили: нет, там живут такие же люди, но... они вроде бы враждебно настроены к нам. Впрочем, это уже внушали специально и, в преддверии войны делая ставку на патриотические чувства ало-бурцев, призывали их беззаветно трудиться. Однако теперь агитация мало кого вдохновляла. Собственно говоря, всем было глубоко наплевать и на лозунги, и на призывы, и на все дворцовые интриги, перевороты, о которых они краем уха так-таки слышали. Ало-бурцы требовали лишь молитвенного наслаждения, и больше ничего. «О, Богиня! О, Услада! Снизойди!..» – яростно молило, просило и требовало население.

В который раз сменившееся правительство выпустило новое постановление: каждый житель той или иной провинции имеет право совершать богослужение только с разрешения местных властей, для чего каждый достигший узаконенного возраста обязан самолично явиться куда следует, получить энное количество божественных болванчиков на энный срок и собственноручно засвидетельствовать об этом в регистрационной (амбарной, как говорили в народе) книге. А через некоторое время к данному постановлению добавился пункт о том, что купля-продажа болванчиков делается чрезвычайно регламентированной и дорогостоящей. Соответственно, начались массовая спекуляция и коррупция. Разумеется, тут же нашлись дельцы и умельцы по изготовлению нестандартных и опасных для жизни изделий, что, естественно, ещё более повысило смертность. Начался развал в экономике, и созрела мафия, разбухшая от денег, как переваренная вермишель, выползла из тени наружу и всё смелее, всё наглее стала поглядывать на народ. А народ взял привычку бунтовать по поводу и без повода. Да и как не бунтовать: миллионы катились к нищете, а горстка мешков и сатрапов дьявольски богатели. Но и те, кто богатели, будучи

сами заражённые погибельным сладострастьем, неуклонно растлевались. Продажность и пресмыкательство стали обычаем, и никто уже этого не стыдился.

Наконец сверху спустили последнюю реформу, о которой давно уже ходили слухи: деньги отменялись, и всеобщим эквивалентом делался почему-то болванчик. Поговаривали, что это дело рук «пятой колонны». Кое-кто из идеологов полагал, что война, к которой готовились, неизбежна и что она единственное средство либо очищения и возрождения ало-бурцев, либо ускорения их гибели. «Народ наш должен умереть, чтобы воскреснуть!» – патетически восклицали иные из них (их называли политическими провокаторами). Однако никто не знал рецепта спасения. Запах тлена и маразма стусился над планетой.

Тогда обновлённое и более прогрессивное, как говорили, правительство на тайном совете сговором решило снять с планеты космический панцирь-экран и обратиться за помощью к тем самым соседям, с которыми готовились к войне и на территории которых, по данным разведки, якобы тоже исповедовалась богиня Услава. «Но так разумно, – с восхищением шушукались заговорщики высокого ранга, – что никакого вреда им не приносит – только величайший прогресс и высочайшую культуру». И сладко утирали завистливые слюнки, ибо тайно уже бывали сами там не раз и тамошняя жизнь им вполне приглянулась. Об увиденном – «Боже, какой там прогресс!» – они пересказывали другим, рангом поменьше, и у тех слюнки текли ещё слаще, ещё длиннее. О прогрессе все они вообще говорили с придыханием, ибо уповали на него как на последнее цивилизованное утешение. Прогресс им сулил райские кущи, в зарослях которых блазились всё те же заветные запланетные блага для них самих и их деток. Ради деток, ради будущего обслуживающие сатрапов идеологи заговорили о всеобщей идее, которая якобы должна сплотить и возродить ало-бурцев. Её-то и пытались отыскать в прежних верованиях и культуре. Культурой, правда, прислужники или манкировали, или же выворачивали её до неузнаваемости наизнанку, потому народ и не любил теперь культуру, довольствуясь суррогатом, и ни в какие идеи не вникал. Иным с ностальгией вспоминались старые добрые времена, когда верховодил вождь-пророк Кристо, то бишь я, теперешний отшельник. Кое-кто даже из властей предержавших тайно захаживал в мою келью, прося совета. Но, всё ещё гордый в обиде и одиночестве, я гнал их прочь с порога. Но отныне как бы стал и прозревать, и более стал прислушиваться к рассказам-донесениям моих поклонников-друзей. И факты удручали.

Оказывается, сговорившаяся верхушка почла необходимым так-таки обменяться взглядами в областях, выше обозначенных, с соседями-инопланетянами. Решено – сделано. Официально отправили послов, и те вернулись с радостной вестью: соседи великодушно согласились побрататься. Но на правах старших. «Ну, и пуцай их! – обрадовались сатрапы и денежные мешки. – И хорошо-с, если умная планета покорит нашу, весьма глупую, и присоединит к себе. Совсем другие будут порядки-с».

Но удивительные вещи начались в это время на планете Алых Бурь, отчего скоро в ужас и смятение пришли не только её жители, но и протянувшие им снисходительно-дружественные руки инопланетяне. Последние в страхе отпрянули и даже сами теперь отгородились двойным космическим щитом.

Дело в том, что ало-бурские женщины стали рожать бесполох существ. И эти существа, в отличие от нормальных новорождённых, росли и созревали втрое быстрее, чем обыкновенные дети, и к пяти-шести годам сами начинали

плодиться, но без всякого соития и оплодотворения. Причём рожали тоже бесполох, но более странных – уродливо большеголовых, с двумя шишками на темени. Сперва эти уродцы-страхолюдины рождались большей частью мёртвые или же быстро умирали. У тех же, которые некоторое время оставались живыми, шишки росли буквально на глазах и как будто покрывались металлически блестящим роговатым слоем. И от самих уродцев истекал поток какой-то непонятной, вредоносной энергии. Находящиеся поблизости с ними другие, нормальные новорождённые непременно умирали, а медперсонал подвергался нервно-психическим расстройствам.

Однако медицинская наука, в том числе и эмбриология, находилась в страшном запустении, поскольку средства на неё отпускались ничтожные, врачи же, большинство из которых вовсе не отличались ни знанием, ни усердием, да и патологически пристрастные к болванчикам, почти не обращали на странные явления должного внимания. Но слух по планете прокатился жуткий. Тем более что теперь чудо-уродцы стали умирать всё реже и реже. Они росли не по дням, а по часам. И вокруг них всё мёрло. Даже родившие их. Это были какие-то магнетические вурдалаки, они точно высасывали через свои рога-антенны психическую энергию людей. Когда достигали размеров человеческого тела – голова при этом была ужасающей! – страшные упыри как будто бы растворялись в воздухе, но время спустя внезапно появлялись, сбившись в стаи то тут то там, сея смерть и жуть. Всё чаще стали видеть их в коридорах госучреждений и других важнейших и потаённых местах. И везде они оставляли свои неизгладимые отметины. И места эти в народе шёпотом стали именовать вурдалачниками.

И вот тогда-то я, старец Кристо, некогда гордый и могущественный, теперь же согбенный и жалкий, вышел из своей кельи. Вышел и направился серо-грязными кварталами мимо угнетающе однотипных домов-гнездовой обнищавшего простолюдья в ближайший родильный дом, обшарпанный снаружи и мерзостно запущенный изнутри до того, что в коридорах мелькали крысы – мелкие, мрачные, горбатые, с красными, как крохи заката, глазами. Но здесь ещё вроде бы уроды-младенцы не превращались в ужасных вампиров, почти все они рождались мёртвыми.

Я представился учёным врачом (в народе обо мне уже мало помнили и говорили, что пророк Кристо давно умер) и попросил разрешения вскрыть удивительные черепа мёртвых ублюдков. Меня отвели в грязную операционную, дали примитивные инструменты и привезли из морга кучу маленьких шишкастых мертвецов.

Лишь увидел их я, как что-то содрогнулось в душе, не от жалости, а от предчувствия какого-то страшного открытия. Судорога боли и отвращения пробежала по моему лицу, как нервно-проворные пальцы по клавишам. Но я пересилил себя и попросил оставить меня в операционной одного. Дрожащими старческими руками с трудом я вскрыл несколько жёстких – будто взрослых! – черепков. Вскрыл и обнаружил, что мозг уродцев совсем-совсем не похож на человеческий. Совершенно иное строение, впрочем... чуть-чуть отдалённо напоминающее строение мозга нормального ало-бурца. Жуткое подозрение охватило моё преступное сердце.

Нравственно и физически изнурённый и даже как будто безумный, покинул я больницу, ни словом не обмолвившись более ни с кем. Сам не зная куда, побрёл по городу и нечаянно вышел на главную площадь столицы, где когда-то, в бытность мою, реставрировано было капище – храм язычников, переименованный в честь бога и богини Усладов.

На площади неистовствовала толпа. Особенно бесновалась молодёжь. Требовала от правительства повисить зарплату в виде болванчиков... Наконец я понял всё, что случилось с этим бедным народом, а главное, что во всём виновен я. И я вышел на лобное место и, ударяя себя в грудь, стал взывать: «О, люди, казните меня, убейте меня, это я научил вас возлюбить сие зло!» Но меня приняли за сумасшедшего, и никто особенно не обратил внимания, им было не до меня. Однако я всё кричал и доказывал, что это я, я, а не кто другой внедрил оболванивание. Тогда один из молодых людей, прислушавшись, схватил меня за шиворот и втащил в толпу своих приятелей, беснующихся у подножия капища. «Вот этот паршивый старик говорит, что он когда-то делал болванчики и, похоже, умеет делать сейчас!» И они стали принуждать меня сделать. Я же твердил одно: «Убейте меня! Я научил вас вере, которая обернулась злом и разрушила вас... Убейте меня!» Тогда, видя, что я то ли не понимаю их, то ли упорствую, они стали насмехаться надо мной, затем грубо, а потом и утончённо мучить меня. И я, пересиливая муки, благодарил их. Они же распались всё больше и больше. Один из издевателей, смеясь, сказал, что он читал древнюю запретную книгу про одного пророка, который учил людей иной цивилизации новой вере, и за это распяли его. «Распнём его!» – выкрикнул кто-то из толпы юнцов. «Распнём!» – как эхо ответили ему. И, хохоча, они сколотили что-то похожее на пятиконечную звезду вверх тормашками, растянули меня и высоко вознесли над куполом капища головой вниз.

Умирая, я скорбно смотрел на них перевёрнуто с выси. Они же, низменные, визжали, хохотали и кричали мне грязные слова и упивались моим страданием. Я понимал их и прощал им. Они привыкли к противоестественному наслаждению, размышляя я на последнем вздохе, и теперь, огрубевшие, развращённые, они готовы довольствоваться даже муками выисканных жертв. Когда же не будет и того, а потребность останется, тогда они примутся крушить и храмы, и всё вокруг и вновь найдут минутное облегчение. А потом уже ничего не смогут, как только изничтожить себя. И это будет их последняя, страшная, жуткая судорога блаженства, за которой – вселенское им возмездие... Не могущих убить себя убьют ублюдки-вурдалаки. Боже, прости им, ибо не ведают, что творят.

Кровь прилиwała в голову, и я терял сознание. Но вдруг луч с неба пронзил багрово-бурую темень над землёй и высветил, выхватил там, внизу, девочку с русой головкой: кто она? зачем она здесь?! Девочка стояла, запрокинув личико ввысь, глядела на меня, распятого, скорбно прижав ручки к груди: она жалела меня, старика Кристо. Я же боялся за неё, потому что вокруг кишели безумные люди и высасывающие души из них упыри. Но девочка будто никого не замечала. И никто не замечал её. Правда, нежити как будто чуяли присутствие безгрешной души, потому-то, пробегая мимо, приостанавливались, клацали жёлтыми клыками на невидимую, но трусливо взвизгивали и бежали прочь.

– Не бойся, деточка, не бойся, маленькая, – молитвенно шептал я, – никто не тронет тебя, я знаю. Душа моя с тобой. Не бойся, не бойся, родная. Мы вместе... – И потерял сознание.

Когда же очнулся, была то ли ночь, то ли тёмный час до рассвета. Но огненно горели, будто плавилась под головой золотые купола храма-капища, и дико отражалось в них звёздное небо. Вдруг на соседней маковке, чуть пониже, прямо перед собой увидел я кого-то ещё. Распятый,

я не обрадовался, но и не ужаснулся, потому что лицо незнакомца было чем-то похоже и на доктора Филла, и на... комолого беса Харута Марутыча.

– Это... ты? – спросил я обессиленным голосом.

– Ха-ха-ха! – раскатисто расхохотался бес. – Привет тебе, мой славный ученик! Ты прекрасно исполнил мою волю, ты сдержал клятву. Но, как видишь, и я сдержал слово: ты же увенчан по заслугам, ха-ха-ха! Прометей, вылитый Прометей! Свершилось! Свершилось! – рявкнул бес, сотрясая всю землю, и вдруг стал расти, расти, и сделался огромным и страшным, достал до самых звёздных небес, и храм закачался под ним и на две трети ушёл под землю. – Слушай, Кристо или как тебя там, – наконец натешившись, успокоился бес, принимая точный облик хромого старика Филла, – я хочу наградить тебя за верность. Проси, что хочешь. – И, усевшись на куполе по-турецки, стал раскуривать трубку, ожидая, что я отвечу.

Долго молчал я, потом устало спросил:

– Филл, это дело рук твоих? – и кивнул вниз на город, где неприкаянно бродили толпы бродяг и бандитов, а между ними шныряли жуткими привидениями магнетические ублюдки-вурдалаки, иссушая их души и омертвляя тела.

Усмехнулся бес:

– Откровений всё ждёте? Впрочем, узнаю в тебе пытливого учёного мужа, хе-хе. Но забыли вы, люди, что, умножая познания свои, умножаете скорбь свою... – Сделал паузу и добавил: – Если, конечно, познавая частности, вы не посвящены в общий ход событий. Поэтому ты олух, Кристо, и я смеюсь над тобой: ха-ха-ха! Нет, достославный выученик, это дело не моих рук. Это дело рук самих человек. Моя была лишь идея – идея подложить топор под компас, чтобы ваш корабль, – он тюкнул по куполу храма ногой, как копытом, – зарулил куда следует. И вот мы плывём в нужном нам направлении – не правда ли? – хе-хе-хе. Ну, что тебя ещё интересует, учёный муж, спрашивай. Ибо знаю, в вопросах для вас высшее наслаждение. Спрашивай.

– Харут или как тебя там, – через силу усмехнулся я, – разве ты победил Его?

– Его? Да борьба, может, только в разгаре. Он самонадеянно создал человека, а мы назло Ему сокрушим его. Наши псы-вурдалаки, рождённые от людей, это уже не люди, и они не подвластны Ему. Это иное творение, в них иная воля. Слышишь, иная! В Его творение я заложил моё семя. И оно – видишь! – проросло. Они расселятся по всей земле, и это будет наше царство!..

– Царство Тунгаггра? – уточнил я, опять через силу усмехаясь.

– Ишь ты, запомнил, смерд! – как бы удовлетворённо воскликнул Филл, но как-то сразу сделался и недовольным. – Ты слишком любознателен, чёрт побери, – заворчал и сердито засуетился он, как будто собираясь уходить, загасил торопливо трубку и выколотил пепел о купол храма. – Прощай, Кристо, – брюзгливо пробормотал он, с опаской поглядывая на синее небо, – мне пора, утро наступает. Да и дело не ждёт. У этих жалких китоврасо-рептилий, – с презрением посмотрел он вниз, – кажется, опять сменилось правительство. Вижу, что-то они затевают против моих верных псов... Эй, вы! – крикнул повелительно ублюдкам и словно ниоткуда выхватил тот самый топор, про который только что говорил, причем, похожий то ли на чекан, то ли на столовый инструмент для отбивания мяса. – Какого чёрта оробели! Смелее нападайте на них! Иссушите их души, умертвите их тела! Смелее, псы мои, смелее! Ха-ха-ха! – нарочито надменно расхохотался Филл, потрясая

топором, и вновь вырос до самых небес, и ещё на вершок сел под тяжестью его древний храм. Но тут прокричал где-то на самой окраине столицы чей-то захудалый петух, и бес, вытянувшись багровым змием, извивами соскользнул вниз и растаял среди мутных улиц, потому что то ли дым с окраин, то ли густой лиловый туман окутывали город. Но там, за городом зла, вставала алая заря.

Тоскливым, предсмертно мутнеющим, перевёрнутым взором повёл я сверху по необъятным просторам планеты: утренняя земля всё же была прекрасна.

Но тревожно, тревожно занималась молодая заря. С корчами сгорала в робких лучах её чёрная кожа змеиной ночи. И почудилось напоследок мне, будто я опять увидел внизу маленькую девочку, косым крестом сложившую ручки на грудке и взирающую на меня с жалостью и любовью. «Она вымолит мне прощение», – подумал я, печально вздохнул, и показалось, что я умер.

Глава 20

РЕКОМЕНДАЦИЯ НАЧИНАЮЩИМ ЛИТЕРАТОРАМ: НЕ ПИШИТЕ ПРОКЛЯТЫЕ КНИГИ!

«Нет, так жить нельзя, надо что-то предпринимать», – совсем обезденежев, ломал я голову. Уговорил Раю бросить к чёртовой матери работу – всё равно не платят, даже на автобус нет денег: или пешком час пили, или добираться зайцем. И это – Рая, которая от стыда чуть не провалилась сквозь землю, когда однажды её, безбилетную, поймали и стали стыдить контролёры. Нет, уж лучше пешком, решила она с той поры (правда, сапоги разваливаются – но что же делать?). Потому и согласилась по моему настоянию уволиться, хотя и брыкалась: «Другие же тоже ничего не получают, а работают. Как же я-то брошу?» О, святая простота! Такой народ либо погибнет ни за понюх табаку, либо вынесет всё и победит! «Ну, ходи тогда пешком, – вышел я из себя, – или позорься перед пассажирами и бабами-контролёрами, этими выдрюченными овчарками! А по вечерам я тебя больше не буду встречать, имей в виду». – «Но, Илюша, миленький, я ведь боюсь одна идти, когда темно». «Всё равно не буду, – со злостью твердил я, – лучше увольняйся». Однако, видя её упорство, стал спокойнее убеждать, что, мол, уволится она ненадолго, а как только я заработаю немного денег или, может, жизнь наладится скоро (хотя в «скоро» я абсолютно не верил), и тогда она опять вернётся в библиотеку. «Но ведь мне стыдно будет, Илюша, – чуть не плакала Рая. – Как же я девчонкам, как Любви Васильевне, да и всем буду в глаза-то смотреть: сбежала, отсиделась?..» Нет, Господи, всё кипело внутри у меня, этот народ нищетою и бесправием не заломать, он точно вынесет всё, а если Ты, Господи, пошлешь ему ещё и правителя, который даст ему общий скреп, то и победит любую злую силу! «Я тебе муж в конце концов или кто?! – заорал я на Раечку. – Или увольняйся, или я не знаю, что с тобой сделаю!» – И встряхнул бедную женёнку как непослушного ребёнка. Она залилась слезами, и мне стало до невозможности жалко её. Я целовал мокрые Райны глаза, губы и, когда она успокоилась, сказал, пусть поступает, как хочет. Но Рая пообещала, что завтра уволится.

И уволилась, и уехала с сыном, как я просил, в Чернозелье, к моей маме, там хоть прокормиться можно. Да и её родное село неподалёку, можно

и там погостить. Правда, мне не хотелось, чтобы Рая жила у своих – это из-за Яна, из-за шурина.

Она уехала. А я, оставшись один, вместо того, чтобы искать работу, вдруг с каким-то злым энтузиазмом взял да и сел за отделку рассказов для новой книги, чего, собственно, и не собирался делать: какая, к чёрту, книга?! где её издавать? зачем? ради чего? деньги получишь чёрта с два! И тем не менее почему-то засел, очевидно, в глубине души всё же надеясь опять найти спонсора и, может статься, даже получить хоть маленький доход, хотя бы на скромное пропитание.

Скоро втянулся, успокоился, рассказы получались вроде неплохие, настроение иногда поднималось до ощущения радости и счастья. В такие моменты очень хотелось, чтобы рядом были сын и жена, для полноты жизни, хотелось шутить, балагурить и... по ночам ласкать Раю. «Сублимация, блин, навыверт», – смеялся я над собой, ворочаясь в одинокой постели. Зато теперь не беспокоила проклятая мысль, что надо кормить семью. В деревне теперь они не голодные, в деревне, слава Богу, хоть безденежье и похлеще, чем в городе, но хлеба, молока, мяса в достатке. А ведь как телевизионные вещуньи завывали о грядущем голоде – жуть брала! Что они хотели этим кликушеством о голоде и гражданской войне навлечь? Хаос в умонастроениях, суету в душах, чтоб, манипулируя, лепить нужное им, дьяволам, общество деградантов? И об этом, и о многом другом размышлял я в долгом трезвом одиночестве. Но невесёлые размышления убивали результат благодатного творчества: ощущение радости и счастья исчезло.

Книга, однако, быстро продвигалась вперёд. О быте своём я не заботился. Чай, хлеб, картошка, лук и даже деревенское сало есть – чего же ещё? Закончил рассказы за три месяца после отъезда Раи. Потом недели две ходил, унижался, выпрашивал деньги на издание у богатых мира сего. Одни – сразу от ворот поворот; другие, услышав от секретарши, что пришёл писатель-проситель, сами прятались; третьи внимательно выслушивали, кивали: да, да, надо бы помочь – но вежливо отказывали. Иные хамили, а некоторые позволяли себе удовольствие подискутировать: какая литература должна быть сегодня, исходя из потребности на читательском рынке, – конечно же, коммерческая – звучало убийственно из сытых уст невежества и самодовольства. Я пытался защищаться, и в некоторых случаях апологетика моя звучала убедительно, если попадался умный оппонент, умеющий слушать. Но беда: в пылу дискуссии я вдруг ловил себя на мысли, что я же попрошайка, которого лишь из вежливости и любопытства выслушивают, а надоест – одним жестом, одним словом унижительно выставят за дверь. И я сбивался с мысли, сникал и, жалко извинившись, сам спешил уйти из очередного кабинета.

Идя же домой, проклинал и себя, и литературу, с которой связал свою никчёмную жизнь. Впрочем, когда проклятия слишком уж эмоционально хлопотали в душе, прямо-таки чуть не срывались из уст, всякий раз я испуганно трезвел, вспоминая грозную заповедь: не клянись и не проклинай! – после чего бормотал к небу робкие, неумелые раскаяния: говорил не «Прости, Господи», а что-то вроде: «Извини, Господи... не в себе, Сам видишь...» О, я слишком любил литературу, как любят безответно, до ненависти иных женщин, испытывая муки, но всё ещё не теряя надежды снискать хотя бы снисходительную улыбку её, мимолётно обещающий взгляд.

Литература – это любовница, поговаривал Чехов, достаточно познавший и славу, и удовлетворение. Но не она ли и сожгла его (Чехов – Чехонте –

чахотка, м-да уж...)? А сходящий с ума Гоголь? А умирающий с голода Розанов и потерявший всё, как библейский Иов, Шмелёв? А повешенный (или повесившийся?) Есенин, а застрелившийся Маяковский, а бездомный Бунин – несть им всем числа! – разве сделала их литература счастливыми? В лиловом тумане незнакомка, являющаяся расстроенному воображению Блока, – не зловещая ли это суккубическая сущность литературы, хотя и восхитительная? Потому-то такая иступлённая любовь истинных поэтов к своему творчеству. Тут что-то дьявольское – не отпустить, привязать, присушить... Но ведь и божественное что-то!.. Бог и дьявол, м-да... А не играют ли они как бы в шахматы на поле наших мыслей и чувств, выигрывая, проигрывая, сдавая и размениваясь нашими судьбами? Что там нашими – судьбами целых наций, народов и стран! М-да, мысль еретическая, но интересная, размышляя я.

Спонсор на издание книги всё же нашёлся – отставной высокого ранга чиновник, о котором я когда-то написал неплохой очерк, без всякого славословия, потому что чисто по жизни он был на редкость умный и толковый человек, что и доказал теперь, без лишних расспросов подписав типографический счёт на несколько миллионов рублей (впрочем, деньги-то это были малюсенькие – середина девяностых годов).

Скоро книга вышла. Но коммерческого успеха не имела. Не имела хотя бы потому, что населению было не до жиру, не до книг, лишь бы выжить как-нибудь. Без особой радости и удовольствия я дарил её всем знакомым, выслушивал после, как правило, комплименты: книга интересная, хорошая, прекрасный слог; кто-то даже посоветовал выдвинуться на какую-то премию, спонсируемую зарубежными доброхотами. Но было не до премий, не до славы, не до похвал, от которых ни копейки в кармане не прибавлялось, тем более что тираж из магазинов и киосков вернулся целиком.

Ничтожную часть, правда, закупил для библиотек области департамент культуры, но выплачивать деньги не спешил. Я весь изнервничался. Навязчиво вспоминалось, как впервые пришёл я в департамент просить о закупке книг. Уже и тогда мне было почему-то невыносимо стыдно, точно я шёл на паперть за милостыней. Пришёл – Дьячкова, начальника, якобы нет. Приняла меня дама, замещающая его, Дублёнова. Я скорее известен был как вчерашний скандальный журналист, теперь притихший. Разумеется, по должности, слышали, что я что-то пописываю, вроде бы талантлив, недавно даже принят в Союз писателей, а это уже вроде как епархия культуры, поэтому госпожа Дублёнова, бывшая бойкая комсомолка-аппаратчица, теперь несколько утихомирившаяся дама предсумеречных лет, с духом и настроением, однако, самым живейшим, приняла меня в своём кабинете более чем ласково. Даже приготовила замечательно душистый чай и открыла дорогую, нарядную, как раз под настроение, коробку шоколадных конфет («Девочки с кондитерской фабрики принесли – угощайтесь»).

Выслушав за чаем мою просьбу насчёт того, чтобы департамент закупил хотя бы небольшую часть тиража моей книги, она бойко завздохала, заохала, мол, трудно, трудно, ой как трудно у них с деньгами... но постараемся помочь. А вообще тяжёлое время, очень тяжёлое! Но терпеть, терпеть надо, Илья Андреевич (мне понравилось, что она назвала меня уважительно, по имени-отчеству, это тоже давало надежду: может, закупят). Всем трудно, всем трудно, бодро вздыхала Дублёнова, а им, департаментским работникам, может быть, труднее, чем другим. Но терпеть, терпеть надо, Илья Андреевич, и всё будет хорошо («Да вы угощайтесь, угощайтесь»). А насчёт

книг не беспокойтесь: Семён Евгеньевич приедет из командировки, и она обязательно обсудит с ним этот вопрос. (Ни в какой командировке Дьячков не был, он сидел в своём кабинете, как догадался я. Что ж, на то воля начальника.) И на прощание госпожа Дублёнова оптимистически улыбнулась мне не по возрасту блестящими, как смородина после дождя, глазами юной праведницы-комсомолки... если бы в них не было какого-то опытного то ли тайного лукавства, то ли весёлого нахальства.

Уже не на что было ни чаю купить, ни сахару, даже хлеба. Не знал, у кого занять, поскольку и без того всем задолжал. Через каждые три-четыре дня я шёл угрюмо в департамент, чтобы услышать, теперь от начальника: «Нет, дорогой, денег». «Конечно, на другие «дела», – молча злился я, – разумеется, более «важные», чем нужда доведённого до отчаяния задрыпанного литератора, у вас есть! Ну, ладно». Причём начальник департамента господин-товарищ Дьячков (а «господин-товарищ» – потому, что одни его считали заядлым демократом, другие же, наоборот, недобитым коммунистом – коммунистом, быть может, ещё по высокопартийному батюшке его) явно измывался надо мной, заставляя высиживать в коридоре часами, чтобы на минутку принять и сказать: «Нет, денег, дорогой! – И с оловянными глазами флегматика разводил руками, улыбаясь одними уголками туго-резиновых губ. – Приходите на следующей недельке». – «Да мне жрать уже нечего», – не глядя в безулыбчивые глаза хозяину кабинета, выдавливал я из себя и до боли стискивал зубы. «Ну, так у нас даже библиотекари уже полгода почти ничего не получают. Всем трудно. Потерпи. В страданиях выковываются идеи, верно?» «Найдите мне какую-нибудь с оплатой работу», – не принимал я шуточный тон. «Ну, какая у нас работа? – опять разводил руками начальник культуры. – Сокращения одни. Нет, дорогой, никакой работы. Рад бы помочь, да нет». «Я любые строительные дела могу, – угрюмо, но уже просяще, пересиливая себя, свой стыд, говорил я, – от плотницких работ до укладки кафельной плитки». Я говорил это, зная, что начальник департамента культуры – вчерашний прораб и наверняка у него остались связи со строителями, может, куда воткнёт на работу, да и находящихся в ведении департамента разных заведений и объектов полным-полно, ведутся же там какие-никакие ремонтно-строительные дела? Я робко намекнул на это.

Недовольный упрямым торчанием писателя в своём кабинете, Дьячков вызвал Дублёнову. «Что ещё?» – войдя в кабинет к начальнику, с каким-то вызывающим тоном обратилась она к нему, мельком рассерженно взглянув на меня. Это было более чем странно: все женщины в департаменте ходили на цыпочках перед Дьячковым, точно восточные невольницы в гареме, не смея взглянуть ему в лицо, не хватало лишь чадры.

«Поговорите с ним у себя в кабинете», – кивнул Дьячков Дублёновой. «Пойдёмте», – скрывая раздражение, сказала она, и я подумал, что ничего толкового не выйдет. На этот раз госпожа Дублёнова конфет и чаю мне не предложила, а сухо поинтересовалась, что я ещё хочу, ведь книги у меня закупили. Ах, ещё деньги не выплатили! Ну, потерпите. «Да мне даже хлеб не на что купить», – сказал я, чувствуя, что краснею то ли от злости, то ли от стыда, и, боясь сорваться, торопливо изложил свою просьбу: найти мне для срочного заработка какую-нибудь работу. Я умею плотничать, штукатурить, крыть крыши, делать кирпичную кладку, облицовывать кафелем... И, пересилив стыд, взглянул в смородиновые глаза бывшей комсомолки. «Г-мы... – задумалась дама от культуры, и по её лицу я почувствовал робкую обнадёгу для себя. – Г-мы... надо тут нам кое-какие

работы произвести... – И она как-то странно взглянула на меня, какая-то усмешливая искорка блеснула в глубине её глаз. – Пойдёмте, я вам покажу. Если согласитесь, конечно», – добавила.

Мы спустились в полуподвальный этаж. Здесь был департаментский туалет. Дверь кабины приоткрыта, значит, не занята. «Вот это всё надо будет сломать, – указала Дублёнова на перегородку, – расширить, выложить новую стенку, поставить новую сантехнику, обложить кафелем...» – И она, взглянув на меня, отвела блестящие глаза.

Уж чего только за годы «литературной учёбы» не приходилось делать мне на шабашках, в том числе и туалеты выкладывать кафелем – на шабашке ничего не зазорно. И всё у меня получалось, и ничего я не боялся и ничем не гнушался. Но вот теперь против воли вообразилось мне, что приспичило «по большому» господину-товарищу начальнику по культуре; взял он книгу писателя Каурова, подаренную лично им, когда упрашивал закупить у него хотя бы ничтожное количество экземпляров для библиотек области; пришёл Дьячков в туалет, уселся на унитаз и между делом решил пролистать моё творение. «Да, неплохо, стервец, пишет, – подумает, оторвёт взгляд от страницы и окинет кафелем выложенную кабину, ухмыльнётся: – Кауров тоже делал. Молодец. И унитаз он ставил. Тоже молодец». И захочет господин-товарищ сделать заключительную операцию физиологического порядка, а глядь, туалетную бумагу уборщица забыла положить. Что ж, придётся завершить акт дарения подтиранием страничками из дарованного шедевра шабашника Каурова. М-да...

«Ну так что, писатель?» – спросила Дублёнова у меня, сцепившего зубы. Наши взгляды встретились, и я прочёл в них два возможных чувства на мой ответ: презрение, если согласюсь, и сдержанно-блестящую улыбку, если откажусь. Я молча повернулся и вышел вон.

Три дня до следующей недели кое-как перекаптался без денег: оставался запас варенья, и в тумбочке отыскались в целлофановом пакете сухари – это Рая, как мышка, заботливо припрятала. «Если не отдадите сегодня деньги, – шёл я и думал по дороге в департамент, – я вам устрою прецедент!»

«Что с вами, Кауров? – настороженно спросила секретарша Дьяčkова, когда я пришёл в департамент. – На вас лица нет». «Эта сволочная жизнь, – ответил я мрачно, – не только лицо, но и душу выкрадет. Как там насчёт денег?» – кивнул на кабинет начальника. «Всё нормально. Наконец подписал. Идите в бухгалтерию и получайте», – с какой-то заботливостью ответила секретарша, глядя по-прежнему настороженно на меня: очевидно, и вправду что-то иное, пугающее было в моём лице.

«И что же с ними делать? – думал я, пересчитав жалкие три миллиона. Деньги-и-щи! Миллио-о-нщик, ё-моё!.. А по сути – копейки. Если расплатиться с долгами – а расплатиться обязательно надо, – то на оставшиеся, в сущности, и нечего купить».

И так опять стало паскудно на душе!.. Зашёл в кафе всё же выпить водки и съесть порцию пельменей. Водки выпил, но на пельмени пожадничал: надо сэкономить на гостинцы Славику и что-нибудь дешёвенькое купить Рае в подарок. Натощак от ста пятидесяти граммов и селёдочного бутербродика захмелел, и стало ещё горше, таким ничтожеством себя почувствовал, каких и на земле не сыскать.

Купив кое-какие подарки жене и сыну (матери уже почти и не на что – ничего, простит, поймёт), в тот же день я поехал в Чернозелье.

Рая соскучилась неимоверно. Сын тоже. Оба ласкались ко мне. Жена особенно радовалась моей новой книге. Мать – сдержанной. «Ну, теперь все втроём читать будем», – сказала она, рассматривая книжку, и с недоверием спросила, получил ли я за неё сколько-нибудь деньжонок. Да, немного получил, ответил я неохотно, но тут же соврал, что через месяц мне выплатят приличную сумму за остатки тиража, которые я сдал на книжную базу. На самом деле почти весь тираж лежал в сарае, и никакими деньгами от него не пахло. Временами возникало желание – сжечь... Нет, надо срочно искать либо какой заработок – шабашка, торговля, что там ещё? Но где, с кем, у кого?.. Либо надо проситься в газету... Но куда? в какую? Ведь меня уже не считают за профессионального журналиста, а за то, что я стал членом Союза писателей, как-то стали даже презирать... В самом деле, какой я, к чёрту, писатель, если книги мои не покупают, если я вечно без денег, если я стыжусь самого слова «писатель»?.. Но что-то надо делать...

Глава 21

ДЬЯВОЛЬСКАЯ КРУГОВЕРТЬ. ДЕМАГОГИЯ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ. ЛИШНИЕ ДУШИ. ПЕРЕВОРОТ

И тут я очнулся.

– Где я?!

– Кхе-кхе-хе, – послышалось рядом, сбоку, слева.

– Крёстный?! – Я вскочил, точно полоумный, дрожа то ли от страха, то ли от ночной сырости.

Но никого вокруг не было – одно безмолвие на земле. Над головой же – прежнее небо, но улепленное сырыми апрельскими звёздами, и рваной заплатой месяц торчит... Где я? Кто я? Умерший пророк Кристо или воскресший Кауров? Что за чёрт!.. Я огляделся: ё-тра-та-та, да это снова кладбище! Раскинутые корявые руки крестов вокруг; всё та же свежая могила, укрытая тёмным ворохом венков, тот же камень-седалище и столешница из кирпичей, должно быть, изъеденных могильным прахом; рядом стоит моя сумка с деревенскими гостинцами для семьи, ополовиненная бутылка первача... О, чёрт!

Схватив сумку, я опрометью кинулся бежать, споткнулся, вскочил... Сзади раздался хохот-уханье то ли филина, то ли мертвеца: ух-ха-ха-ха! Но, к счастью, лишь выметнулся я за ограду погоста, как со стороны Чернозелья ударил свет фар: машина! Я бросился на дорогу, замахал рукой: стой, стой! Взвизгнули тормоза, и мгновенно распахнулись все четыре дверцы.

– Вот он! – выкрикнул чей-то знакомый голос. – Хватайте его!

И не успел я опомниться, как очутился в салоне то ли милицейского «бобика», то ли опять «летучей тарелки». Да какая, к чёрту, милиция, когда по обе стороны – всё те же два чертёнка, а впереди, справа от водителя (или пилота-гуманоида?) щетинисто стриженный вепрь Яган Амоньч, отчасти похожий и на тюленя.

– Долго ты от нас скрывался, – обернулся он ко мне. Ишь ты, сочинитель! – И к водителю-пилоту: – Трогай потихоньку. – Затем к патрульным: – Растягивайте его, ребята, чтобы опять не сбежал; кровь из носа, а доставить этого писаку живым или мёртвым надо, иначе, блин, Харут телегу на всю

команду накаляет, уж я его, крапивника, знаю. Растягивайте и колите! – приказал чертенятам.

И те, распластав меня навзничь на заднем сиденье, одну руку заломили мне под спину, другую вытянули струной в сторону, живо закатали рукав выше локтя. – Коли, коли, не бойся, – подбадривающе ворчал вепрь несколько неуверенному чертёнку, – сразу две ампулы вколи.

– Откопытится, сэр.

– Не откопытится. А откопытится, сплшем на несчастный случай.

«Ах, вот оно что: наркотиками меня накачивают!» – пронзила догадка. И внезапная ярость охватила меня. И я стал неистово дрыгать ногами, на которых сидел другой гуманоид, дёргать что есть мочи, несмотря на боль, взятой на излом рукой, не давая уколоть себя, и так напряг все до единой мышцы, что игла в шприце сломалась. Молодые черти занервничали, испуганно взглядывая на Амонича-начальника и переругиваясь между собой:

– Да что ты всё мимо вены ему колешь, сволочь косорылая!

– А ты держи лучше, собака паршивая!

– Я те щас рога пообшибаю!..

– Впрыснули, что ли? – раздражённо спросил Амонич.

– Да вроде есть.

– А чего же его не берёт?

– А тра-та-та его знает. Может, ещё дозу влупить?

– Погодите.

– Ишь, как ломает поганца! Обычно кайф ловят, а этот как на отходняке.

Но меня вовсе «не ломало». И не от боли, что руки мне выламывали, извивался я – это суставы души мне изверги выкручивали. Разве знали они, что я как раз боролся против их «кайфа». Я не хотел, чтобы воля моя была вот так ни за понюх табаку сломлена против моей воли. «Не хочу, не хочу, паскуды, я вашего кайфа!» – кричало всё моё естество. Но, увы, чувствовал я, что ни звука не исходило из онемевших моих уст, только безобразно кривился безмолвный рот и тяжесть всё больше и больше нависала на веки, точно по гирьке ходиков к ним подвесили. Уже обесчувствовали руки. И ноги как пудовые – не пошевельнуть. И вот уже невыносимо стало бороться: так в последнем раунде на ринге в финале, когда уже нет ни реакции, ни сил, только твердишь себе: «Держись, держись, ещё немного!..» На секунду, на одну лишь долю секунды хотел передохнуть я, чтоб сражаться потом снова, но только чуть расслабился, как в тот же миг точно и полетел кувыркком – нокдаун, нокаут?.. Полетел куда-то в бездонную пропасть... Или это машина рванулась и понеслась с дикой скоростью куда-то вниз, под крутую-раскрутую горку? Да не машина – «тарелка» – вниз, вниз!.. в тар-тара-ры! Ах, как заныло сердце!

И вот снова – в который уже раз! – я очутился возле знакомых арочных ворот. Тот же тусклый фонарь, тот же чёрт-гуманоид с алебардой. Снова смрадные сходы. Стены справа дышат жаром, стены слева – мрачным холодом. Занозы воплей вонзаются отовсюду. (Между прочим, впереди меня черти вели ещё двоих задержанных: один повыше, уже, похоже, немолодой, чуть сутуловатый и чем-то, даже со спины, знакомый мне; другой – широкоплечий коротышка.) Вот и вонючая приёмная опять, озверелый дежурный..

– Тра-та-та твою тра-та-та! – выпалил он, подскочив ко мне. – Выловили драматурга! Ну, сейчас я тебя вздрючу, пескаришку мудёрого! –

с нетерпеливым сладострастьем ткнул с прищёлком он кулаком правой руки в левую ладонь, потом – наоборот, и связка ключей у него на запястье весело и тоже как-то нетерпеливо звякнула. – На дыбу-у-у тебя, голубчика! На крючья, тра-та-та, субчика! На горячую на сковородочку! Да в смоле засмолю, как селёдочку! Ух, вы, тру-ля-ля, тра-та-та, писателя! – И прошёлся вприсядку вокруг меня, всхлопывая ослиными ушами.

– Отставить! – послышался бодрый голос...

Я оглянулся: ну, конечно же, Харут Марутыч (он же полковник, он же правовец и недавний доктор Филл). Не обращая внимания на Чибиса и коротышку, полковник Харут, принаклонившись чуть в мою сторону, опять же исключительно вежливо (но глумливість, глумливість на роже-то, а!) обратился ко мне:

– Простите, пожалуйста, вы не могли бы нам напомнить, о чём мы с вами дискутировали в последний раз на этом самом месте? Ах да, вы там что-то насчёт трёхдневного полёта души возле родимых мест якобы спрашивали? Так вот, официально отвечаю, – продолжая потирать лоб и виски, начал он, – трёхдневка для преставившейся души теперь отменена. Равно как и девять дней. Сейчас ведутся переговоры насчёт сорока и полгода. Во-первых, слишком много пьют на поминках, точно на праздниках, а праздники у вас там и так не счастье – что угодно, лишь бы не работать; во-вторых, слишком накладно столько раз поминать какую-нибудь малопригодную для жизни душонку. С горожанами мы уже договорились насчёт отмены. У них там холодно, голодно, поминать нечем, даже похоронить добром не хватает средств. Представляете, сколько стоит один гроб? Ого-го сколько! А выкопать могилу? А катафалк? А прощелыг-могильщиков нанять, напоить? А шкуродёров-музыкантов? А попать?.. Нет, писатель, – воодушевлялся всё больше Харут Марутыч, – жить, доложу вам, гораздо дешевле, чем взять и помереть. Кругом безработица, сокращение рабочих мест, да и работать молодёжь, доложу вам, не хочет, не любит и не умеет. Вы знаете, у нас, как и у вас, все бросились в торговлю и воровство. Говорим «торговля» – подразумеваем «воровство», говорим «воровство» – подразумеваем «торговля». И чую, всё проторгуют, всё пустят в трубу. Боюсь, и орден мой уплывёт за границу: стырят не детки, так какие-нибудь домушники, и снесут на Арбат. У нас ведь, брат, и свой Арбат, и всё такое прочее. Но я молодёжь не виню: бытие, брат, как ни крути, а определяет сознание. Посудите сами: зарплата невозможно низкая, а работа невозможно горячая: котлы, смола, сковородки. Или же, наоборот, в вечной мерзлоте горбатиться, где-нибудь во льдах Антарктиды (у нас и Антарктида – тартарары, по-нашему – тоже своя имеется, я вам как-нибудь экскурсию устрою, в ужас придёте). Да и там зарплату по полгода не дают. Работяги бастуют, интеллигенция нервничает. Перебежчиков стало много. Мозги уплывают, а их и так с гулькин нос. Патриотизма – ни на ноготочек! Объединяющей идеи нет. Все рвутся в американские и европейские миры. А между тем в Америке и ад, и чистилище во многих штатах уже упразднены, разве что у чёрных католиков да цветных латиноамериканцев одни поскрёбки остались. Собственно говоря, там несусветный синкретический бардак, называемый конституционной свободой. Но я ни за что бы туда не отдал своих детей даже на посольскую должность межаидных сношений. Да и чувство патриотизма не позволит. У нас и так проблема с мозгами, если не с отсутствием, повторяю, их вообще.

А тут ещё и другая проблема. Когда смертность на том, на вашем, свете превышает рождаемость, у нас начинается несусветная паника душ: в кого воплощаться, пройдя круги наших страдалищ? Кстати, скажу по секрету:

реинкарнация – это всего лишь вынужденная мера в связи с дисгармонией между нашими мирами и дисбалансом между живыми и мёртвыми в той или иной стране. Когда всё кругом благополучно, никому ни до каких перевоплощений и дела нет. Но вот начинаются бунт, революция, война, массовая деградация, разврат, наркомания, алкоголизм, экологические катастрофы, терроризм и, наконец, мода на самоубийство – тут же резко повышается и смертность, а у нас, соответственно, перепроизводство «товаров». Ну и приходится лишние души воплощать в деревья, камни, в лучшем случае в животных. В связи с чем процветают блат, кумовство и прочие непотребства – ведь каждому хочется во что-нибудь получше воплотиться. Наши чиновники трясут бедные души прямо как груши – взяточничество жуткое!

Не лучше обстоит дело, когда у вас рождаемость превышает смертность. Как правило, это когда народец молодой, здоровенький, плодовитый и ему наплевать, что медицина и условия жизни желают лучшего – знай себе плодится и размножается. Возьмём, к примеру, средневековую крепостническую Россию. Х-мы!.. Уж это мне крепостничество, осмеянное и заклеимённое с ног до головы. Да не инспирирую мы войн против России чуть ли не ежегодно за последние триста лет, вот бы она расплодилась! Так вот, когда рождаемость превышает смертность, тогда приходится, из соображения баланса, многих грешников здесь амнистировать. В первую очередь, разумеется, амнистируем отъявленных, которым, однако, придётся воплотиться в собак, свиней, лягушек, зайцев, саранчу и даже в корнеплоды. Кстати, если вам на огороде попадётся необыкновенной величины корнеплод, знайте, что это воплотившаяся в него чья-нибудь необыкновенная человеческая душа. А если уникам воплотится в животное – быть ему непременно лидером-вожаком среди своей стаи, группы, сообщества, как и среди преступников, политиков и прочей сволочи, что, разумеется, одно и то же. Ум ведь человеческий после смерти остаётся с его же душой – вот отсюда и лидерство. Вы приглядитесь, приглядитесь к своим политикам-то повнимательнее, Ломброзо почитайте, ещё там кого-нибудь – занятно, ой, занятно!

Знаете, коллега, – очень ласково и доверительно продолжал мутить воду Харут Марутыч, – я открою вам один маленький секрет по поводу реинкарнации. Повторяю, все эти перевоплощения – мера вынужденная для нас и тягостная для душ. Для душ это своего рода бред навязчивости, маниакальность какая-то. И вот чтобы поскорее остановить метемпсихозное колесо, надо за одну жизнь испытать сразу – сразу! – все виды грехов, мыслимых и немыслимых, а потом уж за добродетели браться. И вот мой практический совет: начинайте, братья и сестры, лучше с мелкопакостных, мелкопорочных помыслов и непременно дойдёте до утончённых злодеяний. Я, к примеру, знавал одну женскую душонку, которая жила на общей кухне и так ненавидела своих соседей, что когда кипел их чайник, она снимала с него крышку и, оглянувшись кругом, не видит ли кто, плевала в него и торопливо уходила, вся дрожа от необыкновенного наслаждения, воображая, как они будут попить чаёк-то с её-то плевком. Гениально! Но таких мало. Но именно они достойны художественного воплощения, потому что настоящее искусство ищет не распространённый, а редкостный тип. Распространённых-то у нас навалом, ад уже по швам трещит. А почему, спрашивается? А потому, что ни один из законов – о депортации, об эмиграции, о равенстве душ на территории любой метакультуры – так и не узаконен, живём по указам, которые требуют десятки других подучаков. К примеру, в целях оккультных экспериментов требуются средства для

поддержания и развития идей и явлений спиритизма, материализации духов, воскрешения мертвецов и прочих чудес. Положим, деньги мы найдём, но нам до сих пор тычут в нос отжившим правилом: вы-де нарушаете естественный ход вещей. Средневековье какое-то, инквизиторство! Если так будет продолжаться, чую, нашей инфернальной цивилизации – каюк. Выход один – революция. Тотальная революция! С тем, чтобы требовать заодно и расширения пространственных границ от ада до рая.

Впрочем, рай лично меня мало интересует, хотя бы он и существовал вне пространства и времени. Я патриот, и у меня сердце болит за отечество...

– Ну, всё, ты меня достал, Харутка, – мрачно выдавил Аmonyч, исподлобья глядя маленькими кровавыми глазками на полковника, – пора тебя мочить, шестикрылого. – И, скинув другую ногу со стола, тяжело упёрся обеими лапищами в расплывшиеся по креслу бёдра. – Встать, когда с тобой разговаривает законный наследник Ам-мо-на-р-р-р-а и представитель военной аристократии! Встать, говорю! – взревел как бык мирской Яган Аmonyч, и всё подземелье аж сотряслось. – Надоел ты, блин меченый, со своей говорильней. Объявляем тебе недоверие! – И встал, повёл, разминаясь, плечищами без шеи вправо-влево, как боксёр-тяжеловес перед боем, и зверски осклабился. – Общее презрение Харуту!..

Черти загоготали.

– Ну, Харут Марутыч, какую вам камеру по старой дружбе приготовить: с окошечком на огненное озеро или с глазком на ледяное? – явно издевался дежурный, вызванивая «Марсельезу» связкой ключей перед оттопыренным ухом полковника.

– Как? За что? – дрожащим голосом вопрошал тот. И вдруг как бы заупряился: – Я требую референдума! – выкрикнул, и насекомое на лбу его – то ли скарабей, то ли скорпион – ожило и трусливо заметалось, но тут же и замерло-застыло бесформенным пятном. – Или в противном случае я прекращаю свои полномочия на посту... по принципиальным соображениям! Но просто так я не уйду! – И вцепился в подлокотники.

– Пошёл, пошёл! – заорали все озорно и весело.

– Долой клеймёного!

– На мыло его, на мыло!

– В ярмо, паразита!

Убитый якобы горем Харут Марутыч, стыдливо прикрывая холёными лапами срам, стоял в центре круга, втянув в плечи комолую башку. Атаман Аmonyч выделился из хоровода, важно подъехал к нему, наклонился, ухватил рукой-треножником за растопырившиеся крылышки, как за шкуру, и, забросив позади себя на круп кентавра-китовраса, опять победоносно процокал по всему помещению, скрылся во внутренних покоях.

Словом, про меня в этом хаосе переворота совсем забыли. В помещении стояли невообразимый гогот, говор и нестерпимый смрад. Тут-то несуетливо и появился возле меня новый персонаж – рыжеватый, как бы несколько опалённый дух самого скромного и не так уж чтобы мерзкого вида. Притиснувшись ко мне, он взял меня за руку и легонько потянул за собой, мысленно передав приказание: «Иди за мной и не оглядывайся». И я бочком-бочком двинулся за странным субъектом. Но, проходя мимо женщин-узниц, которым в честь переворота объявили временную свободу в соответствующих пределах, и группа чертей во главе с пожилым, но возбуждённым кентавром увидалась вокруг них, особенно перед красивой девахой, предлагая вино, курево и открытую любовь, проходя мимо них, я почувствовал, как меня невольно вдруг потянуло к Вару. На мгновение я встретился глазами с девушкой

и прочёл в них живые, страдающие слова: «Илья, помолись за меня, грешную, и умоляю: спаси сестру мою Русю – она погубит душу свою. Спаси! Спаси! Спаси!..» И такая боль была в этих живородных словах, что у меня сердце сжалось от жалости, как ёжик в клубок от страха. Я приостановился... но опалённый дух, велевший идти следом, мысленно передал мне: «Я всё знаю. Но здесь мы ничем ей не сможем помочь. Потом, потом! Спасёшься сам, спасёшь и её, и сестру её, о которой она просит, тысячи спасёшь. За мной, Кауров!» И дух заскользил между демонами. Я – за ним.

Глава 22

ПО КРИВЕНЬКОЙ ДОРОЖКЕ. ЗАТРАВЛЕННОСТЬ. ЗАПАХ КОЗЛЯТИНЫ

Из разного рода слухов и нечаянных оговорок Раи я понял следующее про брата её Александра Лактионова. После первой отсидки он сразу влился в Сурграде в какую-то банду и через полгода сел опять. Дали снова три, хотя статья тянула на большее. Но уже шла перестройка, махрово зацвели взяточничество и коррупция, «братки» наняли хорошего адвоката, суд учёл его «интернациональный долг», и в конце восьмидесятых Ян заявился в родную Чернявку с бритвенным блеском в сине-холодных глазах. Первые, кстате, три года он и сидел за «интернациональный долг»: возвращаясь из Афганистана, в поезде зверски избил кого-то «за неуважительное отношение к воину, исполнявшему свой долг», как объяснял он хмуро на суде, а потом с усмешкой и в остальных случаях. На свободе долго не задержался. «Пошёл по кривенькой дорожке», – говорила с материнской болью Марья Антоновна.

Скромно погуляв на родине после второго звонка, Ян опять исчез, потом стал изредка снова навещать Чернявку. На вопрос, где устроился работать, отвечал: «Гонщиком». Действительно, приезжал он всегда с напарником (оба в спортивных костюмах) на новой машине с транзитными номерами. В городе иногда заходил к нам в гости на съёмную квартиру. Но тут всякий раз один. И почему-то ночью. Всегда трезвый. Малоразговорчивый. Не надменный, но спокойно уверенный в себе. Малиновый пиджак был бы ему не к лицу – он и не одевался так, в отличие от расплывшегося хамья в подобной «униформе». На нём всегда было что-то модно-спортивное или отлично сидел хороший костюм под кожаным плащом. Эта голливудская манера красавца-преступника была в нём как бы врождённая. Он всегда приносил какие-нибудь недорогие подарки сестре, но никогда ничего мне, зятю, кроме бутылки хорошей водки, которую мы выпивали за полчаса за скупыми разговорами, и он уходил. И я чувствовал облегчение, потому что в присутствии Яна мне всегда было тяжело и скованно. Об этом я как-то сказал Рае. Она же неопределённо улыбнулась и возразила: «Ты просто не знаешь, как вы похожи друг на друга». «Похожи? – удивился я. – Да, по-моему, мы ни капли не похожи!» – «Не внешне. А... ну, я не знаю, как объяснить. Между прочим, у тебя волосы пахнут точно как у него». – «Волосы? А ты что, обнюхивала его, что ли?» – «Он же меня в детстве на себе, как на лошадке, по всему селу катал, – радостно засмеялась Рая. – Посадит на плечи, я ему в волосы ручонками вцеплюсь, и он галопом скачет по двору, а то и по селу. Я его так и звала: «Саняня-копяшка», а так как «Саняня» у меня получалось как «яняня», его и прозвали Яном».

Скоро через знакомых журналистов, специализировавшихся на криминальной хронике, я узнал, что некто Ян, бывший «афганец», крышует в Сурграде ряд магазинов, а ещё ранее контролировал и мелкие базарные точки здесь, а также в некоторых районных центрах. Я, конечно, догадывался, что это мой шурыяк, хотя никогда и не решался за общей выпивкой спросить его про рэкет, а он не имел привычку даже оговариваться на эту тему, да и с недавнего почему-то прекратил бывать у нас. Но я узнал, что Рая изредка где-то встречается с братом и получает от него понемногу денег. Это однажды взбесило меня. Я закатил жене скандал и жёстко, с каким-то злым упорством потребовал, чтобы она ни копейки не принимала от Яна.

– Перестань, – просила Рая.

– Если он ещё раз надумает прийти сюда...

– Он не придёт, – всхлипывая, вставила Рая. – Он сказал, что никто не должен знать, что в городе есть у него сестра...

– Это кто – *никто*? – не понял я.

– Ну, не знаю... ну, с кем он водится. Это для нашей же безопасности.

– Ого!.. – удивился я.

А Рая продолжала:

– Ян сказал, что со временем он сможет купить нам квартиру в другом городе, может, в Москве.

– В Москве? – всё более дивился я.

– Да. Ян сказал, что тут ты никогда не станешь писателем, в этой дыре...

– Ты смотри! Так и сказал? – уже не с удивлением, а с новой дозой досады вспылал я. – Это ты, что ли, ему подсказала?

– Он и сам всё видит. Ты думаешь, что ты один умный?

– Я не думаю, что я умный. Наоборот, я думаю, что я самый настоящий круглый осёл... – не находя, что ещё добавить, злился я.

И тут Рая вдруг зарыдала в голос:

– Илюша, Илья-а-а, он – пропа-а-щий! – И, трясаясь, уткнулась в мою грудь. – Мне жа-а-алко его-о-о! Ведь его убьют или опять поса-а-а-дят! Он же любит меня-а-а!

– А я?... – с трудом сглотнув ком в горле – ком обиды и жалости, вымолвил я и дрожащей ладонью погладил жену по голове. – А я разве не люблю... тебя и сына?

– И я тебя люблю, – успокаиваясь, всхлипывала Рая. – Но жалко, жалко его!

Однако, проплакавшись, она всё же твёрдо пообещала, что теперь ни копейки не возьмёт у брата, а я про себя решил больше не напоминать ей о своём требовании. Мне даже отчего-то стало стыдно за то, как я отчитывал жену. И, странно, выпала из ума первая часть Раинога сообщения насчёт того, почему Ян не ходит и больше не придёт к нам – из-за нашей же якобы безопасности. Лишь после задумался над этой фразой: выходит, в случае криминальных разборок Рая, Славик и я можем оказаться, например, заложниками? Ну и ну!.. И накатывало желание взять Раю и сына и умотать отсюда куда-нибудь далеко-далеко, из этой чёртовой дыры, найти любую другую работу, лишь бы платили, уехать в какую-нибудь Грецию или Израиль на цитрусовые плантации, а потом и остаться там...

Подобные горькие мысли как ржа разъедали сознание.

А жить-существовать между тем всё же надо было. Придётся вернуться в газету, с отвращением думал я, надо же как-то содержать семью.

Что ж, пересилю себя, пойду к Римме Руслановне на поклон, но сделаю бодрый и приветливый вид, наговорю ей кучу комплиментов как женщине и редакторше...

Глава 23

АНГЕЛ ДЕВЯТЫЙ ПО ЧИНУ

Из помещения, загаженного ликующими бесами, я с новым помощником (если это был помощник) выбрался достаточно скоро. Странно, но страшно не было нисколько. Или я уже привык ко всем ужасам и нелепостям своего приключения? Разве что немного удивительно... И возникал вопрос: кто он, этот проводник, и куда ведёт?

Дух же, явно услышав мои мысли, приостановился и приглушённым, но ясным голосом, без характерной для муринов гнусливости и утробности, чисто выговорил:

– Я истинный твой друг!

(«И этот то же самое», – невольно отозвалось у меня в уме.)

– Нет, нет, я действительно друг. А демон Харут – провокатор. Он хотел тебя окончательно погубить, нарочно устроив побег и доставив в реальный мир, чтобы потом засвидетельствовать твою настоящую смерть. А то, что в морге показывали твоё якобы тело, – это поддельная компьютерная съёмка. Харут хотел натравить на тебя или сатанистов (в Великий пост, особенно в Страстную неделю, они нагло активизируются), или уличных «отморозков», на которых бесы имеют безусловное влияние; при этом он намеревался выхватить твою душу опять, вернуть в узилище и окончательно поработить. Но мы ему помешали. По просьбе твоего Ангела-хранителя, который служил в это время Пречистой, Она, Заступница, послала меня к тебе на помощь, и план Харута сорвался. Однако мы в опасности.

– Но кто вы? – осмелев от таких слов, спросил я.

Проводник сделал крестообразный пасс светящейся рукой возле своего лица, и – о, чудо! – лицо его, только что неприятное, даже отвратительное, как и у всех духов-демонов, тотчас преобразилось, стало необыкновенно красивым, самоизлучающим золотисто-молочный свет. Он повернулся ко мне всем своим величественным видом и с достоинством сказал:

– Я – из последней триады Ангел девятый по чину.

– Но как вы здесь оказались, Ангеле?

Я так и сказал «Ангеле», на церковный манер, а не «Ангел», и тот, очевидно, удовлетворённый этим, ответно улыбнулся. Но затем помрачнел и сухо добавил:

– Строго говоря, я не таков по сути, но таким меня удобнее тебе лицезреть. Однако надо торопиться. Эти остолопы опомнятся и хватятся тебя, им теперь потребуется жертвенная духокровь. Надо спешить. Мы их обманем. Пусть они какое-то время думают, что мы удираем вверх, а мы глубже уйдём вниз, заскочим в трансинферальный тоннель (ну, понастроили, архитекторы!) и выйдем, так сказать, с чёрного хода в нейтральную зону, может, захватим на каком-нибудь блок-посту их летательный аппарат и уйдём в неконтролируемое демонами нуль-пространство.

Сейчас мы уже в их трансинферальном тоннеле, диаметрально пересекающем всю параллельную внутренность Земли. Иначе он называется инфернолестницей. Здесь, – шарообразно повёл он рукой, освещая низкий сводчатый потолок и глухие базальтовые стены, которые как будто источали стоны, –

здесь на таких, как ты, действуют две основные пси-силы: тоска и отчаяние. Тоска оттого, что душа твоя сейчас в разлуке с телом..

– Как в разлуке? – удивился я.

– Разве ты ещё не понял, где находишься? Это же не простой сон, товарищ мой дорогой!

– Так неужели я и вправду умер?

– Я бы так не сказал, – уклончиво ответил Ангел. – Ты не то чтобы умер, но душою возведён как бы во ад. Но всё это игра, спектакль, подделка под настоящий, реальный ад. И тем не менее это тоже реальность. Тонко-материальная реальность.

Душа твоя похищена, но похищена незаконно и похищена именно в этот мир – вымышленно подражательный. Почти виртуальный. Но именно отсюда проще простого угодить в самый настоящий ад. Это бывает, когда Ангел-хранитель удаляется от человека либо по высшему повелению, как в твоём случае (мы ведь все Пречистой поочерёдно служим, когда Она по земной юдоли путешествует – это высочайшая радость для нас, и каждый ждёт этого часа с трепетом и нетерпением), либо Ангел-хранитель удаляется из отращения к подопечному своему, если тот совершает, несмотря на предостережения Покровителя, омерзительные поступки, а потому и остаётся лёгкой добычей для демонов.

– А я? – виновато спросил я.

– А ты... в том-то и дело, если бы ты вёл себя достойно, ничего бы с тобой и в отсутствие Хранителя не случилось: дежурные ангелы прикрыли бы тебя. Но у них приказ: совершающих постыдные проступки – не покрывать! А ты, брат, в Великий пост назюзился как свинья да ещё ёрничать на погосте начал.

– Я не ёрничал, – попытался было возразить я.

– Не оправдывайся, – строго перебил Ангел, – здесь не место. Твоё счастье, что дежурные ангелы, когда мурины, подстроив встречу с отморозками-сатанистами, похитили твою душу, тотчас сообщили твоему Хранителю, который служил в это время Пречистой. Ангел твой, услышав сообщение, заплакал. «Что случилось?» – спросила Пречистая. Ангел тихо ответил Ей про тебя: то-то, мол, и то-то. «Ах, какая досада! – сказала Она. – Знаю, знаю Я этого молодого поэта, он Мне скромные стихи посвящал, – улыбнулась. И позвала меня: – Помогите ему». Я тотчас полетел – такова моя служба. Вот и всё.

– А где же моё тело сейчас? – так ничего и не понявший и всё же потрясённый услышанным, спросил я, недоумённо и сколько можно оглядывая себя. – Разве оно не существует?

– Существует, успокойся: оно вечно в идеальных чертежах.

– Но я-то и сейчас существую?

– Если мыслишь, значит, существуешь, хотя это и не безусловное доказательство существования. Вот потому, брат, душа твоя и тоскует, как бы разлучённая с телом. Тоска же усиливает отчаяние. Это и образует inferнальное тяготение. Позже я объясню подходчивей, если выберемся, конечно.

– Бог даст... – с надеждой хотел сказать я, но не договорил.

– Тсс!.. – со свистом воскликнул Ангел и чуть не уронил меня. – Имя Его даже здесь не произносимо! Страх, страх!..

И действительно, тотчас за восклицанием Ангела послышался гул, и тоннель, или inferнолествица, как назвал её проводник, содрогнулась так, что со сводчатого потолка посыпались камни размером с кулак (Ангел

с ношей, со мной на плечах, прижался к стенке), ступенчатый пол под ногами заходил ходуном. Изнутри же базальтовых стен послышались невыносимо болезненный стон и хрип, будто стены были сами живые. Но вскоре всё успокоилось, и стены, и потолок, лишь сход ещё некоторое время изгибался резиновой затухающей волной.

– Не смей больше! – с испугом на страшно побледневшем лице запретил Ангел. – Никому, никому и здесь, повторяю, не позволительно произносить имя Его: ни демонам, ни святым, ни грешным душам, ни даже мне, девятому по чину из последней триады, верному Ему от дня первого до дня последнего и бывающему здесь по долгу службы. Понял?

– Да, да, – с не меньшим испугом ответил я. – Но скажите, Ангеле, – спросил я, когда снова тронулись в путь, – скажите, что это за стон был в стенах?

– О, демоны искусны в подражании! Здесь как бы замурованы души, – сурово ответил Ангел на ходу, – души, которые при жизни не выносили даже мысли о Нём и не могли скрывать раздражения, когда кто-либо в разговоре произносил всесвятое имя Его. Слышишь, слышишь? – шёпотом спросил Ангел.

И я снова услышал стон и скрежет зубовой. И ещё почувал исходящий какой-то мёртвый дух из стен.

– Не думать же о Нём здесь невозможно, – добавил проводник, – только многие не показывают вид, что думают, одни из страха, другие из гордыни. Но имя произносить запрещено. Хотя, откровенно говоря, всё это та же бесовская насмешливая выдумка, выдаваемая за реальность.

Заметил я, что на лестничных площадках перед той или иной дверью испытываю те или иные чувства. Так, перед четвёртой голова у меня закружилась, точно у пьяного, а потом затошнило. Но пока бежали до следующей, всё прошло. Однако у пятой накатилась какая-то отупляющая тоска и безразличие. Тем не менее скоро и это прошло.

После очередного пролёта на лестничной площадке у раскрытой настежь двери Ангел остановился.

– Что там? – с тревогой спросил я, прикрываясь рукой, как от электро-сварки.

– Хочешь взглянуть? – с еле заметной грустной улыбкой поинтересовался Ангел. – Подойди. Только крепче держись за притолоки дверей.

Приставив ладонь козырьком ко лбу, я заглянул в проём и невольно отшатнулся: сразу за порогом начиналась бездна. Выходит, мы шли-бежали по какому-то навесному тоннелю-мосту? Такие переходы-галереи, что-то наподобие, делаются в административных зданиях, соединяя одно с другим.

– Совершенно верно, – прочитал мои мысли Ангел. – Только это сплошной переход сквозь мнимую внутренность Земли.

– Теория полой Земли? – удивился я.

– Ну, что-то вроде того, – неохотно ответил спутник. – Впрочем, повторяю, это всего лишь жалкое подобие того, что есть в действительности. Тем не менее «мост» сей держится, точнее, подпирается энергией страдающих под ним душ. Так гляди же... – чуть подтолкнул меня к проёму.

Но я невольно упёрся в притолоки обеими руками.

– Я боюсь высоты, Ангеле, – еле выговорил я.

– Прелюбодействовать не боялся, а взглянуть с необозримой вышины на страну, которая ждёт всех вас, развратников и сластолюбцев, струсил? Имей в виду, что это всего лишь репетиция, – с суровой насмешкой сказал проводник.

И я почувствовал, как поверх господствовавшего страха накатывает стыд... Однако и мужская гордость, и что-то ещё едко неприятное тоже стали охватывать душу и вот уже повлекли через силу, сантиметр за сантиметром к проёму, и чем ближе, тем нестерпимее чувствовалось сладострастное, отчаянное до слёз любопытство: что там?! Уцепившись за притолоки так, что пальцы оказались снаружи и загорелись от адского сине-ледяного огня, я ступил на порог над бездной с таким чувством, точно хотел выпрыгнуть, как парашютист с самолёта, – меня и в самом деле нестерпимо потянуло вниз... Но Ангел крепко ухватил меня сзади, сам заглядывая в бездну через моё плечо. За проёмом свистели вихри.

– Смотри! Смотри! – говорил мне на ухо Ангел.

А внизу, далеко-далеко, клубились-змеились лиловые дымы-туманы. И это была страшная, захватывающая, манящая к себе красота, и, кроме неё, я больше ничего не видел. Однако Ангел шептал:

– Смотри! Пристальней смотри!

И мало-помалу я стал различать в тех чудных туманах какие-то неясные, дымные тени. Они скользили, извивались, сталкивались и отшатывались друг от друга...

– Зорче, зорче смотри! – слышало ухо моей души.

И вот уже тени-дымы стали превращаться в людей... О, Боже, какая тоска на их лицах! При мысленном имени Божьем опять неземная дрожь прошла по тоннелю, и Ангел отдёргнул меня от бездны и торопливо прикрыл дверь. В какой-то неопишуемой тоске я обессиленно присел на корточки на лестничной площадке.

– Кто они? – спросил я, кивнув туда, где видел несчастные лица.

– Всё это голограмма, и не более, – устало ответил Ангел. – Но какова задумка! – восторженно-сурово стал пояснять: – Это те, кто не нашёл своей половины на Земле. Не нашёл и отчаялся, замкнул своё сердце неверием в любовь. А это – хула, ибо в обители Его много и много прекрасных душ, и всякому найдётся равная и родная. О, если бы они верили до последней минуты жизни, и на последней им было бы дано! А ниже этих, – продолжал Ангел, – в лиловом узилище, возле чёрно-огненного сердца Земли находятся те, кто нашёл родную душу, но потерял. Потерял по вине ли своей или, как библейский муж, по Провидению для испытания. Но тот, библейский, верил в Милосердие, хотя с горя и бунтовал, и всё ему вернулось: и жена, и дети, и всё, что он любил. Потерявшим же свою половину в земных испытаниях и отчаявшимся найти утраченное – им ещё горше, чем изменникам, гордецам и обидчикам, при жизни, однако, простившим друг друга и не разлучившимся. Ибо здесь единые прежде дух и душа человека размыкаются, подобно тому, как разводятся муж и жена в судебном порядке, как душа с телом на смертном одре, размыкаются и испытываются силой любовного влечения и количеством свершённых друг против друга злодеяний. Разъятых, их вводят с разных сторон во мгlistо-лиловый лабиринт, где задача одна: найти друг друга и воссоединиться. Кстати, прелюбопытная выдумка, не правда ли? – в голосе Ангела скользнула усмешка. – Дело в том, – продолжал он, – что у любившего, хотя и преступного человека, дух и душа влекомы друг к другу силой любви, которая связует их невидимой нитью, по которой они и идут навстречу друг другу, и чем сильнее любовь, тем крепче и осязательнее нить. Но в лабиринте их поджидают огненные колодцы-провалы. Это символы прижизненных соблазнов, ошибок и злодейств любящих душ: чем больше их было, тем чаще, коварнее и глубже ловушки, попав в которые мужская или женская половина

цельной души горит, пока не подаст руку другая половина. Женщине-душе опаснее оступиться, потому что она горит быстрее и в одиночестве сгорает дотла. Дух-мужчина вечен. Но оставшийся без своей половины, он обречён на долгие, если не вечные муки. Случается, при встрече оба попадают в одну ловушку, тогда душа, объятая духом, горит, не сгорая, и вместе горят они вечно. Но могут спастись. Таков смысл задуманного демонами развлеченья. Остроумно. По правде, это уже пахнет творчеством, а не хилым подражанием.

– И в похвалу добавлю, – продолжал, причём вроде как искренно, Ангел, – самое страшное грозит здесь тем, кто никогда-никогда не любил, ни дня, ни ночи, ни часа, ни мига не пылал любовным жаром и ознобом. Им-то здесь мука неизбывная, так как разъятые дух и душа никогда, во веки вечные уже не найдут себя и не воссоединятся, разве что по великой милости на Страшном Суде. Впрочем, если жила и осталась на земле хоть одна душа, любившая не любивших её, предавших, оскорбивших, обидевших, отвергнувших её, любящую, то возможно тоже спасение: муж спасётся любящей женою, жена – верным и праведным мужем, любовник любовницей... Да, да, и у этих, последних, есть шанс на спасение, но прежде будут гореть.

– Ангеле, – с трепетом спросил я, рукой закрываясь от неистового свечения сквозь щель из приоткрытой двери под номером семнадцать, – Ангеле, у меня в груди, вот тут, – с болью на лице показал я под сердце, – как будто кто зубами грызёт – что это?

– Это совесть, брат, – с суровым сочувствием пояснил Ангел. – Совесть и страх. Тут они не как на земле – грызут, но не утешают. Я же тебе сказал, ты сейчас бестелесен, беззащитен, гол как сокол без кожаных риз-то. Терпи, как-нибудь выберемся, опять воссоединишься. Ну, давай поторапливаться.

Ангел молча приказным жестом кивнул: вперёд, вперёд, не останавливайся. И, не глядя, проскочил мимо приоткрытой двери, откуда клубился едкий, зеленовато-жёлтый дым. Смерд стоял такой, что, казалось, достигал рецепторов обоняния сквозь глаза и уши. Ангел побежал, я за ним, успев различить на двери цифру «XVIII». Когда удалились на приличное расстояние и запах почти рассеялся, Ангел приостановился и произнёс:

– Содомиты.

– Что? – не понял я.

– Содомские грехи там истязуются. Хотя и виртуально.

– А, вон оно что, – поморщился я и как бы чуть-чуть усмехнулся. – Я, Ангеле, насчёт женщин грешен, а с этими...

– Не зарекайся и не кривись, – сурово перебил Ангел. – Блудные помыслы и деяния при соответствующих обстоятельствах легко переходят одни в другие, потому что суть их одна – рысье-звериное сладострастье.

– А я думаю, вы не правы, – упорно, уже с долей обиды, как будто Ангел в чём таком заподозрил меня, возразил я, – одно дело с женщиной, а другое...

– Если закупорить основные органы телесных чувств, – не дав договорить несколько запнувшегося мне, мрачно сказал Ангел, – слух, зрение, осязание и так далее, то окажется без разницы: женщина с тобой совокупляется или мужчина.

– Ну, так это если без чувств, – не сдавался я.

– А мало ли вольно или невольно люди теряют телесные чувства?

– Это как?

– Вино, наркотики, внушение, колдовство; или бывает притупление стыда при сверхчувственном желании, когда долго отсутствует партнёр противоположного пола и плоть разгорается адским пламенем, умело поджигаемая духами злости воздействием на любовные соки; мода, наконец, во времена сексуальных революций и реформ; извращённый вкус, природная склонность, наследуемая до седьмого колена от падших предков, – всё это и закупоривает не только телесные, но и духовные органы. Так что повторяю: зарекалась свинья от грязи...

– Ну, не знаю, – ворчливо не согласился я.

А Ангел, ускоряя шаг, уже сочувственно продолжал на ходу:

– Эх вы, люди! Насмотрелся я на вас! Иные вроде и Бога исповедуют, но повелений Его, заповедей Его и знать не хотят. А разве Он отменил их? Поэтому устал я, Кауров, глядя на вас, с души воротит. Все вы, за редким исключением, блудники и сластолюбцы. Поэтому мытарям, – кивнул в сторону стенки тоннеля, где располагались двери, – по части сбора блудных налогов очень вольготно. Самые, х-мы, доходные места. Понятное дело, тут у них и конкуренция, и блат, и кумовство. Всё как у людей. Но самых талантливых отбирают в особые школы, где их там всяческим штучкам обучают. А потом эти inferнальные резиденты внедряют, например, в умы ваших государственных умников сомнительные идеи под благовидными вывесками типа «планирование семьи», «безопасный секс» и так далее. А уж умники на то и умники, чтобы разнести духовную заразу во все стороны. Ну а потом всех вместе – и их, и учителей, и деток, и вас, родителей, недоглядевших за детками, – всех сюда, в смрад и зловоние, где одним только муринам наслаждение, ибо это их естественная среда. А каково нам, ангелам, созерцать ваши муки? Разве у нас нет сердца? Эх, люди, люди!.. В рай проситесь, а сами в ад лезете. Спасаетесь, спасаетесь вас... Устал я.

– А вы в отпуск отпроситесь, – сочувственно посоветовал я.

Ангел же сердито проворчал, ускоряя шаг:

– У нас нет отпусков. Будь у нас отпуска, вас бесы давно бы уж с лица земли смели.

– А то и правда, – поддакнул я то ли в задумчивости, а скорее в каком-то внезапном осмыслении чего-то важного.

Да, да, на память мне пришло одно странное воспоминание, свидетельствующее о чудесном.

– Ангеле, – сказал я, легко опять поспевая за своим проводником, – со мной однажды вот что произошло...

– Не здесь, не здесь, – не дал мне рассказать историю Ангел, ещё быстрее ускоряя шаг, – в нейтральной зоне расскажешь. Чудится мне, догоняют нас.

И оба мы пустились что есть духу, семимильными, казалось, шагами – одна нога здесь, другая там. Думать было некогда. Тем не менее одна мысль как заноза торчала в уме: мысль, что я, Илья Кауров, ни жив ни мёртв, ни то ни сё – да как же это так? А выходит, вот так.

Продолжение следует.

**Наталья
БЕЛОЕДОВА**

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

Окно в автобусе подобно
отражению.
Зеркало, в котором пассажиры,
облака, залитые алым,
деревья с белыми стволами,
узоры от мороза,
меняющиеся каждый километр.
Тонкая грань между здесь и там.
До и после.
Было и будет.

Голос – твой первый рабочий инструмент.
Тело – второй.
Ещё есть дух.
Но он не относится к инструментам.
Он дирижёр,
который взмахивает палочкой –
и всё начинает вращаться, перемещаться, жить.
Ну так вот,
твой дирижёр обладает неимоверной красотой.
Когда он улыбается –
Свет отвечает ему.

Человек без лица
Лечится.
Пьёт микстуры, принимает лекарства.
На ночь натирается бальзамами,
Мазями.
– Нет авторства, – говорит.
Нет носа, глаз, рта.

-
- Наталья Анатольевна Белоедова родилась и живёт в Ташкенте (Узбекистан). Окончила Ташкентский государственный университет по специальности «Русская филология». Участница международных форумов и семинаров молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Липки» фонда СЭИП. Стихи публиковались в журналах «Юность», «Сибирские огни», «Простокваша», «Жирафовый свет», а также на портале «Белый Мамонт» и др.

Того, что, как правило, отличает.
(Простуда, чёрт её подери.)
Никто этого не замечает –
Все регулярно теряют лица.
Человек отчаивается, злится,
Надеется
Однажды проснуться с лицом.

иногда я ни слова не слышу
и тогда накатывает на меня большая вода
великим отчаянием
но потом
когда волна отступает
слышится крик чаек
видится край солнца
и стих льётся

Голова плывёт
Плывут
Авто
Дом
Река
Река забирает меня
Слегка крутит
Слегка вертит
Верьте
Так написано на остановке
Начинаю верить
Но мне неловко
Что все стоят
А я подводная лодка
Плыву!

МЕТРО

Телевизор кричит так
Как не кричит дома
Раньше тут можно было
Читать
Думать
Говорить со знакомыми
Слушать разговоры студентов
На пары мчащихся
Не слушать мам
На детей кричащих
Теперь нет
Сиди себе
Смотри телевизор

Приеду на пару часов, поболтаем.
Потому что молчание съест нас
в конце концов.
Если по парам не будем,
по одному –
наполняю воздухом лодку,
плыву.

Мы ехали в вагоне шесть часов,
и женщина беззвучная сидела.
А я спала, пила, читала, ела,
читала. А потом опять спала.
Она смотрела вдумчиво в окно,
и взгляд её был полон и печален.
И можно было предложить ей чаю,
но не хотелось прерывать её.
Мне не хотелось прерывать себя.
Её – себя.
Всё стало равнозначным.
Всё стало узнаваемым,
прозрачным.
Текло, струилось
в продолжение дня.
Там ветер шевелил густые ели.
Там крупный дождь шумел который час.
Она в окно глядела – я ей верила.
Происходило что-то кроме нас.

**Вероника
БАРАНОВА**

СТАРОЕ ЗЕРКАЛО

В этом доме всегда будут рады любим гостям –
Все и залы, и комнаты щедро откроет дом,
Кроме той. Там темно. Там завешаны окна... Там
Что-то, тканью укрытое, спит беспокойным сном,

И на раме дыхание сонных слов
То и дело колышет седой покров –
Летней ночью на нём серебрится снег...
Это старое зеркало на стене.

Было время – в полосках лучей танцевала пыль
В этой комнате чуть веселей, чем в других сейчас,
И сияли светлее, чем сказка, живей, чем быть,
Серебристые блики в рассветной лазури глаз.

Строки новые, звуки миров древней –
Всё цвело, и играло, и пело в ней,
И ловила холодная грани синь
Целый мир, для зеркальных чужой глубин.

Было место для песен и снов – каждый день других,
Ведь не верить же в мир, что недвижим всегда и нем?..
За порогом однажды угасли её шаги,
Только эхо шагов не погасишь уже ничем,

Не задушишь бесплотных больных речей,
Не удержишь за тканью в ночи лучей...
Что ж, смотри, раз чужих не боишься ран –
Но не пробуй искать под покровом грань.

-
- Вероника Владимировна Баранова родилась в 2000 году в Петровске. Окончила санаторную школу-интернат г. Петровска и детскую школу искусств им. Кнушевицкого. Учится на втором курсе Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Чернышевского. Стихи пишет с 2013 года. Публиковалась в местной газете «Петровские вести» и в сборниках, изданных по результатам конкурсов («Зелёный листок», 2017, «Горю поэзии огнём» 2018).

Ты давно ощущаешь над сетью земных дорог
Птичий прищур, что сразу и зорок, и однобок.
Это вечность – заманчивей света её оскал,
И острее изумрудно-белёсых отвесных скал,
И изменчивей моря... Но, боги, зачем печаль
Обо всём так двурого убийственна по ночам?
Ночью мысли твои – письма в ободке кольца:
Либо – пёс кузнеца, либо – сын своего отца,
Либо – детям отец, либо – в дрожи любой струны
Навсегда одинокий защитник своей страны
Так решай же, спеши! После, что бы ты ни решил –
Либо вечность сомненья сотрёт из твоей души
Так, что весь – до последнего камня – спрямится путь,
Либо тихо зелёной земли ты обнимешь грудь
Много позже, а память людей потечёт, рябя,
Без сомнений твоих и без слабости – без тебя.
Ты решай, а потом – это дело балладной лжи:
Что не надо – забудут; запомнят – как заслужил.
Вечность всё переставит местами, сложив рассказ –
Если только со скуки и подлости не предаст.
Так решай же, пока не зазорно решать, пока
Груз дrevка рокового готова принять рука;
Или ты не готов – и не бросишься в бой стремглав,
И с прошедшим, и с будущим кровную связь порвав?..
Мысли сонно густеют и тянут ко дну, во тьму.
Сказки учат чему-то, но кто бы сказал – чему?
В них зачем-то сложнее – и проще идти на свет
Одинокого глаза судьбы по сплетенью бед..
Неподвижна земля, и спокойно шумит прибой,
Крепко держится небо ночное над головой,
И в разгаре сражение главное той войны,
Что для прочих продлится с Самайна и до весны.

ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА

Он гас в тени осенней, нас маня
Назад, к виденьям нашим –
Последний отблеск пламенного дня
На дне пьянящей чаши.
Цвела в ночи сверчащая свеча,
Смыкались веки сами..
Ещё никто не замечал меча,
Лежащего меж нами.

Зверь лечил свои раны горчащей травой
При ослепшей луне, там, где стон или вой
Ни земля не услышит, ни небо,
Средь колючих ветвей, листьев, острых, как сталь,

Хрупких ягод прозрачные капли искал,
Напоённые болью целебной.

А за каменной речкой, в звенящей дали,
Над лесными озёрами звёзды цвели
(И не падали – что им поверья...),
Удивлённо таращась, в зелёной ночи
Снова звали и ждали кого-то сычи,
Распушая мохнатые перья.

Пауки кропотливо плели кружева –
На рассвете сама заблестит синева
В росах пойманных – высю небесной,
Но пока не затеплится утро опять,
Песню ночи никто не посмеет прервать –
Что печальней оборванной песни?..

Зверь лечил свои раны в холодном краю,
Где живых не бывает, где воду не пьют
Даже змеи, жуки или мыши.
И кипящая ядом звериная кровь
Через горло рвалась... вместе с песней без слов –
Той, что вовсе никто не услышит.

ВЬЮН

Листьев холодное, острое пламя,
Стебля змеистый шов...
Этот побег не гордится цветами
И не даёт плодов.
Вымыслов гибельных чуткие петли,
Косы, жгуты, узлы –
Лезут побегу – поверишь ли, нет ли –
Дики, колючи, злы,
Всюду, не прячься от ветров и взглядов,
В чащах, горах, степях
Вьются бессовестно, помня, что рядом
Зёрна в колосьях спят.
Знать бы, откуда ползут они к свету –
Да и зачем ползти,
Нагло вплетаясь в цветущие ветки
И в не свои пути?..
Небо остынет, опустится стужа –
Он серебром проshit,
Намертво вмёрзнет сплетеньем кольчужным
В тех, кто всего лишь спит.
Ради чего, из какого расчёта
Рвался с земного дна?..
Судеб извивы – не наша забота
И не его вина.

Как бы нити в руках у судьбы ни вились,
Даже птицы всегда возвращаются вниз –
И, не смея законов житья отрицать,
На последнем витке временного кольца
После сотен полётов и скольких-то лет
Жмутся грудью истрёпанной к тёплой земле,
Чтобы в эти объятия навеки врасти...
Но под светом луны есть иные пути.

Птицы, небом больные, встречаются здесь,
Чей уют – это мороси мёрзлая взвесь,
Чей покой – это ветров ночных голоса,
Чья последняя радость – обнять небеса.
Не для неба ли воздух от песни дрожит,
Не для неба ли вдруг зарождается жизнь
По весне в полусне и незрячей возне?
Больно думать, что нет. Страшно верить, что нет!
И поэтому – выше, навстречу ему!
Небо любит, иначе – скажи, почему
Так не хочет из снов этот свет исчезать,
Ставший первым в открытых когда-то глазах?
Небо любит, иначе – зачем так зовёт
Снова – в каждый, и громче – в последний полёт?
Небо близко, ты крылья расправь – и прижмись...
Только птицы всегда возвращаются вниз.

Да, быть может, и стоит сменить навсегда
Призрак цели на честную серость гнезда,
Ложь надежды – на правду пустее кости...
Если встретишь в пути – умоляю, прости
Птицу, небом больную, за всю её боль,
Нитям спряденным виться, как вьются, позволь –
Но невидимых тихих крылатых моли
Подарить ей объятия раньше земли.

ПОСЛЕДНЯЯ КАНСОНА

По грани страшной глубины,
Где бездна – в обе стороны,
Где вязки мёртвые вьюны
И всё трудней идти,
Во сне, в ознобе и в бреду,
Как по расколотому льду,
Бреду – и безнадёжно жду,
Что ты – в конце пути.

В бреду, в ознобе и во сне
По настороженной струне –
И чем незримей, тем больней
Живое режет грань...

Бессильны те, кто ждут в раю:
Лишь ты смиряешь боль мою –
Но я тебе и на краю
Не дам коснуться ран.

Я сам виновен: я зову,
Молясь тебе как божеству,
Не веря встречам наяву –
Боясь безумно встреч, –
В сети дорог, в петле тревог
Не слышал я, в какой из строк
Сухой молитвы шепоток
Убил живую речь.

Играет грань и жжёт – дотла...
Я гимны пел – но ты ждала
Простого близкого тепла,
А не молитв и жертв.
Но пусть я ныне отлучён,
Как за утихшей болью – сон,
В холодной мгле чужих имён
Одно твоё – мой свет.

Бродит ветер, скуля, словно старый простывший пёс,
Лижет лёд у дороги и жмётся к чужим дверям.
Чей-то ангел-хранитель, должно быть, уже замёрз,
Наблюдая с карниза за ходом житейских драм.

Здравствуй, трижды залатанный, рыжий ночной уют:
С воркованием чайника, с горечью миндаля...
Говорят, будто ангелы вовсе не устают –
Что же, люди о чём не расскажут забавы для.

Ветер ловит осколки затверженных встарь молитв,
Безупречных, как морем разглаженное стекло...
Чем-то вечно рассерженный чайник уже кипит,
Бормоча, как со мной ему в жизни не повезло.

Ты не слушай. Мой чайник – несноснейший человек:
Всё ему бы чихать и на всех наводить печаль...
Заходи же – и стряхивай с крыльев налипший снег.
Сколько сахара любят пернатые сыпать в чай?

**Григорий
Большунов**

ДОЖИВУ ДО ВЕСНЫ

РОВЕСНИКАМ

Мы вырастали без отцов,
Они остались на войне.
Лишь в чёрной рамке на стене
Я видел батино лицо,
Ещё немножечко из снов.
Пишу сейчас – и больно:
В России – пол-России вдов,
А нас в два раза больше.
Мы вырастали непокорными –
Душой поэты, моряки..
И были коридоры школьные
Для нас мучительно узки.
Страна залечивала раны,
На стройках не хватало рук,
И уходили капитаны
Не в море – юнгами, а в РУ*.
Мы промышляли по базарам
(Какой был сладкий в детстве жмых!),
И спекулянты нас недаром
Боялись больше постовых.
А если так хотелось плакать,
Вставал вдруг батя под огнём,
И потому, наверно, в драках
Меня считали королём.
Вот и сейчас кричат: «Раскайся!»
Но слышу батино: «Держись!..»
От нас учителя отказывались,
Но не отказывалась жизнь.

* РУ – ремесленное училище.

-
- Григорий Владимирович Большунов родился в 1944 году. Окончил Саратовский геологоразведочный техникум, служил в армии. В 1967 году поступил в Кустанайский педагогический институт. В составе студенческого стройотряда в 1969 году побывал на Колыме. В 1972 году переехал туда жить. Работал тренером, корреспондентом газеты, строителем. На родину, в Хвалынский, вернулся только в 2003 году. Печатался в журналах: «Простор», «Дальний Восток», «Сибирь», «Волга–XXI век».

ЭТОТ ДЕНЬ

Тем, кому в этот день
Было не до речей и парадов,
И звенело в ушах
Не от маршей – снарядов и пуль,
И – «Ни шагу назад!»,
И усталые лица комбатов,
И солдатских «сто грамм»,
Чтоб стучал коченеющий пуль.
Для кого этот день
Так и умер
Под вражеским танком,
Для кого этот день
Навсегда заметала пурга...
Для кого этот день
Оказался последней атакой,
Для кого наша жизнь
Умещалась в «четыре шага».
Тем, кому в этот день
Не надеть боевые награды
И за праздничной стопкой
Шершавой ладонью своей
Не погладить жену,
Не окинуть улыбчивым взглядом
Небоглазых внучат
И рабочую стать сыновей.
Тем, кому в этот день
Не шагать в наших светлых колоннах
И не пить за Победу
Румяное наше вино,
Говорим: «Никогда
Не ославим мы Ваши знамёна,
Как и Вы под Москвою –
Священное Бородино.
Так что, если придётся,
Надейтесь на нас, ветераны.
Как и вы, не уроним
Мы славы Отчизны своей.
За ваш снег на висках,
За друзей, что погибли так рано,
И за вашу «Землянку»,
Чтоб памяти стало теплей».

Без вести пропавшие
Числятся в живых...
Где вы, затерявшиеся
В далях фронтовых?
Где вы возвышаетесь,
Над какой землёй,

К милым возвращаясь
По ночам домой?
Где же вы, пропавшие?..
Кончилась война,
В сундучках мамашиних
Ждут вас ордена.
Фото довоенные –
Образами нам,
Ваши вдовы верные
Ждут вас по ночам.
Ваши внуки дедами
Величают вас,
Ну скажите, где же вы,
Где же вы сейчас?!
Никаким Освенцимам
Не вселить в вас смерть,
Ваши лица светлые
Годам не стереть.
Где вы, честно павшие?
Сколько вас в России?..
Без вести пропавшие...
Навсегда живые.

ОТПУСК В ДЕТСТВО

Куплю велосипед
в районном центре.
Свечу поставлю,
как просила мать,
за упокой.
В забытой Богом церкви
перекрещусь украдкой.
И опять
помчусь я напрямик
по бездорожью,
вброд через речку,
с великом в руке,
как в детстве,
хоть асфальт давно проложен,
и некуда спешить, и дом заложен,
и вымокнут продукты в рюкзаке.
Гнилая банька – всё моё наследство,
последнее чистилище, приют.
Да холмик на юру,
да небо детства –
всё то, что просто
Родиной зовут.

Артём
попов

ТЕРПЕЛИВИЦА

Я последний из родных видел бабушку Дусю живой. Накануне её положили в городскую больницу, и я после работы пришёл на свидание. Медсестра показала на двухместную палату рядом с постом. Открыл дверь – и не узнал, где же моя бабушка: похудела за два дня – одна кожа осталась, нос вздёрнулся. Она дышала тяжело, тонкое больничное одеяло часто поднималось на груди.

– Бабушка, как ты? – расстроился и не знал, что спросить.

– Иди, иди домой! – стала торопить меня.

Каждое слово ей давалось с трудом.

Как такое может быть? Ещё вчера в больницу пришла на своих ногах, а сейчас... Попытался уговорить её съесть хоть один из принесённой грозди банан. Не удалось, оставил на тумбочке.

После свидания увидел заместителя главного врача, с которой был знаком, попросил приглядеть за бабушкой.

– Хорошо-хорошо! Завтра на пятиминутке обязательно спрощу у заведующим, – успокоила меня.

Вечером я долго с кем-то занимал пустой болтовнёй домашний телефон – мобильных тогда ещё не было. А в это время из больницы звонила дежурная медсестра, хотела сообщить, что бабушка умирала. Мы могли попрощаться, подержать за руку, сказать самые последние слова...

Не будет мне прощения!

Никогда теперь долго по телефону не говорю.

На следующий день с утра позвонил в редакцию брат – я тогда работал корреспондентом городской газеты. Он и сообщил о бабушке.

Я положил трубку и почему-то продолжил писать: мозг отказывался думать об этом известии. До сих пор помню, о чём была заметка – о бесплатных школьных учебниках.

-
- Артём Васильевич Попов родился в 1980 году в Северодвинске. Окончил филологический факультет ПГУ им. Ломоносова. Работал в городской газете корреспондентом, в настоящее время – пресс-секретарь Совета депутатов Северодвинска. Постоянный участник всероссийских совещаний молодых литераторов в Москве. Публиковался в журналах «Север», «Двина», газете «Литературная Россия». Автор книги рассказов и зарисовок «Счастье прошедшего времени», «Избачиха». Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Живёт в Северодвинске.

Машинально дописал, отнёс редактору.

– Что с тобой? Случилось что?

Я ничего не ответил. Не помню, как вышел на улицу.

Коллега нашла меня на детской площадке недалеко от редакции, с красными от слёз глазами. Рядом радостно галдели малыши, жизнь продолжалась, но уже без одного моего любимого человека.

На прощании я снова не узнал бабушку: чужая старушка лежала в гробу. Этим и утешаю себя: моя бабушка не умерла, она просто куда-то уехала – может, в родную деревню.

Евдокия, Дуся, родилась в деревушке Липовец, затерявшейся на границе Вологодской и Кировской областей. Почему-то мне нравится легенда о том, что деревушку эту основали поляки, скрывавшиеся после Смуты в дебрях непроходимых лесов. И девичья фамилия бабушки заканчивалась на «-ская». Чем не польское окончание?

Эта деревня и в XX веке отличалась: в 1930-е годы здесь уже было электричество благодаря своему движку. Умелые и работающие крестьяне жили в Липовце: у каждого во дворе лошади и по две коровы. Тем хуже оказалось для них – раскулачили большинство... Это был первый удар по деревне.

А потом грянула война. Бабушка встретила её совсем молоденькой, её вместе с такими же юными девушками отправили на Карельский фронт рыть окопы. Как ни расспрашивал я потом, не рассказывала подробностей. Но здоровье тогда подорвала: девчонка – и уже труженик тыла. Она никогда ничего не просила, тем более не требовала, никаких льгот, наград.

Война закончилась, Евдокия вышла замуж за чернявого рослого Капитона, и дали молодые всем своим народившимся друг за другом «робятам» имена на букву «В»: Виталий, Вениамин, Василий. Недолго длилось счастье: муж ушёл к другой, городской, оставив малышей. Помогла их поставить на ноги свекровь, святой человек. Четвёртый сын Евдокии родился от другого мужа, а любимой букве «В» она не изменила – Валентином назвала.

С утра до ночи работала на ферме или в полях, назначили её за ответственность бригадиром.

Второй удар по деревне нанесло укрупнение колхозов. Из Липовца стали уезжать в большие сёла, а то и дальше – в молодые перспективные города. Тяжёл труд на земле – никто не осудит крестьян за желание лучшей доли хотя бы для детей. Обезлюдела деревня, осталось зарастать кладбище, оказались заброшены могилы предков.

Но в городе бабушку снова ждал тяжёлый физический труд – труд дворника. До асфальта убирала снег зимой – так тогда требовали.

Лицо бабушки как сейчас перед глазами: открытое, доброе, светлое. А я снова возвращаюсь в тот страшный день. Не мог не узнать причину смерти. Из редакции отпустили домой, и я направился в больницу. Второй этаж, та самая палата, но уже пустая кровать без матраса, а на тумбочке – мои ярко-жёлтые бананы, к которым бабушка не притронулась... Постучался к заведующему отделением.

– А вы не знали, что у родственницы рак крови? – врач пронзила меня этим словом. – Последняя стадия.

Нет, бабушка, конечно, говорила, что кровь плохая, постоянно пила таблетки, медсёстры приходили к ней на дом делать уколы. Но чтобы рак...

Неужели снова ворвалась в семью болезнь с коротким названием, после которой жизнь ещё короче? Бабушка Саня тоже сгорела от рака...

Ребёнком я старался слушаться бабушку.

– Пошто напокашь делаешь? – тихо говорила она.

«Напокашь» – значит во вред. И мне уже не хотелось баловаться.

Она никогда не повышала голос. А мы... были иногда жестокими.

Советские люди помнят, что такое дефицит. Нельзя было прийти в магазин и купить, например, кухонный гарнитур или в гостиную «стенку». Разве что простенький табурет или стол постоянно пылились в магазинах. За другим приходилось стоять в очередях месяцами, если не годами.

Поскольку бабушка жила рядом с мебельным магазином, ей поручили «доставать «стенки». Сколько времени она ходила так, в любую погоду «отмечаться» к магазину, неизвестно. Но пресловутую «стенку» в гостиную купить мы так и не смогли: то ли её сняли с производства, то ли ещё по какой причине... Мы были обижены и не разговаривали с бабушкой из-за этой дурацкой мебели. Бабушка всё равно приходила к нам в гости, а мы молчали... Господи, как стыдно!

Ещё хуже поступала одна из невесток: когда пил муж, она в сердцах кричала бабушке: «Забирай своего сыночка!». Та молчала, как всегда. Пере-терпеть, всю боль сдержать в себе, не показать, как тяжело на душе. Хоть и не заканчивала бабушка институтов, а воспитание лучше, чем у многих интеллигентов.

Когда папа вдруг задерживался на работе, бабушка нервничала: она не могла усидеть в квартире, спускалась на улицу и ходила туда-обратно по траве. Может, земля придавала ей сил. Почему-то думала про плохое. И я такой: чуть кто задерживается – рисую в голове картины одна страшнее другой.

Бабушка всегда помогала тем внукам, кому поддержка была в тот момент нужнее.

– Вот наши-то ребята сегодня... – хвасталась у нас в гостях.

– А мы что, не «наши»? – обижались.

И она снова молчала.

Потом соседка рассказывала мне, как бабушка звала к себе в гости и включала на всю громкость на кухне радио: я тогда работал ведущим городского радио. Гордо говорила: «Это мой внук выступает!». А я-то дурак...

С годами бабушка не могла уже часто приходиться к нам в гости. Садилась на автобус и долго объезжала кругом район, чтобы не идти пешком. Трость ей уже не помогала, сил оставалось всё меньше. Тогда ей поставили домашний телефон, и она звонила каждый вечер в одно и то же время – когда папа приходил с работы – чтобы спросить, как дела.

– Всё хорошо, мама! Не нужно ли чего купить?

Ей важно было услышать, что у детей и внуков «всё хорошо».

Я приходил в гости – жалею, что редко. Бабушка всегда угощала супом со «звёздочками». Пока ел, она смотрела в окно: с автобусной остановки людские ручейки текли на работу или возвращались домой. О чём думала бабушка? Что вспоминала? Родную деревню, в которой давно не была? Своих ушедших родных?

– Давай посмотрим старые фотографии, – предлагал.

Они уже были давно пересмотрены, но альбом с чёрно-белыми снимками каждый раз завораживал.

– А это кто? А это?

На фотографиях бабушка всегда среди людей.

Вот она совсем молодая, с граблями и огромной копной сена на заднем плане, вот – с сыновьями в одинаковой худенькой одежонке... В конце альбома ворох цветных фото с многочисленными внуками и правнуками. Вся жизнь уместилась в одном альбоме.

Как-то раз она подвела меня к старому шифоньеру с вечно скрипучей дверцей.

– Вот тут в узелке на смерть всё уж собрано, – показала на самую нижнюю полку.

– Бабушка! Не говори об этом!

Она ничего не ответила.

Долго смотрели фотографии, а потом пили чай на кухоньке: у бабушки всегда были припасены свежее печенье и конфеты. Без чая не отпускала домой. И в тот последний поход в больницу она взяла с собой несколько конфеток к чаю...

Как тяжело мне пишется! Жизнь потому что тяжёлая у бабушки была, у всего её поколения.

Бабушка мне никогда не снилась. Только недавно увидел во сне: сидит на высоком красивом троне. Какой трон, откуда?.. Хоть там отдыхает, терпеливица.

Тот старый фотоальбом мы взяли себе: это главное богатство. А ещё у меня сохранились старые советские открытки с днём рождения, подписанные «внуку Артемию», с самыми простыми пожеланиями – здоровья, счастья, успехов в учёбе...

Как-то в детстве мы гуляли с бабушкой по новой улице города.

– Эти сосны и берёзы мы с девками сажали, когда я работала в домоуправлении. Привезли из леса маленькими, такой же высоты, как ты сейчас, – рассказывала.

Не спросил тогда, какие именно деревья она посадила: подошёл бы сейчас, погладил гладкие стволы берёзы или шершавые – сосны. Вымахавшие за эти годы деревья тянут ветви, словно руки, к небу. Они будут ещё долго-долго радовать всех.

**Олег
СЕЛЕДЦОВ**

ВРЕМЕНА ГОДА

ОКТАБРЬ

Этот вечер не знает стыда,
Веселится он, словно диджей.
Он несёт нас с тобою туда,
Где тайфуны из чувств и страстей.

Где кинжал променяли на щит,
Где нет места часам и рублю,
И лишь дождь, что по крыше стучит,
Нам мешает сказать: «Я люблю...»

Наши взгляды уносятся ввысь,
Словно стая испуганных птиц,
Наши веки в объятьях слились
Под надёжным надзором ресниц.

Здесь не будет ни слёз, ни потерь,
Волшебством здесь тебя одарю.
Ты поверь, ты мне губы доверь,
Как доверил я жизнь октябрю.

-
- Олег Валерьевич Селедцов родился в 1967 году в г. Бодайбо Иркутской области. С 1984 по 1985 год работал фрезеровщиком на майкопском заводе «Точрадиомаш». С 1985 по 1988 год служил на боевом корабле Краснознамённого Черноморского флота. Участник знаменитого «Красного тарана» – операции по вытеснению из территориальных вод СССР боевых кораблей ВМС США. В 1991 году с отличием окончил филологический факультет Адыгейского государственного педагогического института. Работал учителем литературы, социальным педагогом, заместителем директора школы по воспитательной работе, редактором, политическим обозревателем, начальником отдела тематического вещания. Автор 8 поэтических сборников и 11 книг прозы. На сегодняшний день имеет более 250 печатных публикаций в журналах «Москва», «Наш современник», «Дружба народов», «Молодая гвардия», «Юность» и многих других. Лауреат Каверинского международного литературного конкурса (2012), Всероссийского конкурса современной прозы имени Ивана Шмелёва, Всероссийского литературного конкурса имени Василия Шукшина «Светлые души», Всероссийского литературного конкурса «На семи холмах», нескольких региональных фестивалей авторской песни и поэзии. Заслуженный работник культуры Республики Адыгея. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Живёт в Краснодаре.

Я ему доверяю, хотя
Реже дарит нам солнце лучи.
А без веры коварный октябрь
От весны нас с тобой отлучит.

Этот вечер не знает стыда,
Веселится он, словно диджей.
Он несёт нас с тобою туда,
Где последнее эхо страстей...

ЯНВАРЬ

На самом дальнем аэровокзале –
Поверьте, в мире где-то есть такой –
На самом дальнем аэровокзале
Царит январский ледяной покой.

Табло разлук в меха снегов одето,
Зал ожиданья ожидает сны,
В которых тают тихо где-то, где-то
Осколки лета и клочки весны.

Здесь всем тепло, здесь каждому по паре,
Сквозь череду неведомых веков
Плывут снега, а репродуктор дарит
Головокружье вальсов и стихов.

А за стеклом, где льды непобедимы,
Где стынут рек замёрзшие усы,
Как отраженье глаз моей любимой,
Горят огни вдоль взлётной полосы.

Их обнажённость мне понять едва ли.
Они горят всё ярче, без стыда.
На самом дальнем аэровокзале
Меня не ждут... а я хочу туда.

У Зимы завьюженной
Лопнуло колесо.
Очень-очень нужен ей
Старенький адресок.

Где-то есть хорошие
Древние мастера,
Но в забвенье брошены
Сиверко и Бора.

Ей Февраль старается
Послужить сгоряча.
Тужится, пытается
Вытянуть «с толкача».

А Зима над городом
Бесится. Хочет жить.
Чтоб на пару с холодом
Властвовать и выжить!

Чтобы льды развешивать
В наших сердцах. Но вдруг
Сыпанул невежливо
Ворох вишнёвых вьюг.

У Зимы отчаянной
Лопнуло колесо.
И гудит печально ей
Старый её клаксон:
«В лесу родилась ёлочка...»

МАЙ

А вот уже и май.
Ну, здравствуй, здравствуй!
Я ждал тебя,
Все эти годы ждал.
Надеюсь, ты сберёг,
Как пастырь паству,
Доверенные мной кораблик и кинжал.

Пластмассовый кинжал.
Я им, бывало,
Нещадно сокрушал
Невидимых врагов.
А кораблю морей
Всё было мало.
И он стремился жить,
Добавив парусов.

Да, смелость не в чести.
А я посмею.
И старость пусть
От ужаса дрожит.
Я красный галстук
Повяжу на шею,
Мой треугольный флаг,
Как кливер на бушприт.

Мелькнёт, гляди-гляди!
Приснилось что ли?
Среди толпы
Знакомый силуэт
Офелии смешной,
Босой Ассоли.
И мир неповторим!
И смерти больше нет!

Мой среброзвёздный май –
Мой пропуск в детство,
Как жаль, что
Скоротечен твой полёт.
Но без твоих зарниц
Мне не согреться.
И сотни лет твой звон
Покоя не даёт.

ЛЕТО

На унылых улицах фонарики зажглись,
Тени городские ждут боёв без правил.
Кто сказал, что лето – это «маленькая жизнь»,
Может быть, ошибся, может, и слукавил.

По волнам бумажные кораблики плывут,
Что однажды в прошлом затерялись где-то.
Досчитать до ста хотел, а ты уж тут как тут.
Я с тобою важным поделюсь секретом.

Кто узнал его, тому уже не стать другим.
Пусть снега резвятся, нам не важно это.
Лето – это пышный праздник жизни, это гимн
Радости сакральной, счастьем, детству, Свету!

На далёких пристанях кораблики нашлись.
Квас шипит в бидоне, дразнит кремом тортик.
Лето – это вечная, не маленькая Жизнь!
Можно мне глоточек, если ты не против...

Андрей ПЕТРОВ,
доктор филологических наук,
почётный работник сферы образования
Российской Федерации
(г. Архангельск)

«Тяга к родной земле»

**Артём Попов «Избачиха»: рассказы и очерки. —
Архангельск: Лоция, 2020. — 224 с.**

«Самые простые люди, живущие своей трудной обычной жизнью», — такими видит своих героев Артём Попов. Это цитата из авторского послесловия с говорящим названием «Мои негромкие герои».

А книга называется «Избачиха». Спросите, что это за слово? Откуда оно взялось? Была такая должность в старой деревне — избач, то есть заведующий избой-читальней, скажем так, библиотеки, агитпункта и дома культуры, вместе взятых. Избачихой дразнили в детстве героиню одноимённого рассказа, давшего название книге. Дразнили, потому что она была дочерью того самого избача, хотя что в этом предосудительного. Ну да, деревня хоть старая, хоть нынешняя легка на прозвища, обидные или доброжелательные — никуда от этого не денешься.

А героиня — она избачиха и есть, поскольку работает сельским библиотекарем. Вот только грозятся закрыть её библиотеку, но она — героиня — никак не может с этим смириться: возит книги и журналы в дальние опустевшие деревни своим немногочисленным читателям. А зовут её Маргарита Ивановна Белова, оказывается, в честь булгаковской Маргариты так назвал её отец-избач (можно пофантазировать, что и фамилия, и отчество тоже не случайны, сродни она Василию Ивановичу Белову).

Ситуация, ставшая уже привычной: «оптимизируют» в современной деревне всё подряд, и людям остаётся жить, не теряя того самого оптимизма, — таков каламбур нынешней жизни. Не сегодня это началось, уходит деревня, и её гибель — острая социальная проблема. Но вот ведь что интересно, наряду с острой социальной проблемой этот рассказ ещё и лирико-романтический, душевный, щемлящий. Видимо, не случайно его необычное название вынес

автор на обложку своей книги, сделав его основным, центральным.

А ещё на обложке — иллюстрация Марии Антоновой. Такой увидела художница героиню рассказа Маргариту: большеглазая женщина, в очках, в кокетливой шапочке, стоит, прижав к груди книги, на фоне занесённой снегами деревеньки, смотрит пронизывающе и в то же время доверчиво на читателя, взявшего в руки эту — такую уютную и тёплую книгу небольшого, карманного формата, легко помещающуюся на ладони.

Открываешь книгу и обнаруживаешь на шмуцтитуле: «100 лет Фёдору Абрамову. 1920–2020». Понимаешь, что эта запись не случайна: автору важно отметить нерядовое событие литературной жизни, поскольку он позиционирует себя — и вполне заслуженно — продолжателем традиций русской деревенской прозы, ярким представителем которой был наш великий земляк Ф. А. Абрамов.

Цитирую авторское послесловие: «*Старшие товарищи критикуют: а что я могу сказать нового после Абрамова, Белова, Распутина? Это они ещё в прошлом веке писали об уходящей деревне. Долгое получается прощание с деревней, и тем оно мучительнее. Но чем больше авторов обращаются к этой теме, тем, уверен, лучше.*

Книга Артёма Попова действительно продолжает лучшие традиции деревенской прозы. В ней и социальные, и нравственные, и экологические проблемы поднимаются. Но в большей степени говорится в ней о самом простом, понятном, обыденном, но отнюдь не второстепенном, ненужном, никчёмном.

Тяга к родной земле, чувство вины за оставленный дом, муки совести, позд-

нее раскаяние, неприкаянность, бездомность, безалаберность. Казалось бы, депрессивность, безысходность, чернуха... Но нет, всё-таки есть в том, о чём и как пишет Артём Попов, что-то обнадеживающее, крепкое, сильное, а главное – светлое, тёплое, душевное, возвышающее. У одной из героинь книги «*глаза сияют тихим и нежным светом*», и вот этот тихий и нежный свет представляется спасением.

Западают в душу пронзительные детали: остов железной кровати на месте пожарища как памятник родному человеку; заброшенный, развалившийся пятистенок, ставший медвежьим домом; ангелы на камнях, вышедшие из-под искусной руки помешавшегося от горя отца погибшего в Чечне солдата...

Старики и подростки, неказистая, нескладная, но всё-таки любовь, чудачки, чудачки, дурики, судьбы ломаные, трудные, жизнь жёсткая, даже жестокая, вдруг какая-то мистика – но такая, скажем, психологического характера. Всё это

можно найти в книге – искренней, открытой, честной.

А какой жизнеутверждающий цикл рассказов «Ещё поживём» со сквозной героиней – шепотливой, говорливой, вездесущей, бескомпромиссной, лёгкой на подъём и склонной к авантюрам бабой Тоней!

А какие трогательные, трепетные автобиографические очерки с галереей колоритных персонажей, показанных через детское, непосредственное восприятие!

К слову, позволю себе не согласиться с автором, настаивающем на строгом делении содержания книги по жанрам: вот рассказы, а вот очерки. По мне, это всё лирико-эпические, исповедальные, предельно откровенные рассказы, и не важно, реальные ли события и имена в них используются. Степень доверия к автору от этого не зависит, автору доверяешь в любом случае, проникаешься его чувствами, живёшь его эмоциями, задумываешься над его мыслями.

Елизавета МАРТЫНОВА

«В диалоге земного с небесным»

Ольга Жогло. *От земли до неба: Стихотворения* – Саратов: ООО «Издательский центр «Новый Проект», 2020. – 40 с.

*Я рисую виньетки на мокром стекле,
Я мечтаю о том, чего нет на Земле...
(...)
Этот мир я пройду не дорогой – мечтой,
Зарисую мелком на бумаге простой...*

Этими строками открывается первая книга Ольги Жогло, автора, публиковавшегося в изданиях: «Цирк: Парад-алле!» (Москва), «PERSONA» (Москва), «Атмосфера» (Москва), «Волга–XXI век», «Нетерпеливые строки», «Поэзия, объединяющая мир...» (Саратов), «Книга мира», «Лирические дружбы», «Другой берег» (Энгельс).

Поэтический сборник Ольги Жогло «От земли до неба» продолжает серию книг «Библиотека современной саратовской поэзии», которая выходит с 2017 года. Это первая книга автора, в которую вклю-

чены стихи, написанные в период с 90-х годов XX века по настоящее время.

Особенностью стихов (и не только стихов) Ольги Жогло является, как бы это ни прозвучало сухо, их популяризаторская составляющая. Ольга Жогло умеет рассказывать о замечательных людях так, что эти стихотворные повествования становятся настоящей лирикой: мы понимаем, что чувствовали герои этих стихотворений, как они жили и творили. Нередко стихотворение становится своеобразным лирическим фотоснимком судьбы – от рождения до смерти.

*Персидские ковры, мудрёные узоры,
Гоненье и триумф – Москва и Туркманчай,
Тифлиссские двory, сиреневые горы...
Прирученный – слегка, женатый –
невзначай.*

*Строптивая судьба сама распишет роли,
Сама наложит грим и выберет костюм,
В её спектакле ты – насмешник поневоле,
Но смех больнее слёз, а с горем*

свыкся ум.

*Как медленная смерть – растраченная
вечность,
Рассыпанных листков невыплеснутый яд...
Что это – вызов? Спесь? Сомнение?
Беспечность?
Начать-оставить-сжечь... Но рифмы –
не горят!*

*Не вспыхнуть, но сгореть. И в сердце
опалённом
Сквозь вьюгу пронести огонь мечты
как дар.
Уйти, не отступив. Войти –
непобеждённым
И шёпотом в молву и пунктом в циркуляр.*

(«Грибоедов»)

Или же это лирическое переживание, основной мотив жизни или главный кульминационный момент её.

Автору замечательно удаётся выявить именно жизненный мотив, то, что руководило человеком в его судьбе, что его вело, будь то художник, артист, певец или лётчик. И, конечно, без огромной эрудиции писателя создание таких стихотворений было бы невозможно – свои знания Ольга Жогло передаёт читателю, но не в чисто информационном виде, а художественно, образно.

В интервью, данном журналу в 2019 году, Ольга Жогло говорит, что не пишет лирику (в том смысле, как её обычно воспринимают: любовную, пейзажную). Но нельзя говорить об отсутствии лирики в этой книге: лирические отступления-вставки её скрепляют, делают цельным произведением.

Сборник Ольги Жогло «От земли до неба» – стихотворный цикл, сложившийся в книгу. Я назвала бы опубликованное в ней лирической поэмой – в ней значительно присутствует автор как человека, который восхищается своими героями. Поэт – восхищённый зритель во вселенной искусства.

*Услышь в диалоге земного
с небесным,
Как может величествен быть человек.*

Её героями становятся Рафаэль и Крамской, Фаринелли, Грибоедов и Лермонтов, братья Запашные, Владимир Гарамов и Олег Попов. Ряд, конечно, интересный в смысле своей неоднородности (сразу возникают вопросы), но напомним о про-

светительской составляющей стихов: для поэта важно рассказать о людях искусства – любого искусства.

Вот стихотворение «Голос Фаринелли»:

*Когда в тиши задумчивых аллей
Впервые голос твой божественный
раздался,
И млея, и чаровал, и разливался,
Собою покоряя, себе и покорялся, –
Свой слух склонил прославленный
Орфей.*

*Тогда услышал он весеннюю капель,
И тихий звон, что от ручьёв и рек
струился,
И тёплый луч, что в небе золотился,
Тогда он понял всё: он первенства
лишился –
И долго каблуком топтал свирель!*

Многое в её стихах идёт от Золотого века, от ориентации на его стилистику.

*...Без сургуча, почтальонов и марок
Нас достигают подарки судьбы.
Весь этот мир – это только подарок.
Если б – навек.
Если бы – впрок.
Если бы...*

Такое «родство» делает стихи понятнее неискущённому читателю. Но это же порой делает эти стихи архаичными и одномерными в смысле лексики. Хочется живого слова, без преобладания над ними высоких и привычно-штампованных выражений, живой речи поэта. И эта живая речь появляется, например, в стихотворении, посвящённом Лермонтову – это разговор с ним.

*...И опять неземная сила
Нас укроет под отчий кров...
Ни о чём я Вас не спросила,
Небо родины – выше слов...*

*С неба – дождь, по стеклу стекая
Струйкой крови от горных пуль...
Хорошо бы дожить до мая,
Только как пережить июль!..*

Сказать, что эта – очень хорошая, необычная для нашего города – книга лишена недостатков, было бы неправильно. Многие стихотворения неоправданно длинны. Много можно было бы безболезненно сократить. Есть значительное количество проходных фраз, лишённых образности. Но, в принципе, этот недостаток объясняется тем, что автору важно рассказать историю-судьбу и на какие-то детали стиля он не обращает внимания. В чисто лири-

ческом стихотворении это было бы виднее. Хуже, когда возникают лексические огрехи вроде «атланты царствуют своим античным торсом»; «в заложницах пальцев... пророка? злодея? — Жизнь кончится... и повторится «на бис»; «...и набатом в ушах верещат бубенцы».

Но это, конечно, просто досадные мелочи. Книга (первая книга!) удачная, легко читается, и читателей своих она,

несомненно, найдёт. И ключ к этому успеху в словах Ольги Жогло о себе (в предисловии): «...Не обо всём, что люблю, я пишу стихи. Но всё, о чём я пишу, я люблю! У меня есть кое-какие награды за литературное творчество, но если вам не понравятся мои стихи, вам это будет безразлично, а если понравятся — тогда тем более...»

Елизавета
МАРТЫНОВА

«Всё то, что просто Родиной зовут...»

Григорий Большунов. Вертикаль памяти.
Стихотворения. СПб., Фиарт, 2010. — 165 с.

Я давно обещала написать об этой книге. В прошлом году автор ушёл из жизни. Книга попала мне в руки только сейчас, так что я выполняю обещанное — рассказать о хорошем поэте.

Григорий Большунов неоднократно публиковался в нашем журнале. Когда Григорий Владимирович прислал подборку, сразу обратила внимание на уровень: не уровень районного города или местной литературной студии — передо мной были стихи сложившегося автора. Про таких не говорят: профессиональный поэт. Скорее — поэт от Бога.

Стихи!

*Это когда наедине
С тобою только совесть и бумага.*

Писал он очень естественно. Когда читаешь стихи в этой книге — словно слышишь живую речь. Стихи как будто сразу выливались из души — как исповедь. Это живая устная речь, нет ощущения, что строки написаны — они высказаны.

*Не много надо,
Чтобы стать поэтом,
Чтобы понять
Язык зверей и трав,
И убежать в распахнутое лето,*

*И танцевать с осинкой до утра.
Всего три слова,
Так знакомых с детства —
И все оркестры мира запоют.
Всего три слова,
Выжатых из сердца...
Таких обычных:
«Я тебя люблю».*

У Григория Большунова всегда были три основные темы: родина, война, детство. И, согласитесь, это много, тем более что темы эти решены объёмно, как исповедь души.

*...Помчусь я напрямик
по бездорожью,
вброд через речку,
с великом в руке,
как в детстве,
хоть асфальт давно проложен,
и некуда спешить, и дом заложен,
и вымокнут продукты в рюкзаке.
Гнилая банька — всё моё наследство,
последнее чистилище, приют.
Да холмик на юру,
да небо детства —
всё то, что просто
Родиной зовут.*

В военных стихах нет плохой риторики, фальши (что, к сожалению, часто бывает), в них настоящий пафос. Григорий Большунов пишет о родных и близких ему людях, и его стихотворения становятся своего рода диалогами, разговорами – с отцом, дедом, матерью. И при этом стихотворения его остаются доверительным разговором с читателем.

*...Писал письмо
Ты прямо перед боем,
Пришла же
Похоронная вперёд...*

*В окошко снова
Будут лезть акации,
Дед разматает время-карусель...
Ты в бой ушёл,
Отметив только двадцать...
А мне сегодня, батя, двадцать семь.*

Ясность, простота, устность – не книжность. Редкая чистота. И после каждого стихотворения остаётся ощущение, как будто поговорила с хорошим человеком.

Слава Богу, что есть такая книга – и она бережёт память о поэте. И ещё меня очень порадовало безыскусное предисловие друга Григория Большунова, которое подтверждает мои впечатления.

«Мне хотелось бы немного сказать о моём друге Грише Большунове. Именно он, несмотря на изрядную разницу в возрасте, его старшинство надо мной в годах и в стихах. Я считаю, что суть его и стихов его – искренность и доброта. Жаль, что в наше время такое – всё реже и реже – и в людях, и в поэзии.

Стиль, в котором он пишет, я бы назвал постромантизмом с непрекрашенной правдой. Это не каноническое, но, по-моему, точное определение, и живучий стиль, несмотря на все катаклизмы и передраги.

Многое мог и хотел бы сказать я и об авторе, и о его стихах, но – читайте и судите сами. Буду искренне огорчён, если они оставят вас равнодушными. И так же искренне буду рад, если они согреют ваши души...»

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

**Ольга
Жогло**

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ЦИКЛА «ВЫШЕ СЛОВ»

«СТРИЖИ»

*Авиационной группе
высшего пилотажа 237-го гвардейского
Проскуровского Краснознамённого
орденов Кутузова и Александра Невского
Центра показа авиационной техники (ЦПАТ)
имени И. Н. Кожедуба «Стрижи»,
выступившей на Энгельском военном
аэродроме 21 сентября 2018 года*

Глазами в небо укажи,
И сердце выдохнет: «Стрижи!..»
И Божий мир потонет в суперзвуке,
Он никогда не будет цел,
Пока пронзён шестёркой стрел,
А кто-то говорит, что это – трюки...

Глядят наверх юнец и дед
На истребительный балет,
Железной песне скорости внимая...
Фигуры сизнова в игре!
«Стрижей» встречали в сентябре,
А есть что вспомнить и в начале мая!..

Шесть Божьих стрел – крылатых стрел,
Не знавших, что это «предел»,
В одном геометрическом порядке.
Нет светофоров для шести,
Есть лишь воздушные пути,
Но и они, как водится, негладки.

-
- Ольга Васильевна Жогло родилась в 1975 году в городе Энгельсе Саратовской области. Училась на филологическом факультете СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Пишет стихи, сказки, сценарии, очерки. Автор сборника «Сказки о храбрых витязях, славных богатырях Эдгарде и Аскольде» (2008). Лауреат 1-го Всероссийского конкурса инновационных идей в сфере циркового искусства (Москва, 2010). Победитель городского литературного конкурса «Поэзии все возрасты покорны» (Энгельс, 2013), XI молодёжного литературного конкурса памяти братьев Шнитке (2-е место в номинации «Поэзия»). С 2012 года – ведущая литературно-музыкальной гостиной «Кумиры прошлых лет» в Саратовской областной библиотеке для детей и юношества имени А.С. Пушкина. С 2014 года – сотрудница Музея Саратовского цирка. Живёт в г. Энгельс.

Там, где рукой подать до звёзд,
Где пост служебный – высший пост,
А поле действий – жаждущая бездна...
По чертежам небесных сил:
Один – крылат, другой – бескрыл –
И сетовать на это бесполезно.

Есть только крылья и лазурь –
Защитный свод от гроз и бурь,
И профиль птицы – вместо оберега.
Гудят миры – не слышен крик,
И жизнь, и гибель – только миг
Полёта как в бессмертие побега.

Нас с детства живопись влекла,
Но каждый росчерк – взмах крыла
В растерянность введёт искусствоведа.
Здесь каждый – ас и виртуоз,
Прошили небо шесть полос –
Шесть чётких знаков мастерского следа,

Царапин острых клювов птиц,
Шесть иллюстраций для страниц
Раскрытой голубой небесной книги.
Одна черта – одна судьба,
И кровь, наверно, голуба
У тех, чьё сердце бьётся в этом «МиГе»...

Любой рисует, словно Бог,
Как Леонардо и Ван Гог,
На синем поле – всполохи абстракций
В картину сложены одну,
И разрывает тишину
Отрывистыми репликами раций...

Пусть след на облаке – не шрам,
Штурвал приучен к «штопорам» –
Всегда есть место подвигу в программе.
Когда незримый великан
Раскроет веерно «тюльпан»,
Мир вздрогнет под стальными «лепестками»...

Пространство распласталось ниц
Под яркой стаей юрких птиц,
И облака упали в пропасть круто,
«Стрижам» секунда – тоже стаж!..
Коварен высший пилотаж,
И дольше века тянется минута...

Ещё «петля», ещё вираж –
Внизу читают «Отче наш»,
Но ангелы «Стрижей» не догоняют.

Пусть слабонервные дрожат,
Свои порядки у «стрижат» –
Пилоты скоростям не изменяют.

Воздушный флот – Господень флот,
Синее ситца небосвод
Машинами мы режем, как ножами.
Недаром между всех имён
Наш клин кинжальный заклеимён
По-птичьи, по-небесному: «Стрижами»!

Отчизна кубинских птенцов,
Искусства лётного спецов,
Россия, ты – свободна, ты – крылата.
Вновь чертят в небе пируэт
Герои всех твоих побед –
Твои земные русские ребята!

РУССКИЕ ДЕВОЧКИ

*Памяти девушек-лётчиц 588-го ночного
бомбардировочного авиационного полка (НБАП),
в 1941–1942 годах базировавшегося
на Энгельском военном аэродроме*

Мы – русские девочки, чьи-нибудь дочки,
Нас ждут беспокойные, жаркие ночи,
Когда не сомкнёшь нецелованных век ты –
Мы ночью бомбим боевые объекты.
Себя мы забыли, неловких и робких,
Мы – внучки валькирий в фанерных коробках,
Мы – русские пленницы хлипкой фанеры,
Нас в небе спасает бесстрашие веры.
Из щепок и досточек наши машины,
Нелепа и гибла броня древесины,
Но даже в опилках древесного сора
Девичьи сердца горячее мотора.
Из всех нам положенных видов защиты –
Защита от жизни – могильные плиты,
А так... Только белый цветок парашюта,
Но будет ли для парашюта минута?..
Мы – русские девочки, райские птички,
Оставили дома девчачьи привычки.
Теперь мы не прежние – «соколы», асы,
Мы пулями строчим, как бисером, трассы.
Мы больше не носим ни шляпок, ни шарфов,
Наш «аксессуар» – это наш «Поликарпов»!..
Мы – русские девочки, милые феи,
И немцам от этого только страшнее –
Узнать над собой в смертоносной кабине

Лицо полудетское русской богини.
Хотя для фашистов отныне и впредь мы
Не русские девочки – «русские ведьмы»!
Но ты не гляди на ярлык скороспелый,
Мы – русские девочки, звонкие стрелы.
А бомбы... Всего лишь примета эпохи...
Мы – русские девочки, малые крохи.
И ты не пеняй, что летали мы низко,
Нас сделала выше стрела обелиска.
Мы – русские девочки, слёзки-стрекозки...
Разрезали небо лучом на полоски.
Как бабочек дети – силками, сачками,
Нас ловят «в прицел» световыми пучками,
И если попасться в пучок подгадаешь –
Стреляет зенитка. И ты пропадаешь...
Когда мы сгораем живыми огнями,
Бессильные ангелы плачут над нами.
Мы – русские девочки... Или – герои?
Ты снова про подвиг, а мы – про другое:
Неважно, кого мы и сколько бомбили –
За то и бомбили, что землю любили!
И чтобы не стать ей пылающим адом,
Мы сделали девичьим лётным отрядом.
Мы всё ещё рядом. Мы крылья не сложим.
На призрачную эскадрилью похожим
Курлычущим клином над вами, земляне,
Мы снова сбиваемся в строй «Журавлями».
И вы преклоняете головы кротко...
Мы держим порядок – смотрите, как чётко! –
Готовы со стелы взлететь невесомо,
Как будто бы в Энгельсе с аэродрома.
И нет ни белей, ни отчётливей клина.
С ведомыми снова – Раскова Марина.
И снова смыкаются крылья, и снова
Нас в путь провожает гора Соколова,
И небо зовёт вдохновением долга...
Под крыльями – наша, но мирная Волга,
И небо вокруг – дорогое такое,
Забывшее войны в безбрежном покое.
А дальше, за Волгой, знакомые дали,
И солнце – как отблеск героической медали...
И в гомоне птиц вам услышится снова:
«Мы – русские девочки!..» – клич позывного...

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

**Светлана
ДУРНОВА**

Борис Озёрный

«ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!»

Фронтовой писатель Борис Озёрный

«Победа будет за нами!» – под таким жизнеутверждающим заголовком было опубликовано в газете «Молодой сталинец» 23 июня 1941 года стихотворение саратовского поэта и журналиста Бориса Озёрного (1911–1958).

Он уже тогда, в самом начале войны, предрёк победу нашего народа над фашистскими захватчиками.

*Рука с фукою.
В ногу нога...
Всей силой своей
Мы обрушимся на врага.
Победа будет за нами!*

В этой газете, как и в других областных печатных изданиях – «Сталинские ребята», «Коммунист», – Борис Озёрный активно трудился уже много лет. Последние два года перед войной, 1940-й, 1941-й, работал редактором детского радиовещания в Саратовском облрадиокомитете и был «освобождён от работы в связи с уходом в РККА по мобилизации 9 июля 1941 года» (из справки Облрадиокомитета). Но что такое война, Озёрный уже знал: в 1939 году

- Светлана Борисовна Дурнова – член Союза журналистов России. Главная тема её публикаций – жизнь и творчество саратовских писателей 1940–1950-х годов (составление сборника «Родине. Саратовские писатели-фронтовики о войне», 2015), в том числе саратовского поэта-фронтовика Б. Ф. Озёрного: многочисленные публикации в журнале «Волга–XXI век» 2011–2019 гг., составление сборника к столетию со дня рождения поэта «Избранная лирика» (2011), издание книги «Бессмертие. Стихи и рассказы о войне» (2020), посвящённой 75-летию Великой Победы.

по комсомольскому призыву он вступил добровольцем в лыжный батальон, участвовавший в боях с белофиннами на Карельском перешейке. Под впечатлением от этих боёв им были созданы первые военно-патриотические стихотворения. Некоторые из них публиковались в саратовской молодёжной газете «Молодой сталинец» и газете «Комсомолец» (молодёжный печатный орган Республики немцев Поволжья). Именно в этой газете в марте 1941 года, за три месяца до начала Великой Отечественной войны, увидело свет стихотворение «Госпиталь в Териоках».

*Вспоминая фронтовые дни,
Финские болота и отроги,
Буду нежно в памяти хранить
Госпиталь в местечке Териоки,
Где врачи и сёстры за работой,
Днём и ночью не смыкая глаз,
Материнской ласковой заботой
Окружали каждого из нас.*

И вот – вновь война. Борис Фёдорович Дурнов-Озёрный пошёл на фронт в составе Саратовского отдельного батальона политработников и был послан политуправлением Калининского фронта (Северо-Западное направление) в редакцию газеты «Вперёд за Родину» 22-й армии на должность писателя. Через два года его перевели в газету 6-й гвардейской армии «Боевой натиск».

Выпуск армейской газеты был ежедневным, и Борису Фёдоровичу приходилось много писать, причём в разных жанрах: передовицы и очерки, рассказы и фельетоны, стихи и басни, подтекстовки к сатирическим рисункам, высмеивающим врага. В то же время Борис Озёрный много работает над сборниками очерков о героях армии, пишет ряд рассказов, готовит для издания сборник стихов.

Образ поэта на войне органично раскрывают письма Озёрного домой, в Саратов. Вот что он сообщает о себе 11 марта 1942 года: «В моей жизни особых изменений нет. Был около 1,5 месяца в командировке на передовой линии. На днях были на совещании писателей нашего фронта. С этого совещания приехал с большой творческой зарядкой. На совещании были С. Кирсанов, Г. Санников, Б. Ивантер <...> Сейчас, возвратясь с этого совещания, я начал готовить сборник юмористических рассказов и стихов. Где он будет издаваться – не знаю, но во всяком случае он будет издан в самом недалёком будущем. Некоторые мои вещи из газеты перепечатал «Крокодил».

А 24 апреля того же года он продолжает сообщать о своих творческих планах: «С наступлением весны настроение стало... лучше. Снег стаял <...> Числа 4 мая думаю выехать на фронт, мне надо добыть материал для цикла очерков о сапёре и артиллеристе. Думаю начать готовить книжечку очерков. На днях выходит подготовленная мною книжечка «Огонь по фрицам». Закончил работу над двумя очерками для фронтового сборника. Хочется сделать как можно больше. Жаль только одного, что мало стал работать над стихами <...> Как-то незаметно стал переключаться на прозу».

А вот что он сообщает жене уже в летнем письме, 12 июля того же года: «Получил твоё письмо. Одновременно получил книги. Очень благодарю тебя, дорогая моя. Но книжечек этих так мало, что, раздав их, я сам

не имею ни одного экземпляра. Если тебе нетрудно, вышли мне ещё 10 экземпляров. <...> Книжечка получилась жиденькая, ну да ладно, она дорога мне тем, что вышла в дни Великой Отечественной войны. Сейчас я начинаю готовить новую книгу стихов. <...>

Речь идёт о небольшой книге стихов «С именем вождя» – первом поэтическом сборнике стихов Бориса Озёрного. Она вышла в Саратовском областном государственном издательстве в 1942 году (отв. редактор Е. Трощенко, подп. к печати 28.05.1942, тираж 5000), она была небольшой, насчитывала всего восемь стихов и наглядно – и по форме, и по содержанию – передавала образ времени. На обложке были нарисованы два танка с красными звёздами на башнях, идущие в бой. «Танк в атаке» – называлось одно из стихотворений сборника, пронизанного мотивами «боевой тревоги», клятвы, марша и вместе с тем воспоминаниями.

*Он всё сметал, идя упорно к дотам,
Как богатырь, по выжженным лугам,
И грозно с башен били пулемёты,
Огонь и смерть несущие врагам.*

Работы в армейской газете был непочатый край: *«Сейчас такое горячее время и так надо много работать, что сколько бы ты ни сделал, всё будет мало»*. Потом и сами красноармейцы присылали в редакцию свои сатирические стихи или небольшие рассказы.

В своих письмах с фронта Борис Фёдорович Озёрный предстаёт не только как человек, занятый литературным творчеством в армейской газете, но, в первую очередь, как мужественный, оптимистически настроенный патриот своей родины. Вот выдержка из другого письма к жене, по времени это уже март 1943 года: *«Война ещё идёт и окончится, вероятно, не так скоро. Ещё много нужно сил и энергии, чтобы достойно вынести тяжёлое бремя, свалившееся на наши плечи. Поэтому крепись и помни о том, что, как бы ни было трудно тебе, есть люди, которым в сотни раз трудней: у них нет кровя, хлеба, ничего, кроме немецкого ярма. Они ждут помощи...»*

Большинство писем, присланных с фронта, имело один и тот же обратный адрес: «ППС. 431, редакция газеты «Вперёд за Родину». Именно отсюда он регулярно посылал письма не только родным, но и друзьям. Один из первых адресатов – Иван Москвичёв. Вот как сам Москвичёв вспоминал об этом: *«В годы фронтовые Борис не порывал связи с родным Саратовом, с нашим областным радиокомитетом. Особенно живой стала эта связь в период его работы в редакции фронтовых газет, таких как «Вперёд за Родину». Нередко его корреспонденции и стихи, присланные с фронта, передавались по радио»*.

В личном архиве И. И. Москвичёва сохранились письма Б. Озёрного, оперативно передаваемые работниками радио в эфир. Вот, например, выдержка из письма от 20 февраля 1942 года: *«Скажу о себе кратко: живу кипучей фронтовой жизнью, под музыку артиллерии пишу не только заметки, но и стихи. Последнее стихотворение направляю тебе*

для использования в передаче, а также в редакцию «Коммуниста». Я получил предложение из редакции журнала «Крокодил». Вот я и написал туда. Во втором номере журнала напечатали две мои вещи: «Суд праведный», «История с сапогами». Думаю установить с «Крокодилом» тесную связь...»

В архиве Бориса Озёрного есть ценнейший документ, датированный 1945 годом. Написан он им лично и содержит библиографическую справку о его произведениях, созданных в годы войны и опубликованных в различных сборниках и альманахах. Вот этот документ:

«Библиографический справочник

«Вперёд за Родину». Сборник очерков.

Издание красноармейской газеты «Вперёд за Родину». 1941.

Подборка юмористических стихов в журнале «Крокодил». 1941–1942.

«Огонь по фрицам». Юмористический сборник газеты «Вперёд за Родину». 1942.

«Прямой наводкой». Юмористический сборник изд-ва «Молодая гвардия». 1942.

«Перекур». Юмор. сборник. Воениздат. 1943.

«Ивановский альманах». 1945. Иваново.

Отдельные книги:

«С именем вождя». Сароблиздат. 1942.

За время войны написал свыше 200 стихотворений, рассказов и очерков, подготовлены к печати книга рассказов «Рассказы бывшего солдата» и книга стихов «Рубежи», находящиеся в Саратовском областном издательстве». 1945 г. Б. Озёрный».

Да, именно в конце победного, 1945 года в Саратовском областном издательстве вышла книга стихов Бориса Озёрного «Рубежи» (отв. редактор М. Котов, тираж 5000), она состояла из двух разделов – «Рубежи» и «Письма с фронта» – и свидетельствовала как о расширении поэтических рубежей, возможностей автора – скромного летописца военной эпохи, так и об углублении лиризма поэта.

*Мы возмужали. Стали мыслить строже.
Видали смерть. Познали рай и ад.
Я был на целых десять лет моложе
Всего один лишь год тому назад.*

«Начало пути» Б. Озёрного отметила «Литературная газета». Анатолий Тарасенков писал: «Жизнь дала молодому поэту многообразные тем. Он прошёл войну со всеми её тяжёлыми и крутыми поворотами. Печать достоверности лежит на стихах Бориса Озёрного». Пожелав молодому поэту «чувства меры», Тарасенков проницательно заключил, что у «автора... есть перспектива роста».

Но оружием Бориса Фёдоровича Озёрного в те военные годы было не только перо. С пистолетом и боевым автоматом он не раз принимал участие в боях, ходил с разведчиками за «языком», однажды участвовал в многодневном рейде по вражескому тылу. Незабываемые впечатления от этих событий легли

в основу занимательной, написанной для юношества книги. Первоначально она называлась «Рассказы бывалого солдата», а вышла в 1947 году под заглавием «Рассказы разведчика». В 1952 году было напечатано её новое, расширенное издание. Получилась маленькая «книга бойца», как бы своеобразная «мини-эпопея» Великой Отечественной войны для детей.

Такие книги о героях Великой Отечественной – советских лётчиках, танкистах, разведчиках, партизанах – очень нужны современному юному читателю. Отрадно, что Саратовская областная библиотека для детей и юношества имени А. С. Пушкина ежегодно к 9 Мая, дню Победы, проводит акцию «Читаем детям о войне. Саратовские писатели-фронтовики». В 2015 году к 70-летию Великой Победы детей познакомили с одним из лучших рассказов Б. Ф. Озёрного – «На подступах к Берлину».

Не забудут фронтового писателя Б. Озёрного и в дни празднования 75-летия Великой Победы. Специально к этим памятным дням выходит его книга стихов и рассказов о войне под названием «Бессмертие». Книга адресована молодому поколению, и презентация её обязательно пройдёт в областной детской библиотеке.

Поэтические циклы Бориса Озёрного «Память о войне» и «Письма с фронта» неизменно открывали все его послевоенные книги: «Товарищи», «У крутых берегов», «Огни на стрелках», «Звёзды светят в пути», «Голосом сердца», «Избранная лирика».

*Так пусть, листая наши годы,
Потомок выпишет резцом
Глухие ночи непогоды,
Снег впережку со свинцом.
Пусть этот памятник, сверкая,
Сердечной горестью храним,
Стоит, бои напоминая,
Как назидание живым, –*

писал Б. Ф. Озёрный в поэме «Бессмертие».

Этот завет сохраняет свою актуальность и в наши дни.

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

**Анна
МОРКОВИНА**

ИСТОРИЯ ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА ДУБЕНСКОВА, ЛЁТЧИКА-ШТУРМОВИКА, СКРОМНОГО ГЕРОЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Иван Дубенсков
после войны*

Перед самым Новым годом я прибиралась в квартире, и на глаза мне попала одна фотография, выпавшая из семейного альбома. С неё строго, печально и требовательно смотрел молодой военный в кителе с наградами.

«Володя, кто это?» – обратилась я к мужу, понимая, что это – родственник по его линии. «Не знаю точно, – ответил он, занятый своими делами. – Кажется, брат бабушки». Я перевернула снимок, на обороте прочитала: «Иван Михайлович Дубенсков. Овал, 1981 год». И всё. Ничего не оставалось, как тут же подойти к компьютеру и набрать в поисковой строке: «Дубенсков Иван Михайлович». И, не поверив своим глазам, увидела в Интернете несколько «полезных ссылок». Нажав на верхнюю, я попала на страничку Музея боевой славы 6-го гвардейского штурмового полка, находящегося в московской школе № 167 имени маршала А. А. Говорова. Я оторопела: в группе социальной сети «ВКонтакте» этим музеем было выложено две фотографии военных лет, наградной лист и ещё несколько документов. Среди них – обращение, набранное на пишущей машинке, видимо, ещё в советские годы однополчанами, с просьбой помочь разыскать их боевого товарища Ивана Дубенскова (письмо адресовано в Саратовский облвоенкомат).

-
- Анна Юрьевна Морковина родилась в 1968 году. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (специальность – «Журналистика») в 1990 году и аспирантуру Московского института культуры в 2015 году. Поэт, главный библиотекарь Саратовской областной библиотеки для детей и юношества имени А. С. Пушкина, заведующая Пушкинским сектором. Член Союза журналистов, Ассоциации свободных поэтических объединений (АСПО) Саратовской области, Международной гильдии писателей (МГП).

Я, не задумываясь, написала в комментариях, что это наш родственник и что нам интересно узнать о нём побольше, так как самого его, конечно, уже давно нет в живых. Мне ответила Кристина Сеничкина, несколько лет руководившая школьным музеем, и мы договорились о встрече. Эта встреча (правда, не с Кристиной, а с её преемником Юрием Хусяиновым) состоялась 30 января этого года в Москве.

Чудесный музей, как и сама школа № 167 (она находится на Речном вокзале, на севере столицы), чувствуется, насколько важно для неё патриотическое воспитание ребят, насколько сильны традиции, заложенные ветеранами. Войдя вслед за Юрием в помещение музея, на «иконостасе» – фотогалерее лётчиков – вверху я сразу увидела портрет Володиного двоюродного деда. В гимнастёрке, на фоне самолёта, со звёздочками на погонах.

Но, увы, к тем документам, что выложены москвичами в группе соцсетей, тогда ничего больше добавить мы не смогли, и я вернулась в Саратов и продолжила поиски.

В Интернете сейчас те, кто ищет своих ветеранов (для оформления фотографии в «Бессмертный полк», для составления генеалогического древа), могут узнать, когда и какую награду получил фронтовик. И об Иване Дубенкове имеются скудные строчки: да, награждён орденами Красного Знамени и Красной Звезды, а также орденом Отечественной войны I степени. Эти награды хорошо различимы и на фотографии, имеющейся дома.

Мне очень захотелось найти могилу Ивана Дубенкова, чтобы поклониться, отнести ему цветы от нас, потомков. Но для того, чтобы похоронное бюро указало место захоронения, нужна точная дата, которой у нас не было... И вдруг муж по моей горячей просьбе разыскал в семейном архиве невзрачный, бледный снимок: несколько женщин стоят у могилы, и на обороте написано: «Сорок дней Ивану Михайловичу Дубенкову. Октябрь 1964 года». По этому точному указанию в архиве мне выдали справку о смерти военного, а вслед за ней я узнала, где он был похоронен – на Воскресенском кладбище. Могилу я нашла 9 марта. В оградке два металлических простых креста, на одном – Иван и его отец, Михаил Евсеевич Дубенков, на другом – вероятно, тётя, Ксения Евсеевна». Как замечательно, подумала я, есть куда георгиевскую ленточку повесить...

Меня смутила другая дата – неправильная дата смерти, указанная теми, кто разыскивал нашего лётчика, да, вероятно, плохо: они почему-то считали, что Ивана не стало уже в 1949 году. Ничего себе, похоронили раньше на целых пятнадцать лет! А ведь Иван Михайлович, вернувшись с войны живым, ещё некоторое время преподавал в Саратовском аэроклубе и, вполне возможно, именно тогда, когда в нём учился летать Юрий Гагарин. Дубенков, как мы узнали, был опытным инструктором, ему доверяли новичков.

Уже третий месяц собирая разрозненные факты, я, словно одеяло из лоскутных кусочков, смогла составить вот такую более-менее связную биографию нашего двоюродного дедушки Ивана.

Иван Михайлович Дубенков родился 10 февраля 1919 года в селе Посёлок Черкасского (ныне – Вольского) района Саратовской области. Удалось узнать и современное название этого населённого пункта – посёлок Междуречье, такой саратовский Тигр-и-Евфрат...

В семье было четверо (а может быть, и пятеро) детей: Клавдия, Ольга, Иван и Пётр (по неточным сведениям, ещё и Василиса). Братья и сёстры

дружили, это были простые, отзывчивые люди, которые и примечательны то своими скромными, незлобивыми характерами. По крайней мере, бабушка Клава была такая, а Ольгу я не знала – сужу по её потомкам. Иван Михайлович же умер ещё молодым, в 45 лет, от туберкулёза и ран, полученных на войне. Он был героем.

Не знаю, как пишется слово «герой» – с большой или маленькой буквы. Я вполне грамотный человек, правильно пишу... Но никто и никогда не знает, как называть простого русского воина по имени Иван, без раздумий бросавшегося в бой за Родину, большую и малую. Родина-то точно пишется с заглавной буквы. Так было и будет во все времена.

Из найденной на сайте военной литературы книги Григория Чечельницкого «Шестой гвардейский штурмовой» (М., Воениздат, 1960) я узнала (есть в ней пара строк отдельным абзацем), что до войны Иван учился в Саратовском нефтяном техникуме. В ГАСО (Саратовском областном архиве) нашлись три ветхие тетрадочки из Нефтяного техникума, и в папке с делами студентов по фамилиям на «Д-Л» – пять документов, касающихся Ивана Дубенкова: его заявление с маленькой «форменной» фотографией, с просьбой зачислить его на механическое отделение техникума; аттестат об окончании неполной 26-й школы Саратова; справка о том, что он подрабатывал учеником столяра, и просьба о материальной помощи, т.к. семья большая, отец работает на Крекинге (заводе) и не может всех прокормить. Юноше было на тот момент 15 лет. Глядя на гордое лицо Ивана-военного, представляю, как он стеснялся писать это заявление.

Но стремление двигаться вперёд у него было всегда. Поэтому в 1935 году, поступив в лётную школу (её мне ещё предстоит искать!), он вступил в комсомол, а с 1937 года стал кадровым лётчиком, стал служить в Красной Армии. В 1941 году, с самого начала войны, Иван Михайлович – пилот 6-го гвардейского Московского штурмового авиаполка 3-й воздушной армии, позже – заместитель командира эскадрильи.

Звание немного подросло – от старшего сержанта до гвардии капитана. Невеликий чин, но дело, конечно, не в этом. Было в этом человеке, каким я его представляю, огромное желание сражаться за любимую Родину яростно и до победного конца.

Иван Михайлович и сражался. В 1942 году вступил на фронте в партию. И нещадно бил врагов, несмотря на ранения, полученные в боях. Вернулся с ожогами 2-й степени – и наградами, полученными за фронтовые подвиги.

Вот что написано в наградном листе лётчика-героя: *«На фронтах Отечественной войны тов. Дубенсков показал себя мужественным, бесстрашным и храбрым штурмовиком. В совершенстве владея грозной техникой, он с честью выполнял долг перед Родиной. Штурмовик в его руках – это гроза для фашистов. За период с января 1942 г. по сентябрь 1943 г. он совершил 91 успешный боевой вылет с многогранным выполнением заданий. За 52 успешных боевых вылета, произведённых по ноябрь 1942 г., награждён орденами «Красная Звезда» и «Красное Знамя». После второй правительственной награды с ноября 1942 г. по сентябрь 1943 г. тов. Дубенсков провозвёл 32 успешных боевых вылета. Задания выполняет в сложных метеоусловиях, водит группы и не имеет потерь своих самолётов.*

22.11.43 г., будучи ведущим группы, тов. Дубенсков мастерски нанёс удар по колонне противника, при этом уничтожено три орудия, «ПА», 10 автомашин с боеприпасами, 10 повозок с грузом и прислужкой и до 60 человек солдат и офицеров. 21.07.43 г. атаковал разъезд Ас.. и уничтожил

8 автомашин, сжёг два ж.д. вагона и уничтожил 13 человек живой силы. В период операции по уничтожению противника перед фронтом 39-й армии тов. Дубенсков в день производил по два боевых вылета, выполняя их с высокой эффективностью, за что имеет две благодарности от командующего фронтом. 13.08.43 г., будучи ведущим группы, пробил сильное противодействие огня ЗА и ЗП противника, вышел из атак истребителей противника и поставленную задачу выполнил на «отлично». Группой сбит один самолёт «МЕ-109».

За проявленные мужество и бесстрашие в боях, высокое качество выполнения заданий тов. Дубенсков удостоен высокой правительственной награды – ордена «Красное Знамя».

*Командир 6-го гвардейского Московского ШАП,
гвардии подполковник Заклепа,
начальник штаба 6-го гвардейского
Московского ШАП Чугунов*

31 августа 1943 г.»

Боец, к счастью, вернулся домой, с честью выйдя из страшных испытаний. После войны служил в Саратовском аэроклубе.

Я не слишком разбираюсь в тонкостях военного дела. Но, наверное, не смогла бы так: летать в любую погоду, невзирая на туман, дождь, огонь врага, не боясь разбиться или сгореть. И ни одной потери самолётов! До какой степени надо быть собранным, отказывать себе в человеческих радостях, отдыхе, пока не закончится страшная, кровавая мясорубка войны... Какая жертвенность и простота!

Мало что известно о личной жизни лётчика Ивана Дубенскова. Говорят, жил с семьёй на Дачных остановках в Саратове, воспитывал сына, который тоже стал лётчиком. Почему-то родственные связи с Дубенсковыми были утрачены, и трудно представить, каким он был в быту, как проводил досуг, где отдыхал. Говорят, любил что-то мастерить из дерева...

Я не теряю надежды разыскать потомков Ивана Михайловича Дубенскова, дописать утраченные фрагменты его биографии. Хотелось бы, чтобы и в Вольском районе, в Междуреченской школе современные ребята знали бы о простом человеке по имени Иван, в своё время защищавшем небо над нашей страной, и гордились своим земляком.

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

**Владимир
РОЗОВСКИЙ**

«СУДЬБА ХРАНИЛА НАС...»

Во время написания воспоминания нахлынули на меня, иногда с опозданием. И вот я решил дополнить свой рассказ отдельными эпизодами. Многие события я хорошо помню, но вот их последовательность, даты, названия многие я уже путаю. Пишу всё по памяти.

Хорошо помню своё детство в Карабулаке. Элеватор стоял далеко от станции и посёлка. Около элеватора был один каменный дом. Полдома занимала контора, остальное – наша квартира и комната сторожа и уборщицы (детей у них не было). Рядом с домом начинался большой лес. Летом приезжало много родных – и маминых, и папиных. Иногда спали прямо под окнами на земле.

Много интересного было в Карабулаке. Районный центр (Базарный Карабулак) находился в 7 километрах. Окрестности Карабулака называют «Русской Швейцарией». Там я окончил первые три класса.

Был такой забавный случай. Держали мы свинью, весьма своеобразную – ходила за нами как собачонка, всюду лазила. И вот однажды она пропала. Долго и безрезультатно её искали, даже гадали. К гадалке ходили, она сказала: «Свинья ваша находится в казённом доме». А нашлась она на самом верху элеватора. Залезла по очень трудным ступенькам и упала в конусообразный бункер, застряла в дыре (зерна в элеваторе не было). С большим трудом на верёвках её вытащили.

Когда мы уже жили в Саратове, там был страшный голод. Это и послужило причиной нашего отъезда в чужие места, в Воронежскую область.

-
- Владимир Михайлович Розовский родился в 1921 году в городе Петровске Саратовской области. Обучался в школах Саратова, Базарного Карабулака (Саратовская область), Воронежа, посёлка Таловая (Воронежская область), слободы Владимирская (Астраханская область). Служил в армии с конца 1939-го по май 1946 года. На фронте с 22.06.1941 г. по 9.05.1945 г. В 1951 году окончил химический факультет Саратовского государственного университета. Получил назначение в ОКБ Саратовского завода щелочных аккумуляторов. С 1964 года работал в НИИХИТ – научно-исследовательском институте химических источников тока. В 1966 году защитил диссертацию на степень кандидата технических наук. Имеет более 20 изобретений, значительная часть которых использована в промышленности. Награждён орденами: «Отечественной войны» II степени, Трудового Красного Знамени, медалями: «За победу над Германией», «За оборону Киева», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «100 лет со дня рождения В.И. Ленина», многими юбилейными медалями, нагрудным знаком «Изобретатель СССР».

Таловая – узловая станция и большой районный центр, но школа тогда была только семилетняя. Я закончил там 6-й и 7-й классы. Застройка посёлка оригинальная: в центре большая площадь, круглая, а затем постройки и улицы круговые и ещё прямые улицы от центра к последним линиям. В Таловой по воскресеньям был большой, яркий, интересный базар. Мы, школьники, засадили пустую площадь деревьями, и теперь там большой парк. На окраине за элеватором была речка Сухая Чигла, мост, а далее – прекрасный большой парк, ещё дворянский, половина парка была хорошо окультурена. Во время войны парк, говорят, был сильно вырублен, там близко проходила линия фронта.

Мне Таловая особенно запомнилась приездом туда в 1938 году почти всей маминной родни.

В самом конце 1939 года мама приехала из Таловой в Саратов провожать меня в армию. Я ей был очень благодарен за то, что при прощаниях не плакала, была весёлой, но потом отвела душу. Мама была очень общительным человеком, деятельным, все соседи всегда были её друзьями. Многим помогала. Очень любила читать, читала обычно по ночам. Была религиозной, особенно во время войны и после войны. Была отличным кулинаром, шила.

В 8-м и 9-м классах я учился в Воронеже, жил у родных. 10-й класс закончил в слободе Владимирской Астраханской области.

Окончил школу отличником и пытался поступить на физический факультет Ленинградского политехнического института. Конкурс был – шесть отличников на место. Мне предлагали металлургический, экономический и ещё какой-то факультет, но я отказался.

Год пропал. На следующий год я поступил на химфак Саратовского университета. Жил у Степуховичей. В конце года всех ребят призвали в армию. Шла финская война. Я попал в г. Гайсин Винницкой области, в 309-й ЛАП (легко-артиллерийский полк на конной тяге).

Я стал радистом-разведчиком взвода огневого управления. Занятия шли усиленные, так как готовили к отправке в Финляндию. Но в день отправки был заключён мир. И тут не было бы счастья, да несчастье помогло – я заболел свинкой. Была сильнейшая эпидемия. Долго лечили, и долгим был карантин. Когда я вернулся, то как раз проходила проверка из округа. Я получил двойку. А через несколько дней сформировали команду для отправки в другое место. В команду собрали всех, кто имел взыскания, двойки и пр. Я очень переживал, но мы попали в г. Овруч Житомирской области, где формировалась новая, 273-я автобаза. Жизнь там была совсем другой. Потом я узнал, что во время войны 309-й полк был полностью уничтожен.

Перед войной авиадивизию и нашу базу перебросили в лагерь (плыли на баржах по р. Стырь), которой был очень близко к немцам в Польше. Потом меня и ещё несколько человек отправили назад в Луцк заниматься с приписниками. Их было человек сто, среди них много солидных людей. Они должны были пройти курс молодого бойца. Потом мы (военные) мечтали, что будем жить очень интересно – среди наших учеников были и шеф-повар ресторана, фотограф, парикмахер, шофёр и пр., и пр. Все наперебой приглашали нас к себе.

8 июня 1941 года (воскресенье) мне исполнилось 20 лет. Я сходил в город, сфотографировался, побывал ещё кое-где. В следующее воскресенье (15 июня) забрал фото, разослал их, а в следующее воскресенье (22 июня) началась война. 21-го подготовились к увольнению, строили планы. В 4 утра проснулись от гула. Кто-то кричит: «Закройте окна – гроза!»; кто-то: «На

полигоне учения», и вдруг во дворе бомба как шарахнет. Всех нас ветром сдуло. Бегом на аэродром (2–3 км). Все сто человек под начало передали мне, другие уехали в лагерь.

Почти все лётчики из лагеря приехали в Луцк (кроме дежурной эскадрильи). Я со своей «бригадой-ух» вооружился лопатами, и мы стали закапывать ёмкости с бензином. Мимо часто пролетали немецкие бомбардировщики, и мои ребята, как зайцы, – в пшеницу. С одной стороны аэродром примыкал к полям пшеницы, которая в тот год была густая, высотой под два метра (я заходил, и меня не было видно). Самолёты улетали, и я начинал вылавливать «зайцев», даже стрелял в воздух. Получили сухой паёк, ели, ночевали на аэродроме. Прошло какое-то время (точно не помню, сколько), подъезжает к нам машина, и мне говорят: «Что ты тут делаешь?» Я ответил. «Бросай, – говорят, – своё «стадо», садись с нами и поехали. Мы будем всё взрывать».

Потом я, может быть, так и поступил бы. Но тогда – нет! Я повёл своих к казарме. Все давно уехали в направлении на Ровно. Склады, которые находились там, тоже готовились взрывать. На складах было всё: кожаные, меховые регланы, всякая обувь и т.д., еда всякая. Говорят: бери что хочешь. Я взял два полотенца и немного еды. Обувь менять побоялся. И пошли мы на Ровно. Была страшная жара, колонна растянулась, я бегал взад-вперёд, подгонял, некоторых возвращал. Пили из болот, головастиков выплёвывали. Через несколько дней мы догнали своих, но я привёл лишь 15 человек (остальные разбежались или были убиты).

Самое страшное воспоминание – это вечер и ночь в Ровно. Пришли мы в Ровно к вечеру. Тихий, спокойный, сонный город. Но вдруг прилетела армада немецких бомбардировщиков. Военных в городе было много отступающих, но зениток не было. Творилось что-то жуткое: пожары, убитые, раненые, крики, стоны. Бомбёжка продолжалась долго, но закончилась. А тут новая напасть – кричат: немецкий десант! Началась стрельба, бои. Мы были недалеко от дороги, на возвышении. По нам открыли ураганный огонь трассирующими пулями. Это очень страшно: видишь, как пули летят прямо в тебя. Рядом много убитых, спрятаться негде. Один всё прятал голову, но пуля попала ему в бок. Я на все сто процентов был уверен, что это всё, живым я не останусь. Множество молниеносных мыслей и воспоминаний пронзало мозг. Небо и вся природа вокруг казались такими прекрасными, и думалось: неужели всего этого я больше никогда не увижу? О подобном состоянии я потом читал, но со мной больше такого не было, хотя положения и были аховые. Вся трагедия заключалась в том, что никакого немецкого десанта и не было, а были переодетые в советскую военную форму провокаторы. Стреляли свои друг в друга. Я это понял ещё на бугре – услышал знакомые голоса. Я закричал, но на меня посыпался такой шквал огня!.. Хорошо, что я успел перекатиться в другое место. Под утро порядок навёл капитан-танкист. Он ранил одного провокатора, тот лежал и кричал: «Ой, жити хоч!» Он его добил, обыскал и вытащил кучу разных документов, разные знаки отличия и пр. Капитан был исключительно деловой товарищ. Всех организовал, мы останавливали машины, грузили раненых.

Вспоминается начало войны. Командиром 14-й авиадивизии был полковник Зыканов. Грубый, жёсткий, мелочный человек. Когда он появлялся, все старались куда-нибудь спрятаться. И вот младший лейтенант Кац, сугубо гражданский человек, классный радист, только что присланный в дивизию, однажды шёл, а на другой стороне улицы появился полковник. Кац перешёл улицу, подошёл к полковнику, раскланялся и представился:

«Младший лейтенант Кац, радист». Полковник как заорёт: «Откуда это чудело?! Пять суток ареста!» Потом все падали от смеха.

И вот к этому полковнику неожиданно был назначен заместитель – знаменитый лётчик, генерал-майор, депутат Верховного Совета СССР Лакеев. Он входил в пятёрку асов, которые под командованием Серова по праздникам показывали чудеса фигурного пилотирования над Москвой (Серов – муж знаменитой артистки Валентины Серовой, потом – жены Константина Симонова). Лакеев был небольшого роста, рыжеватый, спокойный и очень вежливый. Последний раз я его видел 23 или 24 июня на аэродроме в Луцке. Он стоял один и долго-долго смотрел куда-то вдаль. Во время войны я ни разу о нём ничего не слышал. Говорили, что прислали его в дивизию за то, что много спорил с высоким начальством.

Может быть, он разделил судьбу своих друзей-начальников. Командующим ВВС СССР был дважды Герой Рогачёв, начальником штаба – дважды Герой Смушкевич. По приказу Берии они были расстреляны в самом начале войны.

Был в дивизии капитан Пиндюков, командир эскадрильи. У него были боевые ордена, своя легковая машина и куча детишек. Однажды он подошёл к нам (красноармейцам) и говорит: «Помогите вытащить из грязи машину с моими «пиндючатами». Мы вытащили, смотрим, а в машине полно ребятишек.

Когда отступали, лучшим лётчикам дали самолёты, но те же И-16 («ишачки»). Они, конечно, «мессерам» уступали. Но вот на один из промежуточных аэродромов прилетел с задания Пиндюков и стал делать над аэродромом фигуры, показывая, сколько он сбил (потом выяснилось, что он сбил бомбардировщик и охранявший его «мессер».

В это же время из-за солнца вышел «мессершмитт-109» (военная кличка «худой»), подкрался к капитану и расстрелял его. На земле увидели опасность, кричали, но ничего уже не смогли сделать. Радио не было, ракеты не помогли.

Это был жуткий удар для всех. Его так любили!

Конец весны 1942 года. Станция Лендратово (райцентр Троицк). Стоим мы здесь уже долго: конец осени, зима, и вот – весна. На нашем направлении относительно тихо. Под Москвой зимой были радостные события. Весной и у нас началось крупное наступление: взяты Харьков, Лазовая, Барвенково... Но наступление стало буксовать (чем это закончилось, я уже писал).

Вот в это время в наш батальон прислали большой отряд призванных служить девушек и молодых женщин. Некоторых оставили у нас, а других отправили довольно далеко. Сопровождать этих девушек («нянчить») поручили мне. Одеты они были во всё гражданское, у каждой мешки, сумки, узлы. Ехать надо было, главным образом, по энгельсской дороге с пересадками. Это значило – не только в пассажирских вагонах, но и на чём придётся. Добирались мы долго, несколько суток. Замучился я с ними жутко. Точно не помню, сколько их было, но много. Был случай, когда половина села на платформу вагона, а поезд тронулся. Пришлось мне их на ходу снимать. Хорошо, товарняк медленно набирал скорость. На вокзалах ночевали, как цыганский табор.

Помню ночь в пассажирском вагоне. Сижу сплю, винтовка между ног (моя, без неё нельзя), на плечах девчачьи головы, на коленях тоже. Захочешь встать – не вылезешь. Народный контроль за мной был ещё тот: стоит мне

куда-то отойти, а ещё пуще – с кем-то отойти, как за мной сразу группа наблюдателей.

Особо мне запомнился последний этап нашего путешествия на открытой платформе. С нами сели ещё два солдата, один из них узбек. И тут я вспомнил, что сегодня у меня день рождения – 21 год.

У узбека была фляга со спиртом, другой солдат подарил мне эмалированный зелёный котелок, внутри белая эмаль (этот котелок я долго хранил; пропал в общежитии университета). И пошло веселье – пели и плясали. Особенно мне понравилось, как пели и плясали «Калинку». Я тогда, пожалуй, первый раз её слышал. Поезд шёл, слышались команды, а в небе происходили воздушные бои (всю эту картину я тоже запомнил).

Этот день рождения я иногда вспоминаю на юбилеях, но лица девчат совсем не помню. Другие дни рождения на войне совсем стёрлись из памяти. И не только на войне. В университете помню только на 1-м курсе.

Как я уже писал, в Троицке мы стояли очень долго. Наш батальон получил пополнение из местных жителей. И в наш взвод пришли два человека – Тимоха Ткаченко (под 50, одышка со свистом) и Дороговоз (мужик средних лет).

С Ткаченко случилась забавная история (для нас забавная). Мы уже были в Польше. Получает Тимоха письмо из дома – не письмо, а бомба. Жена и сын (мы их хорошо знали) дают ему страшный разгром за то, что он якобы не собирается возвращаться домой, а уедет к любовнице. В подтверждение прислали его же письмо, которое он писал любовнице, а по ошибке послал им. Читаем письмо: почерк очень похож (корявый), подписи нет (Тимоха тоже часто не подписывался). По тексту письма – любовница уже военного времени. Мы точно знаем, что это абсурд. Он вообще никуда не ходил, был постоянным дежурным. Да и знали мы всё друг о друге. Тимоха говорит: теперь придётся целый год отбрёхиваться! Видать, в молодости был грешен. Мы писали коллективное письмо (и не раз). Вроде обошлось. А подмена произошла при вскрытии конвертов цензурой. Стояли штампы.

Дороговоз запомнился тем, что не мог провести простейших арифметических действий. А по ходу занятий надо было это делать. Тогда Тимоха говорит: а вы ему на гроши переведите. Я так и сделал. Ответы получил моментально. Усложнял, усложнял – результат тот же! Изумительно!

У многих однополчан жёны из Троицка. Например, у Пикуса (будущий генерал из Риги, я был там в командировке, заходил к нему, ездили на дачу в Юрмалу). У меня тоже там была первая, настоящая, чистая любовь.

Лето 1942 года. После нашего неудачного наступления под Харьковом началось мощнейшее наступление немцев. Была жуткая переправа через Дон. После этого остановились на аэродроме у г. Калач.

Большая ровная поляна у леса, несколько хороших землянок. Прилетело много бомбардировщиков типа «Бостон», какой-то большой штаб разместился в землянке. Я был наблюдателем у этого штаба. И вот летит самолёт ТБ-3, тяжёлый бомбардировщик, здоровый, неуклюжий. Это была уже несколько устаревшая модель, и он летел как транспортный, с бензином. Заходит на посадку. И вдруг появляются четыре «мессершмитта-110». Это двухмоторные истребители-штурмовики. ТБ-3 горит, раздаётся страшный взрыв, пламя до небес. А «мессеры» развернулись и пошли штурмовать опушку леса – там были спрятаны «бостоны», боеприпасы.

Около КП для наблюдателя (для меня) была отличная щель-окопчик. Из землянки выбежал командир с женщиной и говорит мне: уступи окопчик женщине (женщина была парикмахером, её привезли из города, и она

стригла-брила командиров из штаба на КП). Я уступил и стал прятаться за деревьями.

Немцы летали нахально (защиты не было). Урон нанесли большой. Несколько самолётов было взорвано, пожары и прочее. Женщину в «моём» окопчике засыпало, и она, кажется, погибла. Судьба! Этот аэродром мы быстро покинули.

Дальше, как я уже писал, был Сталинград. Были мы там довольно долго, но воспоминания – один общий комок. Тяжёлая работа и днём, и ночью, постоянная опасность, бомбёжки, хочется спать, жара, жуткие морозы. Кое-что помню в самом начале и в самом конце. Например, лето на аэродроме, британские истребители «Харрикейн» (плохие самолёты, радио нет). Около землянки (КП) большой расчищенный круг, из центра полотняная стрела, по кругу градусы. В дежурных самолётах лётчики живут в кабинах. Из землянки выскакивает дежурный, даёт сигналы из ракетницы, кричит мне: «Градус!» Я натягиваю стрелу (указатель направления полёта), а в это время над аэродромом появляются немецкие истребители. Стреляют и по стреле – щели в кругу нет, убежать нельзя. Кручусь как уж на сковородке. Пронесло.

В конце операции запомнились жуткая канонада перед началом наступления, огромные, бесконечные колонны и толпы пленных русских. Они шли без конвоя, сами, на станцию Михайловка, где их кормили, сажали в эшелон. Вся румынская армия сдалась. Морозы стояли страшные, и много румын замёрзло по дороге. У них были высокие меховые шапки, но ушей они не закрывали. Некоторые жители сёл им помогали, а те, которые получили похоронки, выгоняли из дома.

Ещё запомнилось огромное количество разбитой немецкой техники: машины, танки, орудия и прочее. Такого мы раньше не видели.

Ещё мне хочется рассказать об одной двойной трагедии, случившейся на Украине (где – точно не помню; дату тоже не помню, но была поздняя осень). Я и ещё два солдата шли в другую деревню по каким-то делам. Смотрим: истребитель заходит на вынужденную посадку в поле. Ровная площадь чуть-чуть присыпана снежком. Он сел и катится по полю. Кабина открыта, лётчик высунулся, перегнулся, смотрит на поле. Вдруг самолёт становится на нос и переворачивается. Так как лётчик высунулся, он оказался прижатым к земле. Мы бегом к самолёту. Молоденький парнишка синееет у нас на глазах.

Мы надрываемся, чтобы как-то самолёт качнуть, но он как вкопанный. Душа рвётся от страха и бессилия. Побежали в село, до которого километра два. Позвонили из правления колхоза. Самолёт не с нашего аэродрома. Мне приказали организовать охрану и ждать прибытия специальной команды. Я всю ночь водил солдат меняться через час. Утром прибыла команда на тракторе и больших санях. Главным был опытный старшина, а команда состояла из стариков и только что призванных пацанов.

Самолёт перевернули, лётчика достали, стали крепить самолёт к трактору и саням. Старшина и я много раз повторяли, чтобы никто ничего в самолёте не трогал, весь боекомплект цел, под крыльями висели реактивные снаряды (РС). И всё же один пацан незаметно залез в кабину и начал за всё дёргать и крутить. И вдруг пулемётная очередь полоснула прямо в толпу у саней. Двое убитых, несколько раненых, у меня пробило полу шинели, и маленький осколочек попал в глаз у носа. Глаз ещё долго был красным. Самолёт бросили, погрузили убитых и раненых на сани и уехали. Мы пошли своей дорогой. Больше об этой истории я ничего не знаю. Самолёт перевернулся

потому, что это было свекольное поле, а оно через определённое расстояние перерезано канавками (для сбора вредителей). Канавки были засыпаны снегом, и их не было видно. Колёса попали в канавку, и самолёт перевернулся.

Осенью нас направили освобождать Бессарабию. Мы вошли в город Трёмбовль (около Тирасполя), но Бессарабию взяли без боя.

Вернулись мы уже в город Луцк (Западная Украина). Её только что присоединили к Советскому Союзу.

Луцк – центр Волынской области, довольно большой город, стоит на реке Стырь. В городе было много разных родов войск. По флангам немцы быстро пошли вглубь, но Луцк долго оборонялся, и мы оказались в «мешке». На аэродроме стояла 14-я истребительная авиадивизия, но самолёты были почти все уничтожены на земле ещё в первый день. Долго отступали, много раз выходили из окружений и полностью вышли только поздней осенью под Харьковом.

Следует ещё сказать о бандеровцах (украинские националисты), одним из центров которых был Луцк. Были диверсии и до войны, а как началась война, творилось ужасное: стреляли в нас, шпионы с рации докладывали о каждом шаге, в том числе и о том, когда самолёты взлетели, когда сели, где, что и прочее. А им сейчас памятники ставят. Жестокие были, как дикари. Такими были и после войны.

Под Харьковом, по дороге Москва–Донбасс, мы стояли до весны 1942 года. Построили хороший аэродром с каменными взлётными полосами и пр. Весной было мощное немецкое наступление, и нам пришлось отступать. Сначала до Дона, где мы много потеряли людей и техники, а потом и до Сталинграда. Аэродром был в чистом поле, в окрестностях Сталинграда. Там находились лето, осень и зиму 1943 года. Это, конечно, целая эпопея. Затем наши дороги повернули на Запад. Запомнился аэродром под Миллерово (Ростовская область), а точнее, село Викторфельд. Раньше там жили немцы, их выселили, в домах жили беженцы.

Были и на Курской дуге. Ненадолго нас забросило и на Южный фронт, под Одессу (она была уже освобождена). Наши машины стояли в лесопосадке (мы в них спали). Все деревья – белая акация, стояла весна, всё цвело. Изумительный аромат я до сих пор помню. С юга по железной дороге нас перебросили во Львов (шли бои за него). Там мы стали постоянными спутниками дивизии Покрышкина.

Надо сказать, что я служил в авиации. С самого начала я был химинструктором и младшим специалистом по авиационному вооружению. Химической войны, слава Богу, не было, но был приказ Верховного командования химподразделения полностью не расформировывать. Практически я занимался всем, от самых маленьких дел до довольно крупных: выкладывал полотнища «Т» для обозначения места посадки, «стрелу» для обозначения направления полёта по тревоге – радио не было; дежурил по штабу, много раз назначался начальником караула, обычно это были длительно несменяемые караулы в отдалённых местах; был старшим колонны автомашин, когда ездили за боеприпасами, однажды – командиром аэродрома на плацдарме, а также – начальником железнодорожного эшелона, когда перебазировались из Германии в Австрию. Всё это параллельно с основной работой – организация химобороны (планы, схемы, проверка оборудования, обучение и пр.). Было и такое: по ночам заливали шары из тонкой жести самовоспламеняющейся горючей смесью (фосфор в органическом растворителе). Эти шары сбрасывались с самолётов. Работа была трудная

и опасная – ни одной капельки не должно было попасть на воздух, шары герметичны. И всё это у самой линии фронта. Организовывал и сам дежурил на постах ВНОС (воздушные наблюдения, оповещения, связь).

Несколько раз исполнял обязанности начальника химслужбы БАО (в 1941 году 273-ю авиабазу переименовали в 299-й батальон аэродромного обслуживания (БАО)). Это должность капитана. Мне несколько раз предлагали оформить документы на офицерское звание, но я отказывался, не хотел быть военным.

Вернёмся к нашим дорогам. Далее была Польша. Стояли в нескольких местах. В Ченстохова жили в доме у настоящей помещицы (для нас это было невероятно).

Но особенно мне запомнился аэродром на поляне в большом лесу вблизи деревни Ежове. Это был заповедник. Живности там было много и вся непуганая. Олени, кабаны выбегали прямо на поле. По опушке леса текла небольшая речка. Наши землянки были около речки. Несколько дальше, но тоже около реки, была открытая столовая, отходы все выливали в речку. Как-то осенью ночью ударил морозец, и речка покрылась льдом. Мой друг, младший сержант Иван Полищук, рано утром подошёл к реке, а там подо льдом стая огромных рыб. Недолго думая он побежал в лес, схватил противотанковую мину и поджёт шнур. И в тихое утро прогремел огромной силы взрыв. Не успели мы выскочить из землянки, а к нам бежит огромная толпа во главе с командиром 14-го авиаполка подполковником Бобровым (ас, колоритнейшая фигура, воевал в Испании). Кричит: «Ты знаешь, что только несколько минут, как улетел генерал, командующий воздушной армией. Если бы он застал взрыв, было бы сильнейшее «землетрясение» и трибунал!» Скомандовал: Ивана под арест, рыбу в столовую (а ею был усыпан весь берег – большая, жирная). Сняли с Ивана пояс, взял я винтовку и хотели идти на гауптвахту (дорога мимо столовой), а один наш «старик»-солдат Тимоха Ткаченко говорит: подождите немного, сейчас поджарят рыбу, выпьют немного и подберут. Мы так и сделали. Идём мимо, выходят Бобров и комиссар полка, облизывают губы, вытирают руки. Бобров говорит: «Ну ладно, идите домой, только думайте, прежде чем делать. Вот если бы генерал застал – ух!» Тимоха оказался народным психологом!

После войны я читал несколько больших статей о Боброве. Интереснейший человек. Говорил очень быстро, азартно. У него даже «воздушный» псевдоним был – Быстров, а у Покрышкина – Богатырёв.

И ещё одна история в Польше. Наши войска заняли плацдарм на противном берегу Вислы – город Сандомир и его округа.

В нашем батальоне была сформирована команда для посылки на плацдарм с целью организации аэродрома. Случилось так, что начальник команды – капитан – был отправлен в больницу с острым аппендицитом, его помощник с рацией погиб на переправе. Старшим остался я. Это было под Новый год, стояли морозы. Аэродром организовали в пойме реки – очень ровная большая площадка. Но летом там трясына. Наши войска планомерно готовились к наступлению, но тут Черчилль обратился к Сталину с просьбой о помощи и просил начать срочное наступление. Сталин согласился (это всё хорошо известно). Наступление началось 12 января, но в это же время началось сильнейшее потепление, всё раскисло. А перед этим на аэродром прилетели два полка дивизии Покрышкина (16-й и 100-й) и штаб дивизии.

Боевые полёты должны были начаться 12 января рано утром, а я, как комендант аэродрома, отвечал за состояние поля и обеспечение полётов. И вот рано утром вылезли из машины и идут «три богатыря» в лётных

кожаных куртках – Покрышкин и два командира полков. Я бегу к ним и докладываю, говорю, что взлететь можно, а сесть нельзя (так говорили мне лётчики). Он усмехнулся: сейчас проверим. Подогнали его «сотку» (номер самолёта), он взлетел и блестяще сел на три точки. Скомандовал: «Полёты отменяются!» – а мне: «Колёса заделать!» Три длинных колёса глубиной по колено. Техники нет, людей горстка, и все заняты. Побегал по деревьям к старостам, собрали людей с лопатами и заделали. Через 1–2 дня ударил мороз. Наши войска ушли далеко вперёд, прибыл и наш батальон и сразу вперёд.

А со мной случилась беда: у меня оторвался задник в сапоге, я сильно натёр ногу, засорил её. Нога распухла, и я две ночи спал в сапоге. Когда прибыл батальон, я сразу попал в санчасть. Сапог разрезали, и речь шла даже об ампутации. Но всё обошлось, и даже в госпиталь не отправили.

Прошло много лет. 1980 год. Наш батальон (он стал авиатехническим полком) отмечал юбилей – 40 лет. Наш комиссар Клавдий Тихонович Мазураш получает приглашение и уговаривает меня поехать с Женей. И вот мы отправимся в Калининград (бывший Кёнигсберг), рядом с которым находился один из лучших аэродромов Германии. На этом аэродроме базировался наш полк, и полк из дивизии Покрышкина (остался один полк). Прямо перед нашим приездом там отмечался юбилей этого полка, пришёл и Покрышкин. Нас встречали как дорогих гостей. Женя познакомилась с моими однокашниками, которые тоже приезжали. Интереснейшие люди. Вот Илья Пикус – в Овруче он был солдатом, работал на продскладе, во время войны стал офицером, а в 1980 году был начальником тыла Прибалтийского военного округа, жил в Риге, а через некоторое время стал генерал-майором. Саша Шматько в Овруче был солдатом, потом – заместителем политрука и во время войны дослужился до капитана. Потом демобилизовался, жил в Киеве.

Но пишу я об этой поездке вот почему. В штабе дали почитать нам историю авиабазы БАО – техполка. Читала Женя и нашла описание плацдарма на Висле. Там было написано, что за эту операцию начальник команды капитан Синькевич награждён орденом Отечественной войны I степени. Она мне и говорит: «А ты рассказывал, что это ты там был!» Я к комиссару с вопросами. Он говорит: связи тогда не было, наступление, всё на ходу, а тут требуют представить материал на награду. Я к наградам относился равнодушно, главная награда – жив, сатана! Но тут было немного обидно. Но всё быстро прошло. Удовольствие от поездки было неожиданное.

Много увидели нового. Я в их музей отдал свою красноармейскую книжку (чудом сохранил). Это что-то вроде трудовой книжки. Потом я узнал: когда я был на площадке, в это же время там находился и дядя Володя Соколов, но мы не встретились. А бывали чудо-встречи. Например, под Одессой в Котовске мы заночевали и пошли в клуб, там танцы, и один из танцующих бросил пару – и ко мне на шею. Это был Сорокин, мы с ним учились в 9-м классе в Воронеже.

Из Польши пошли в Германию. Было много нового, неожиданного и опасного. До Одера немцы почти все уходили из населённых пунктов, после Одера – почти все оставались. На обочине дороги у города... (забыл название, недавно ещё помнил) мы видели памятник Кутузову – говорили, что там похоронено сердце его.

Остановлюсь на одном интересном факте. Аэродромы в Германии были приведены в полную негодность, а истребители должны базироваться очень близко к фронту. Покрышкин нашёл выход. Автострада Бреслау – Берлин

состояла из двух встречных полос. На каждой полосе могло свободно двигаться четыре потока машин. Полосы разделены тремя-четырьмя рядами деревьев. Поперечных дорог не было, а были мосты через автостраду. Далековато друг от друга, но для посадки самолёта расстояние критичное. И всё же решили все деревья у самой земли спилить, засыпать щебёнкой и закатать. Работали все до изнеможения, и приблизительно за двое суток всё было готово. Приезжала кинохроника, снимала нас в работе. Есть такой фильм «Ахтунг, ахтунг, Покрышкин в воздухе!» Там есть эти кадры. Не все лётчики могли взлететь и садиться на этой полосе (у одного моста надо было почти пикировать, у другого – резко тормозить). Немцы никак не могли понять, откуда летают истребители. Много летало разведчиков, но безрезультатно. Этот участок автострады проходил через мощный лес. По опушке были сделаны дорожки, по которым самолёты выкатывались в лес и маскировались. Но вот один разведчик на истребителе искал очень настырно и был сбит нашим истребителем. Немец спустился на парашюте. Он никак не хотел верить, что самолёты взлетают с автострады. Держался довольно нахально и говорил, что его смог сбить только Покрышкин (у него вся грудь была в крестах и орденах). Ему показали, кто его сбил: молоденький лётчик по фамилии Гинзбург. Это был его первый сбитый самолёт. Немец был в шоке. В фильме про это тоже показано. А вёл этого немца наш старик-солдат с винтовкой в руках – Зинченко.

О конце войны. Во второй половине апреля 1945 года наши танковые подразделения по широкой отличной дороге рванули вперёд, смяли немецкие войска. Основные наши войска довольно сильно отстали. По дороге танкисты обнаружили огромный аэродром, полный самолётов. Нас туда быстро перебросили. Это был чудо-аэродром: поле бетонированное, капитальные строения, ангары. И почти всё было и под землёй. Герметичные двери, как у сейфа. Там была и лётная школа. По периметру всего огромного аэродрома стояло неисчислимое количество самых разных самолётов, заправленных, с боекомплектами. Видать, танкисты застали их врасплох. Наши самолёты так же разместились в центре. И вот по ночам все эти разрозненные отряды стали нападать на аэродром, с каждой ночью сильнее. Бои шли довольно жаркие, мы даже стреляли из немецких самолётов. По-видимому, они стремились захватить транспортные самолёты и ударить к англо-американцам. К утру всё стихало, немцы исчезали в лесу. Забыл сказать, что по одну сторону дороги был аэродром, а по другую – город Ютеборг. Утром 1 мая, воодушевлённые праздниками и сообщением о взятии Берлина, мы сами пошли в наступление. Я в этом не участвовал – дежурил. С нашей стороны погиб один человек – сержант-связист Орлов. Если бы это было организованное войско, мы бы вряд ли выстояли. Честно говоря, страшновато было попасть в такую ситуацию в самом конце войны. Взяли в плен очень много немцев, очень много. Вызывали специальную команду конвоиров.

4–5 мая состоялось перебазирование на новый аэродром в городе Гросенхайн. Половина города была у немцев, а половина, с аэродромом, у нас. На всю жизнь запомнилась ночь с 8 на 9 мая. Мы заняли двухэтажный домик, во дворе стояли машины. Легли спать. И вдруг началась стрельба, которая усиливалась и приближалась к нам. Вспомнили Ютеборг и заняли оборону. Потом услышали: «Победа!» Мы тоже начали палить. Все заначки пошли в ход, пировали всю ночь. А утром приказ: лететь на Прагу. Там немецкая группировка и власовцы отказались сложить оружие и пытались прорваться на Запад.

Для полёта на Прагу возникли проблемы: надо отрезвлять лётчиков (обливали холодной водой), боекомплекты на самолётах были расстреляны. Собрали всех «живых» и начали набивать звенья, собирать ленты патронов и снарядов. Полёты состоялись, всё прошло хорошо. Последний самолёт в этой войне был сбит над Прагой лётчиком Голубевым (он был ведомым у Покрышкина).

После войны войска 2-го Украинского фронта были переброшены на Дальний Восток для войны с Японией. Часть войск 1-го Украинского фронта (нашего) была переброшена в Австрию, в том числе и наша часть.

Самые приятные воспоминания – это послевоенная жизнь в Австрии. Природа Австрии нас просто ошеломила. Красота! Горы, Дунай, парки, виноградники, вино! Мы попали в район, где основное занятие – виноградарство. В горах пробиты огромные помещения (склады, погреба), в которых ставят гигантские бочки деревянные (цистерны) с вином. Мощные железные решётки и двери, замки как гири. Вентиляционная труба большого диаметра. Сначала вина было много, даже у кухни стояла ёмкость с вином. Но пить-то мы не умеем. Пили котелками, ну и всё прочее...

Прикрыли эту лавочку. У погребов поставили часовых, вино можно было только купить. И вот я и мои друзья проделали одну рискованную операцию. На машину погрузили чистую тару, ручной насос с очень длинным шлангом, подъехали к горным погребам, установили, что караульный солдат идёт в одну сторону 45 минут, и приступили к делу. Самого маленького и щедедушного солдатика из Рязани, Потапкина, привязали к шлангу. Залез он по горе к вентиляционной трубе и проник в погреб. Заполнил все ёмкости, и стали мы его вытаскивать, а он, гад, там напился и никак не мог привязаться. Еле вытащили. Всё обошлось...

Сначала мы жили в древнем замке. Он стоял над обрывом, который весь зарос большими деревьями, внизу – тоже лес. Замок красивый, но без удобств, всё во дворе. В его подвалах во время войны была спрятана библиотека Венского университета. При нас её на тракторе с прицепами вывозили в Вену, мы начинали грузить. Я видел учёные записки Казанского университета на русском языке.

Потом мы перешли в деревню (названия не помню). Жили в доме у одной семьи – старик и старуха, молодой сын с женой. Сын воевал под Харьковом и был ранен в зад. Из госпиталя сбежал, прятался и больше не воевал. Жили мы дружно, когда уезжали, хозяева даже расстроились. (Набег на погреб мы делали из деревни, но тайно.) В Австрии стояли войска и союзников, но строгих границ не было, ходили и ездили свободно.

Когда я служил в Луцке, комиссар нашей базы Величай очень любил играть в шахматы, но играл неважно. Он послал меня на чемпионат Луцкого гарнизона. Турнир проходил в ДК, в центре города, в самом красивом здании. Было 16 участников, от лейтенанта до полковника (по нынешним званиям), и лишь один красноармеец – солдат. Это был я. На улице у красивой решётки стоял большой щит с турнирной таблицей. Я выиграл 14 партий, одну свёл вничью и занял первое место. Был в ударе. Сначала меня не замечали, но потом большие начальники брали меня под руку и советовались. Приглашали домой. Приз не успел получить – началась война. Таблица турнира чудом у меня сохранилась и только недавно куда-то исчезла. Бумага, правда, по сгибам распалась.

Перед войной аэродром в Луцке начали капитально оборудовать – строили деревянные ангары, разные помещения, бетонировали полосы и дороги.

Ангары строили местные плотники (из деревень). Жили в огромных землянках. Меня приставили с ними жить – возил им еду, бельё (за деньги), читал им газеты. Как я потом понял, это были махровые бандеровцы. Один мне говорит (у него не было по колено ноги – была деревяшка): «Вот вы ругаете Петлюру, а это был мой лучший друг; какой это хороший парень был...» (Бандера был поручиком у Петлюры.) Я по молодости и неопытности все дела вёл с ним «на слово». Они украли у меня половину одеял, белья. Половину денег за обеды не заплатили. Я был в ужасе. Комиссар меня защищал, а командир (злой, вредный мужик был) взъелся на меня.

На строительстве полос, дорог работал Николай Доценко, студент Саратовского автодорожного института. Был на преддипломной практике. Началась война, и он влился в нашу часть. Был практикантом. На практике прошёл все дороги войны. У тракториста всегда было много работы. Его демобилизовали сразу же после войны.

Вспомню о людях, с которыми мне пришлось встретиться на войне. 100-й полк дивизии Покрышкина. В нём служили два брата – Борис и Дмитрий Глинки. Борис – старший, майор, Герой Советского Союза, Дмитрий – подполковник, дважды Герой. Но Борис – командир полка, а Дмитрий – заместителем. Бориса я близко не знал, а с Дмитрием встречался несколько раз. Аэродром в Германии, в разных местах стоят нетронутые немецкие зенитные пулемёты (спаренные «Эрликоны»). Строго запрещено к ним подходить. Я – дежурный, а кто-то стреляет из этих пулемётов. Я бегу, ору не выбирая слов. Подбежал и остолбенел: это Дмитрий Глинка. Лепечу: «Извините!..» А он: «Ты прав, это ты меня извини. Вот, шёл мимо, не удержался...»

Уже после войны Борис летел на транспортно-пассажирском самолёте в Москву, самолёт потерпел аварию, и пассажиры, в том числе и он, получили травмы. Лечился в Кремлёвской больнице. В кинохронике Парада Победы видим, что в первом ряду знаменосцев колонны 1-го Украинского фронта идёт Дмитрий Глинка.

16-й полк. Это родной полк Покрышкина. Тут он был командиром эскадрильи, командиром полка. В конце войны командиром полка был молоденький капитан, Герой Советского Союза Иван Бабак. Это был стройный красавец с чёрной кудрявой шевелюрой. Весёлый, доброжелательный. Для получения звания дважды Героя ему буквально не хватало несколько боевых вылетов. И он летал больше всех. И вот однажды он не вернулся с задания. Кончилась война, и как-то Покрышкин получает весточку, что в американской зоне, в лагере русских пленных есть лётчик по фамилии Бабак. Покрышкин надел парадный мундир со всеми орденами и поехал в лагерь – тогда из зоны в зону ездили свободно. Ему удалось без всякого оформления забрать Бабака. Оказалось, что его не сбили, а из-за отказа мотора он сел на территории немцев и попал в плен. Через какое-то время Бабак уехал из армии на проверку. Награды ему оставили, но из армии уволили.

Прошло 35 лет. Мы с Женей на юбилее базы. Там только что закончились юбилейные торжества лётчиков. Были Покрышкин и Бабак. Много больших красочных фотографий. Бабака не узнать. Постарел и, главное, совершенно лысый. Работает учителем в сельской школе на Полтавщине. Прочитал в шахматном журнале, что он организовал и ведёт занятия в шахматном кружке.

Наш батальон входил в 23-й РАО (район аэродромного обслуживания, это на уровне дивизии). Командиром был генерал-майор Проценко. Он

часто бывал в подчинённых войсках, беседовал, выступал, делал доклады. Я всегда поражался его знаниям, его таланту говорить красиво, убедительно, зажигательно. И только через 35 лет узнал, что до войны он был заместителем по науке начальника военной авиационной академии (какой – забыл). В 1944 году он вручал мне партбилет, беседовал. Кандидатом я стал в 1943 году.

Всю войну моим лучшим другом и помощником был Иван Полищук. На два года старше меня, жил в Житомирской области, работал в совхозе (выращивал хмель). Волосы белые, его у нас звали Седой. Многие из начальства считали его чуть ли не слабоумным. Он ничего не запоминал на политзанятиях, при изучении Уставов. Но оружие он знал отлично, хорошо стрелял. Абстрактные знания не воспринимал. Я же преклонялся перед ним, считал его чуть ли не гением. Он умел делать всё, и хорошо делать. Легко и быстро обучался реальным делам. Повар он был отменный, готовил разные блюда. Пошил нам всем брезентовые сапожки на тонкой подошве (сапожником до этого не работал). Мог сложить печки, плиты, да так, что дров тратилось мало, тяга хорошая и тепло долго держится (печником не работал, но видел, как делают другие). Топором работал виртуозно. У нас было две машины, которые постоянно ломались. Иван научился их разбирать, ремонтировать. До войны он их и не видел.

Он был контактным, доброжелательным, всегда готовым прийти на помощь. Когда я был на 1-м курсе, я написал ему письмо. Ответ: адресат выбыл.

Во второй половине войны моим командиром (начальником химслужбы) был старший лейтенант Лукичёв. Очень оригинальный человек. До войны он преподавал в Иванове в каком-то институте математику. Когда у нас было некоторое время затишье, он меня умучил – заставлял учить высшую математику. Даже где-то достал учебники, но я не поддался (будешь жить или нет – а мучайся).

В Чехословакии местные немцы после войны носили белые повязки, и им запрещалось посещать кино, рестораны и пр. Но Лукичёв пригласил однажды девушку-немку в ресторан. Чехи сообщили командованию, и у него были большие неприятности.

Австрия. Я уже говорил, что жили мы там прекрасно. В составе волейбольной команды ездил на спартакиаду в Баден (или Баден-Баден). Приехали туда вечером, а когда утром вышли – рот открыли: прямо у наших ног начинается огромная гора, красота неопишная. Когда я уже работал на заводе, ко мне подошёл знакомый конструктор (был штурманом бомбардировщика) и спрашивает: «А ты был в Бадене на спартакиаде?» – «Был». Оказывается, он там лечился в госпитале, ходили на соревнования смотреть. Он долго мучился: где он меня раньше видел?

Часто ездили в Вену. Ходили на могилы Моцарта и Штрауса. Но больше всего бывали на Дунае. Брли с собой спирт, знакомились, угощали. Тогда была дурацкая привычка пить спирт неразбавленный, а потом запивать водой. Однажды выпили, а запивать стали из графинов, а там сильно газированная вода. Глаза на лоб! Бросились в Дунай и давай лакать из реки воду...

Подобный случай был под Сталинградом, когда стояли страшные морозы. Спирт выпил, а вода в котелке оказалась вся замёрзшая. Пришлось глотать снег.

А ведь до войны я, кроме двух рюмок вина, вообще ничего не пил. Началась война, появилась возможность выпить, а я как белая ворона.

Демобилизовался я в мае 1946 года, домой прибыл за несколько дней до своего 25-летия. И вот в начале июня 1946 года после долгих и жутких

7 лет разлуки я наконец увидел маму. Она поседела, постарела, но была прекрасна. Ей было 45 лет. Изменился и я – старая одежда мне уже была мала. На праздновании по случаю моего возвращения и моего 25-летия мама расплакалась, увидев, как я лихо и спокойно выпил пол-литра водки. Ведь в 1939 году на вокзале Саратова она провожала совсем ещё мальчонку. Многие провожающие матери плакали, а моя мама была весёлой, молодой, красивой. Вот этот образ я запомнил и пронёс через всю войну. Только через много лет я узнал, как ревела мама всю ночь после моих проводов.

Итак, с войной покончили мы счёты. Воспоминания всё новые и новые всплывают, но всё, писать о войне я больше не буду. Я перелопатил в голове кучу событий, а написал чуть-чуть. Это тяжело.

Во время войны мои родители переехали на новое место. Когда я возвратился, у меня не было не только друзей, но и знакомых. Пришлось срочно обзаводиться. Местом знакомств, главным образом, были пляж, волейбольная площадка в парке.

(...) Сентябрь 1946 года. Мне 25 лет, и я снова – через целых 7 лет – студент 1-го курса химфака СГУ. Живу в общежитии на Цыганке. Общежитие не ахти какое, но близко от университета, от столовой, да и вольница там «цыганская».

В нашей комнате 9 человек, все фронтовики. В коридоре ещё 7 комнат, и все девчачьи. И ещё в нашем коридоре – кухня.

В первое время наше состояние – это «телячий восторг». Свобода, девушки! Октябрьский праздник мы отмечали в одной из комнат у девушек. Утром иду из кухни и смотрю: около нашей двери толпятся люди. Подхожу и вижу: на двери огромный лист, на листе нарисован я (похож), но руки длинные – вместо кистей крылышки. Сверху написано: Володе Розовскому, а внизу: «Руки – вы как две большие птицы, вы так летали, так обнимали всех вокруг». Это было дело рук Нины Карасёвой. Она была штурманом в полку Марины Расковой.

На первом курсе серьёзных увлечений у меня не было. Трудно давалась учёба (за 7 лет всё позабывали!), непривычные хозяйственные дела (это тебе не армия, где накормят, оденут, помогут). Шахматы, волейбол, ну, а девушки, получается, потом. И ещё – жива была военная любовь.

С самого начала второго курса я увлёкся девушкой. Она была студенткой 4-го курса биофака и звали её Женя Серёженко. Она мне очень нравилась. Нравилось и её пение, и то, что она всегда была весёлой, доброжелательной, не ругалась, не кричала (а я страсть как боялся найти жену злую, ворчливую). Всё шло хорошо, но перед самым новым, 1948 годом произошёл полный разрыв «дипломатических» отношений. Каждый жил своей жизнью, своими интересами. Мы не замечали друг друга.

Прошёл год. Однажды поздно вечером я возвращался с шахматного турнира. Шёл по улице Ленина, от Радищева к Астраханской, в шинели, с шахматной доской в руке. На улице шёл снег и был сильнейший вихревой ветер. Прохожих было мало, а те, кто попадался на пути, шли с низко опущенными головами и жались к домам. И вот у самых тюремных ворот (в то время главные тюремные ворота выходили на ул. Ленина) я с кем-то сильно стукнулся лбом. Поднимаю очи, смотрю – она! Если бы была хорошая погода, то, я думаю, просто разошлись бы в разные стороны. А тут стоим, смотрим. Чем бы закончилось это стояние, сказать трудно – в душе яростно боролись два противоположных желания. Но тут тюрем-

ные ворота открылись, и на нас – огромный «чёрный ворон». Из кабины крик: «А ну с дороги, а то сейчас в тузулку!» Мы отпрыгнули, рассмеялись и пошли гулять по городу, по выюге.

2 августа 1949 года в Воронежской области, где жили мои родители, состоялось бракосочетание. На свадьбе, кроме моих родителей, были бабушка, тётя Валя, дядя Алёша, тётя Оля и подрастающее поколение – Ирочка, Леночка Галя, Коля.

Свадьба состоялась, но я опять остался один – супруга по распределению уехала в Хабаровский край, в тайгу за туманами. А я остался доучиваться на 4–5-м курсах. Жил я уже в общежитии на Вольской.

Однажды я на доске в ректорате увидел приказ с благодарностью «Е. Д. Серёженко за высокие показатели в смотре художественной самодеятельности студентов». Я его снял и отправил жене. Выступала она в дуэте с Люсей Карасёвой (младшей сестрой Нины). Пели «Крики чайки белокрылой...», «Позарастали стёжки-дорожки...» Смотр проходил в театре оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского.

Зимой 1951 года Женя вернулась в Саратов. Устроили ещё одну – студенческую свадьбу на Цыганке.

Работать она стала на рыбозаводе (он был на том месте, где сейчас начало моста через Волгу). Жила в Энгельсе, а я в общежитии.

В июне 1951 года я окончил учёбу на химфаке СГУ и получил назначение в ОКБ Саратовского завода щелочных аккумуляторов. На работу я вышел 1 августа 1951 года. Получил комнату (в 3-комнатной квартире). Дом рядом с заводом. Семья наша наконец-то воссоединилась.

Первые наши покупки – кухонный стол, табуретки, этажерка из прутьев вместе с кроватью и тумбочкой – и по сей день живут на даче. Это свидетели нашей молодости.

8 мая 1952 года родилась дочь Лена, а 23 сентября 1954 года – сын Андрей. Супружеская жизнь наша была всесторонней. Судьба хранила нас.

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

**Виктор
СЕМЁНОВ**

ИСПЫТАНИЯ ВОЕННЫХ ЛЕТ...

ВОЛ И ВОЗ

*Семёновы Виктор и Валерий,
1945, М. Озёрки*

Во время Великой Отечественной войны, как и сейчас, главная улица села Малые Озёрки – моей малой родины – шла с северо-востока на юго-запад: от расположенного на севере на возвышенной гряде леса Горельника по дороге на с. Ключёвка – вниз, к реке Медведица. Когда отца, Семёнова Ивана Кузьмича, взяли на фронт, мне не было двенадцати лет. Папа, директор школы, начал приучать меня к косе с десяти лет. Год спустя я уже ездил вместе с отцом на сенокос. Тогда и началась война. После ухода папы в армию я у односельчанина дяди Егора Дмитриева научился отбивать косу с помощью молотка и металлического приспособления – бабки. Чтобы получился острый режущий край, удары по лезвию косы должны быть одной силы. Для таких ровных

-
- Виктор Иванович Семёнов (12.04.1930, с. Мочаловка Новобурасского района Саратовской области – 26.04.2019, г. Саратов) – кандидат медицинских наук. Считал малой родиной с. Малые Озёрки Новобурасского района; 10-й класс средней школы закончил в г. Петровске. После окончания Саратовского медицинского института в 1954 году был направлен на работу заведующим районным отделом здравоохранения и хирургом в Подберёзинский район Великолукской области. Три года трудился в с. Подберёжье (ныне село относится к Локнянскому району Псковской области), год – хирургом в Петровской районной больнице. Последующие 50 лет работы были связаны с Саратовским научно-исследовательским институтом травматологии и ортопедии (СарНИИТО). Свои научные исследования В.И. Семёнов посвящал совершенствованию хирургической помощи детям с ортопедическими заболеваниями и взрослым с лечением последствий травм. Имел 53 научные публикации, три изобретения и несколько рационализаторских предложений. Награждён медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда», значком «Отличнику здравоохранения».

ударов у женщин, оставшихся без мужей-фронтовиков, часто не хватало сноровки. Они нередко стали просить меня отбить им косу.

Косили я и мама. У моей сестры Галины, хотя она была старше меня на четыре года, получалось хуже. Когда наступал сенокос, я, наскоро позавтракав, на целый день шёл с косой в лес. Там росла мягкая, лёгкая для укоса трава, но в пищевой ценности она уступала степной. Возили сено мы из леса на тележке, в которую впрягались втроем: в середине, в кореннике, школьный библиотекарь – мама, Семёнова Нина Алексеевна, а мы с сестрой Галей по бокам, в пристяжке. Три тележки, считалось, составляют воз сена, а на зиму в корм корове нужно было заготовить восемь возов.

Малые Озёрки располагаются на водоразделе Волги и Дона, в холмистой местности. Доставлять сено из леса по ключёвской дороге было легко: путь шёл под уклон, и нагруженная тележка катилась легко. Тяжелее было возить сено с северо-запада, из леса у с. Селитьба. В 1943 году нашей семье выделили делянку травы для сенокоса в селитьбенском лесу. Это не радовало: во-первых, далеко (около 4 км от дома), во-вторых, часть дороги от пруда к Малым Озёркам шла на подъём и возить сено на тележке было тяжело. Маме удалось выпросить, по-видимому, в лесхозе, быка, на котором мы и поехали в селитьбенский лес за сеном.

Бык – не лошадь, сколько его ни погоняй, идёт не спеша, только ярмо немного поскрипывает. Выехали рано утром, но пока добрались, пока навили воз сена, наступила полдневная жара. Оводы и слепни стали яростно кусать быка и за спину, и за уши; бык отмахивался хвостом, мы гоняли слепней хворостиной, но их было несметное множество!

Сразу за грейдером располагалась громадная низина шириной около трёх километров. В центре её через село Марьино-Лашмино протекал небольшой ручей. Поток, заросший кустами ивняка, образовывал множество мелких озёрков – прибежище уток. Ручей был перегорожен земляной плотиной, выше которой образовался небольшой пруд. В жару в нём купались ребятишки и взрослые, а дорога в селитьбенский лес проходила как раз по краю пруда. В непрерывной борьбе с кровососами, изводившими быка своими укусами, мы медленню доехали от леса до пруда, тут бык резко свернул с дороги, бросился с возом сена в воду и засел в ней чуть не по шею! Мы с мамой оцепенели... А бык стоит как ни в чём не бывало в воде и испытывает блаженство.

Мама горько расплакалась и вытащила из ярма длинный металлический штырь, который назывался «занозой». Оглобли упали, бык был распряжён. Но он упёрся, никак не желая выходить из воды. Что делать? Пришлось развязывать воз, вытаскивать на берег мокрое сено и раскладывать его, чтобы сохло. Постепенно всё сено с воза мы перетасили на сушу, начали вытаскивать из пруда телегу. Умаялись до смерти, но всё-таки к вечеру поставили её на берег, наложили, сколько успели, намочшей травы. Вывели быка из пруда (слепней уже не было), запрягли в ярмо и поехали в Малые Озёрки. Дома свалили привезённую траву на землю, вернули быка его хозяевам. На другой день снова пошли к пруду ворошить остатки мокрого сена. Потом мама попросила в лесхозе лошадь, на ней заготовленный корм для коровы мы привезли домой, а там снова сено хорошенько растрясли, чтобы высохло как следует.

Уходя на сенокос или на заготовку дров, четырёхлетнего Валеру, моего братишку, оставляли дома одного. Ставили ему стакан молока, на блюде клали кусочек хлеба и яйцо. Дом на замок не запирали на случай пожара... Война не делала скидки на детский возраст.

«ЧЕРЧИЛЛИХИН»

В 1960-х годах как молодой научный сотрудник Саратовского научно-исследовательского института травматологии и ортопедии я был командирован в Волгоград. Там заведующий детским ортопедическим отделением 1-й Советской больницы Леонтий Михайлович Дорогов, бывший фронтовой хирург, попросил меня ассистировать ему на операции по поводу врождённого вывиха бедра у ребёнка. Я согласился, ведь и сам был сотрудником детской клиники нашего НИИ.

А. М. Дорогов стал на место хирурга, я – на место ассистента. По ходу операции хирург сказал: «Дайте мне «черчиллихин»!» Операционная сестра подала ему распатор – инструмент, применяемый при операциях на костях – несколько непривычной формы.

После операции я спросил Леонтия Михайловича, что означает слово «черчиллихин». Тот улыбнулся и рассказал: «После Сталинградской битвы город был полностью разрушен, негде было лечить раненых бойцов. И тогда жена премьер-министра Великобритании У. Черчилля подарила Сталинграду полное оборудование для госпиталя: кровати, постельные принадлежности, полотенца, тапочки и халаты, столы, стулья, тумбочки и другую мебель, невиданный передвижной кардиограф, операционные столы с операционными наборами и инструментарием. Но к настоящему времени из всего этого остался только распатор, который окрестили по-русски «черчиллихин» в память о Клементине Черчилль. Остались также кровати с металлическими каретками причудливой формы».

Эта история имела продолжение. Моя дочь нашла в интернете майский, 8-й номер «Торгово-промышленной газеты» Ростова-на-Дону за 2008 год. Там напечатана была статья корреспондента Александра Егорова «Черчиллихины кровати». Оказывается, и в Ростове оборудование, подаренное баронессой Черчилль, русский медперсонал прозвал «черчиллихиным»! Предназначалось оно для воссоздания двух гражданских больниц в разрушенном городе и продолжало служить до самого начала XXI века: таких удобных инвалидных колясок и кроватей в советских больницах не было. Всего жена У. Черчилля подарила Советскому Союзу оборудование для шести госпиталей, за что Президиум Верховного Совета СССР в 1945 году наградил её орденом Трудового Красного Знамени.

И до наших дней, как сообщает Д. Белов – сотрудник Музея-панорамы «Сталинградская битва», сохраняется мемориальная доска с текстом на русском, английском и древнекельтском языках. Она находится на территории бывшей 1-й Советской больницы (ныне – Волгоградской областной клинической больницы № 1). Русский текст гласит: «...Палата оборудована на средства, пожертвованные жителями города и района Нит, Западный Уэльс, Великобритания, во славу Божию и как дань защитникам Сталинграда, память о непоколебимом мужестве которых никогда не умрёт. 1944 г.». Хочется, чтобы сбылось обещание наших прежних союзников!

А мне обидно, что теперь в наших больницах хватает нового оборудования, но недостаточно врачей...

КАК ИВАН ИВАНОВИЧ НЕМЦА ПЛЕНИЛ

После окончания клинической ординатуры СарНИИТО в 1960 году я остался работать в институте. Вспоминается, как в то время всем

коллективом весело встречали Новый год в украшенном конференц-зале, много пели от души. У заведующего клиникой нейрохирургии Евгения Ивановича Бабиченко был неплохой баритон, и он умело руководил импровизированным хором, в который входили его коллеги-нейрохирурги. Исполняли, конечно, и любимую песню главного врача – участника финской и Великой Отечественной войн Виктора Владимировича Моррисона – «Эх, дороги, пыль да туман...». В то время в коллективе института было немало фронтовиков, и в застольных разговорах они часто вспоминали какой-нибудь забавный эпизод военных лет. Однажды руководитель клиники восстановительной хирургии, кандидат медицинских наук Иван Иванович Антонов, награждённый в годы Великой Отечественной войны целым рядом боевых орденов и медалей, рассказал случай из своей жизни, который мне запомнился.

Шла весна 1945 года. Немцы под натиском советских войск отступали, порой беспорядочно, бросая на произвол судьбы военную технику. Спасая свою шкуру, фашисты мелкими группами и в одиночку бродили по лесам, опасаясь нарваться как на советских солдат, так и на свои карательные отряды, которые не жалели пули для дезертиров.

Ведущий хирург медико-санитарного батальона, 33-летний капитан медицинской службы Иван Иванович Антонов находился со своим медсанбатом на окраине восточно-прусского городка возле небольшого леса.

Однажды тёплым утром Иван Иванович решил прогуляться по лесу. Листья на деревьях ещё не распустились, но от земли уже пахло весенним паром. Иван Иванович осматривался по сторонам, когда – о ужас! – увидел за большим развесистым кустом немца с автоматом на шее. Раздумывать было нельзя. Иван Иванович выхватил пистолет, подскочил к врагу и скомандовал: «Хенде хох!». Увидев направленное на него оружие, сидящий на корточках немец поднял руки.

«Ком!» – скомандовал Иван Иванович и показал рукой, куда надо идти. Немец, не опуская рук, выпрямился со спущенными штанами. Этот здоровенный детина мог прихлопнуть щуплого И. И. Антонова как муху. Но направленный пистолет действовал безотказно, и таким образом пленённый враг был доведён до самого медсанбата.

Начальник медсанбата сказал, что фашиста нужно отправить в советский тыл. Однако его штат подчинённых был недоукомплектован, каждый человек на счету... А потому по зрелом размышлении начальник медсанбата приказал накормить немца и приставить к работе. Пленному дали задание грузить носилочных бойцов на санитарные машины для отправки в тыловые госпитали, затем поручили и другие хозяйственные дела, и немец всё выполнял безупречно. Так он работал в госпитале три дня. На ночь его запирали в комнатушку, но увидели, что пленный и не собирается никуда бежать: его кормят, поят, а работа грузчика для такого ражего детины – пустяк!

Старший лейтенант из особого отдела на детальних допросах ежедневно выуживал у противника нужные сведения. Тот не запирался, на все вопросы отвечал обстоятельно и честно. На четвёртый день с попутной машиной пленного всё же отправили в тыл. Зато Иван Иванович для своих сделался героем!

А за участие в тех военных действиях к боевым наградам Ивана Ивановича прибавилась медаль «За взятие Кёнигсберга». Впоследствии И. И. Антонов работал в нашем СарНИИТО заместителем директора по науке, защитил докторскую диссертацию, не раз избирался депутатом Саратовского городского Совета.

МОЯ ВСТРЕЧА С ПЛЕННЫМИ

Майским утром 1944 года я приехал в Петровск к своему дедушке Алексею Тарасовичу Братчикову. Когда сошёл с поезда на привокзальную площадь, то застал необычную картину. В центре площади горел костёр, на котором стоял котёл – большой, ведра на два-три. Недалеко от костра возвышалась огромная куча песка, а человек двадцать пленных в фашистской военной форме работали под наблюдением советского часового, стоявшего немного в стороне с винтовкой и собакой овчаркой.

Военнопленные – все рослые, молодые, крепкие – мостили площадь булыжником. Работа у них была нетрудная, но булыжники они друг к другу подгоняли хорошо, с немецкой педантичностью по несколько раз меняя камень, а затем засыпая песком щели между булыжниками. В котле, вероятно, варился обед на всю рабочую команду.

Я посмотрел на эту работу минут двадцать и пошёл своей дорогой. Война заставила быстро взрослеть, и хотя подростковый возраст считается «трудным» (а мне было 14 лет), помню, я не ощутил ни злости, ни ненависти к пленным, несмотря на то, что каждый из этих немцев, прежде чем сдаться, наверно, убивал в бою наших солдат.

Как немцы оказались в Петровске? Сейчас уже известно, что в Саратовской области был целый ряд лагерей для военнопленных из числа рядового и младшего командного состава. К примеру, в городах Аткарск и Ртищево, как пишет саратовский историк А. В. Калякина, имелись отделения лагеря № 338 НКВД, в Вольске – лагерь № 137, в котором содержалось около трёх тысяч человек, большой лагерь № 125 был в Энгельсе, в самом Саратове – лагерь №№ 238, 368 с многотысячным спецконтингентом.

Военнопленные рыли траншеи для первого в стране газопровода Саратов–Москва, участвовали в реконструкции и строительстве предприятий и домов жилого фонда, работали на асфальтовом заводе, в пекарне, на заготовке дров и лесоматериалов, привлекались к посевной кампании. Я же – кажется, об этом ещё не писали – стал свидетелем их работы по благоустройству Петровска.

Только честный труд давал немцам надежду вернуться в Германию. Могли ли они бежать? Нет, конечно! Как писал Н. В. Гоголь в комедии «Ревизор», действие которой, как считается, происходит как раз в Петровске, «отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь». Притом же в случае побега пробираться пришлось бы по русской земле, которой фашисты причинили столько горя...

ДОСТОЙНО ЕСТЬ...

Заканчивая Саратовский медицинский институт, я, как отличник учёбы, получил право выбирать, куда хотел бы ехать по распределению. Шёл 1952-й год, в то время молодому специалисту полагалось отработать три года по направлению после окончания вуза. Трудности работы в «глубинке» меня не пугали, напротив, я понимал, как необходимы мне практическая работа и ответственность за своё дело, чтобы набраться опыта, стать квалифицированным врачом. Так я оказался в райцентре Подберёзье Великолукской (теперь Псковской) области, где был единственным хирургом, а в помощь мне были только мои книги по медицине.

Помнится, зимой 1955 года около 12 часов дня в ординаторскую нашей районной больницы вошёл мужчина, запорошённый снегом. Из кармана его полушубка торчала бутылка водки, и он громко произнёс: «Доктор, давайте выпьем, у меня третий сын родился». Я поспешил его поздравить, а от выпивки отказался: «Иду в поликлинику на приём». Мужчина потянулся ко мне для рукопожатия, и тут из рукава его полушубка показалась культя Крукенберга в виде клешни. Надо пояснить, что для самообслуживания инвалида с утраченной кистью руки хирург проводит ему расщепление локтевой и лучевой костей предплечья «по Крукенбергу», чтобы тот смог своей культёй захватывать хотя бы что-нибудь.

Я растерялся и неумело, но всё же пожал протянутую мне клешню. Снег на лице вошедшего растаял, и я с любопытством взгляделся в него. Всё лицо пестрело синими крапинками пороха, один глаз живо щурился, второй глядел неподвижно – это был протез. Вместо другой руки у мужчины тоже была культя Крукенберга.

Так я познакомился с председателем сельсовета Подберёзья Иваном Семёновичем Тихомировым, инвалидом Великой Отечественной войны I группы. Был он необыкновенно жизнелюбивым человеком. Я не раз наблюдал председателя за работой в сельсовете, где он чувствовал себя как рыба в воде: шутил, смеялся, рассказывал солёные анекдоты, ловко закуривал, держа одной культёй спичечную коробку, другой – спичку. На сельсоветских бумагах расписывался, делая замысловатый крючок и громко шлёпая печатью. Случалось Ивану Семёновичу выпить стакан водки, тогда он ухватывал его обеими культями, а если заходила в сельсовет молодая смазливая бабёнка, председатель непременно старался ущипнуть её за бочок своей клешнёй так, чтоб она взвизгнула.

Иван Семёнович полностью себя обслуживал, сумел создать крепкую семью, жена-крестьянка не побоялась родить от него троих сыновей. В те годы у фронтовиков не принято было носить свои награды, и я не знал тогда, что наш геройский председатель награждён орденом Боевого Красного Знамени.

Пролетели три года, из Великолукской области я вернулся в родную Саратовскую. О судьбе Ивана Семёновича больше до меня вести не доходили. Вряд ли он прожил долго, но, надеюсь, потомки его оказались такими же жизнелюбами, как их отец.

Моя дочь недавно решила посмотреть информацию об И. С. Тихомирове на портале «Подвиг народа». Оказалось, что наш председатель был всего на четыре года старше меня! Он был призван на фронт из Балезинского района Удмуртской АССР и через год представлен к награде, а воевал Иван Семёнович, по сути, в тех местах, где мы с ним познакомились. Ефрейтор 811-го стрелкового полка 229-й стрелковой дивизии, сражавшейся на 3-м Прибалтийском фронте, он 23 июня 1944 года отбивал огнём из пулемёта контратаки фашистов. Противник закрепился на мощной оборонительной линии «Пантера», и здесь, в районе г. Остров Псковской области, 18-летнему парню оторвало кисти обеих рук, выбило левый глаз, он был ранен в обе ноги... Ничего этого я не ведал в Подберёзье, когда узнал Ивана Семёновича, но сила духа такого тяжёлого инвалида меня поразила и запомнилась надолго. Позднее не раз в своей жизни, когда случались серые дни и плохое настроение, я вспоминал нашего председателя, сравнивал его судьбу со своею, и мне становилось легче, я стыдился своего малодушия...

ОТЕЦ ПРИШЁЛ С ВОЙНЫ

Папа вернулся июльским днём 1945 года. Был период сенокоса, я шёл с косой из леса по грейдеру, ведущему в наше село Малые Озёрки. Навстречу трусила лошадь, впряжённая в телегу; сидящая там женщина крикнула мне: «Витюшка, дуй домой быстрее, отец из армии пришёл!» Я как мог прибавил шаг.

Папу, Семёнова Ивана Кузьмича, призвали в армию в ноябре 1941 года. Ему шёл 37-й год; несколько пальцев его левой руки не разгибалось вследствие давней травмы, и он был признан негодным к строевой службе. Отец, как учитель по профессии, к тому же имевший высшее образование и немалый профессиональный опыт, в мирное время на военную службу не призывался. Но в ноябре 1941 года, когда за Москву разгорелось яростное сражение, по «брони» в селе уже почти никого не оставляли. Взяли в армию рядовым и отца, но направили его не на передовую, а в г. Красный Кут Саратовской области. Там в части воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) красноармейцев учили по силуэту и по звуку мотора определять, чей самолёт находится в небе: наш или немецкий. Бойцы такой части обязаны были своевременно поднимать тревогу, предотвращая внезапные фашистские налёты.

После обучения папу перебросили под Москву на один из пунктов войск противовоздушной обороны (ПВО). Свыше 600 постов воздушного наблюдения, оповещения и связи ограждали столицу привязными аэростатами. Эти гигантские оболочки с водородом помогали вести воздушную разведку, мешали врагу маневрировать в воздухе, вынуждали фашистские самолёты летать на больших высотах, откуда невозможно было прицельно отбомбиться. По ночам с помощью металлических тросов бойцы ВНОС поднимали аэростаты воздушного заграждения на высоту до 4 километров. В их расположении соблюдали шахматный порядок, что уменьшало немецким бомбардировщикам шанс прорваться в темноте к столице. В случае столкновения с оболочками, тросами или подвешенными на них минами вражеский самолёт повреждался.

Часть, в которой служил отец, располагалась в 18 км к северу от Савёловского вокзала столицы, около станции Долгопрудная (ныне г. Долгопрудный). Бойцы охраняли железнодорожный мост и газовый завод, вырабатывавший водород для аэростатов. После разгрома немцев под Москвой именно в районе Долгопрудной возник основной Центр парашютной подготовки всех частей и соединений Воздушно-десантных войск. Используя аэростаты для тренировочных прыжков, здесь для заброса в тыл врага готовили советских парашютистов и десантников чехословацких и польских бригад.

Папа никогда не писал о своей службе, поскольку цензура запрещала. В фронтовых письмах отца, помнится, не содержалось также никакой политической риторики. В заботе о семье он больше давал советы по ведению домашнего хозяйства. Письма от папы приходили часто, а один раз мы даже получили посылку с невиданным лакомством: упакованными в бумагу

*И.К. Семёнов
в будёновке*

кусочками сахара! Некурящий отец обменивал свой паёк махорки на сахар, а когда накопилось достаточно много кусочков, сумел уговорить земляка поставить на свою посылку штамп: «Проверено военной цензурой». Сахар благополучно дошёл по назначению, и какой радостью это было для нас, троих детей, и нашей мамы!

Отец не принимал непосредственного участия в боевых действиях, но в память ему врезался такой эпизод: в 1942 году, когда войска на фронте понесли тяжёлые потери, он едва не попал в маршевую роту, уходившую на передовую. Молодой лейтенант, которому поручено было формирование, спросил: «Отец, сколько у тебя детей?» Папа ответил: «Трое». Лейтенант ему скомандовал: «Выйти из строя!» Отец вышел. Командир же пошёл дальше вдоль шеренги рядовых бойцов, задавая вновь свой вопрос. В итоге ещё человек пять получили приказ выйти вперёд. Оставшиеся в строю по приказу сомкнули ряды, прозвучала команда: «Шагом марш!» Колонна ушла на фронт, а те, кто был выведен из строя, остались охранять небо над столицей. Здесь, у станции Долгопрудная, папа с однополчанами встретил известие о Победе. А теперь в первой волне демобилизации, касавшейся старших возрастов личного состава действующей армии, он возвратился домой.

Тем временем я подошёл к нашей избе и увидел отца на крыльце. Мы обнялись. В комнате сидели фронтовики, на столе стояла бутылка водки, было сильно накурено: демобилизованные раньше односельчане встречали ещё одного вернувшегося с войны. Как и все они, папа награждён был медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Отец по возвращении не стал растягивать время отдыха, а через пару дней поехал в райцентр Новые Бурасы и вновь был назначен директором нашей Малоозёрской средней школы. Существовало постановление правительства о восстановлении фронтовиков в прежних должностях на тех местах работы, где они трудились до войны.

Так для отца началась мирная жизнь. Вскоре мы с ним вдвоём на телеге с лошадью поехали в лес косить сено. Мне уже было 15 лет; мы дружно махали косами, граблями сгребали подсохшую траву и с помощью вил копнили. На воз сена надо три копны.

Я обратил внимание, что косить папа не разучился и за долгие четыре военных года. Но когда стали укладывать сено на телегу, у нас возникла размолвка. Я увидел, что отец кидает сено как попало, беспорядочно. Так сено класть нельзя: воз развалится. Я стал напоминать: «Нужно сначала заполнить углы телеги, затем промежутки забить сеном и под конец уложить его в центр, утаптывая до тех пор, пока частично оно не ляжет и на края». А отец, в памяти которого я по-прежнему оставался одиннадцатилетним пацаном без жизненного опыта, возмутился: «Молод ещё учить меня!»

Я подчинился. Наложили сено кое-как, проехали метров 30, и воз развалился. Я стал горячо спорить с папой, доказывая, что он неправильно навивает воз. Отец, привыкший, что в армии приказы беспрекословно выполняются, вспыхнул: «Вот ещё, будешь учить меня! Сейчас огрею граблями!» Но мы в военную годину освоили все виды крестьянского труда. Эта работа требовала от нас непомерных физических усилий, но она выковала характер... Я возразил отцу: «Попробуй!» – спрыгнул с воза и ушёл в лес.

Чертыхаясь, родитель стал вновь навивать воз, а тот опять развалился. Кое-как покидав с полкопны сена на телегу, папа злой приехал домой. А я вернулся поздно и решил спать на сеновале. Мама стала меня расспрашивать, что произошло у нас с отцом. Я рассказал ей, в чём дело, и мама поняла, как мне было обидно: ведь четыре года я фактически был

в семье старшим из мужчин и знал себе цену как работнику. Одного только я не понимал, что за долгие годы нашей разлуки война стала образом жизни моего отца...

Утром папа, как ни в чём не бывало, предложил: «Виктор, поедем за сеном!» Опять мы приехали на лесную поляну. Отец сказал: «Навивай, как знаешь, я тебе мешать не буду». Навили отличный воз, увязали верёвкой. Сидим на возу, а наша лошадь тихонько везёт воз по лесной дороге. Папа говорит: «Давай споём песню!» Я согласился, и мы запели. Отец любил русские песни, особенно «Коробушку», «Златые горы». Когда он проходил службу у станции Долгопрудная, их, бойцов ПВО, однажды посадили в грузовики, привезли в Москву. В холодном зале Большого театра, одетые в полушубки, они слушали концерт Лидии Руслановой. Вот так, с песнями, мы благополучно довели наш воз до дома. Мой авторитет во всех делах, связанных с сенокосом, был признан, и конфликтов больше не было.

Я, конечно, расспрашивал папу обо всём, что он видел и слышал на фронте. Иногда отец не отвечал на мои вопросы; но, как я понял, для него, человека зрелого, в войну лопнул миф о непогрешимости «Великого Вождя всех времён и народов». Сталину папа не доверял и всегда отказывался от вступления в партию ВКП(б), хотя ему, как директору школы, это не раз предлагали. Символом возвращения к мирному труду для отца – преподавателя биологии и химии – стали посаженные им сады. Один он развёл у дома, второй – возле своей школы...

Впоследствии с моей младшей сестрой Лидой, появившейся на свет уже после войны, папа ездил в Москву. На маленьком теплоходе, именуемом «речным трамвайчиком», они проплыли по каналу Москва–Волга мимо тех мест, где стояла отцовская часть, и видны ещё были их окопы и блиндажи. В волнении папа смотрел на берег и мысленно переживал заново испытания военных лет... «Иногда человеку кажется, что война не оставляет на нём неизгладимых следов, – писал Константин Симонов в романе «Живые и мёртвые», – но если он действительно человек, то это ему только кажется».

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

**Фёдор
ОШЕВНЕВ**

МЕЧТА ДЕСАНТНИКА

*5 июля 1942 г.
Михаил Ошевнев –
выпускник средней
школы № 2 г. Усмани*

Живых фронтовиков сегодня осталось крайне мало. А мой отец, закончивший войну старшим сержантом, помкомвзвода, ушёл в мир иной ещё в июле 1999-го...

До выхода на пенсию мы чаще озабочены текущим днём и его насущными проблемами, многое откладывая «на потом». И как часто потом оказывается, что опоздали, упустили расспросить родителей о важном, главном... Недодали подарившим нам жизнь заботы, внимания, тепла. Недожалели, не уберегли. Увы... Но хоть о чём-то сугубо значимом, насущном для них узнать-таки удалось.

Отец мой, Михаил Фёдорович Ошевнев, вырос в селе Девица, в глубинке Центрального Черноземья. Десятилетку окончил в 1942-м, восемнадцать лет ему сравнялось 23 января 1943-го. А назавтра в сельсовете парню вручили повестку из райвоенкомата, обязующую прибыть туда через день. На обороте бланка было указано: «Остричься наголо, иметь с собой документы, нательное бельё и продукты». Ниже, нелепым пунктом, стояло: «Громоздких вещей с собой не брать».

Отец призывника, до войны колхозный молотобоец, к тому времени более года числился пропавшим без вести где-то под Смоленском. Теперь настал черёд сына заменить родителя.

Поначалу новобранец попал в учебные лагеря, развёрнутые на территории бывшей Троице-Сергиевой лавры. Крупнейший мужской монастырь был закрыт ещё в 1920-м, а часть его

-
- Фёдор Михайлович Ошевнев родился в 1955 году в городе Усмани Липецкой области. Окончил химический факультет Воронежского технологического института в 1978-м и факультет прозы Литературного института им. А. М. Горького в 1990-м. Четверть века отдал госслужбе в армии и милиции. Участник боевых действий. Ныне майор внутренней службы в отставке. Прозаик, публицист, журналист. Автор более тысячи журналистских материалов. Автор двенадцати книг и более четырёхсот литературных публикаций в отечественной и зарубежной периодике. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н.С. Лескова – за лучшие публикации в журнале «Приокские зори» (Тула) за 2018 год. Лауреат Международного литературного конкурса «Есенинцы» – в номинации «Господи, я верую!..» Дипломант Международного литературного Тургеневского конкурса «Бежин луг» – в номинации «За глубокое и искреннее отражение окружающего мира». Член Союза журналистов России с 1990 года и Союза российских писателей с 2014 года. Живёт в Ростове-на-Дону.

помещений перестроена под жильё и склады. Но в 1940-м постановлением Совнаркома комплекс зданий в черте крепостных стен объявили государственным музеем-заповедником, на восстановление памятника старины выделили немалые средства, и вскоре начались реставрационные работы. Вот только война сразу внесла жёсткие коррективы...

Тесно расквартированная по бывшим монастырским кельям армейская молодёжь настойчиво обучалась азам военного ремесла. К сожалению, о деталях первых дней срочной службы отец упоминал мало. Мне запомнились какие-то вовсе не относящиеся к боевой подготовке моменты. Скажем, что по ночам спящих сильно донимали полчища клопов, гнездившихся в старых матрасах.

И ещё отложилось в памяти, как отец отмечал, что кормили солдат в тыловой части скудно. Основу рациона составляли ржаной хлеб, крупы и макароны, картофель и овощи. Мяса и рыбы полагалось совсем чуть. Плюс неизменный чай и по три куска сахара на день к нему. (О махорке и мыле речь сейчас не идёт.)

Сливочного масла и других молочных продуктов, консервов, печенья и фруктов, а также – замечу особо – яиц рядовому составу не полагалось. Масло, печенье и рыбные консервы выделяли лишь среднему и высшему начальствующему составу – впрочем, совсем в малом количестве, разве что губы помазать.

Усиленный паёк тогда получал только лётно-технический состав ВВС. Для особой же категории – боевых расчётов экипажей самолётов – предусматривался не только ржаной, но и белый хлеб, по двести граммов свежего молока, двадцать граммов сгущёнки, творога и сыра, десять – сметаны, и сухофрукты для компота. Лётная норма включала ещё пол-яйца в сутки; то есть крутое яйцо дополняло завтрак через день.

Отец рос единственным ребёнком в семье. Почему так случилось? Слышал, как моя мать говорила, что у её свекрови были проблемы по женской части. Родители его всегда держали корову, кабанчика, кур, кроликов. Последних – чтобы их мясом рассчитывать перед государством за право иметь в личном хозяйстве бурёнку. За неё с любого двора вносили по двести пятьдесят литров молока и по восемь кило масла в год, да плюс к натуральному obroку добавлялся денежный – в сумме пятьдесят рублей. Госпоставки включали ещё фиксированное количество тех же кроличьих шкурок, картофеля, овощей, яиц и других продуктов, полученных со всякого приусадебного участка. И это – помимо единого сельхозналога! Реальное же состояние хозяйств просто не учитывалось. Порой неподъёмные налоги отдавать было нечем, и тогда фининспекторы безжалостно отбирали скотину, обрекая семью на нищенство.

Какое-то количество молока семье всё-таки оставалось. По большей части оно шло на переработку с дальнейшей продажей: ведь для животных нужно было покупать корма, да и многие прочие расходы накладывались. За трудодни-то выдавались копейки... Так что если и водились в доме сметана, творог и масло (сыра никогда не варили), то далеко не каждый день. Где уж чтоб досыта ими наестся... То же касалось и яиц.

Ах, какие блинцы творила отца мать по праздникам! По старинному рецепту, на чугунной сковороде. К взбитым с сахаром отдельно яичным белкам и желткам добавлялись соединённые молоко и масло, а затем мука – так, чтоб тесто вышло жидким. Половником она лила его на край сковороды, ловко вращала её – и тесто равномерно растекалось по раскалённой поверхности чугунины. Выпеченные блинцы собирались в стопку, промазывались топлёным маслом и перекладывались мелко нарубленными крутыми яйцами.

Коронным же блюдом была яичница-глазунья. Непременно из свежих яиц, жаренная на сливочном масле в той же сковородке и украшенная затем зеленью. Такое яство отец предпочитал даже мясной пище. Однако любимым кушаньем его баловали редко, а с началом войны и уходом на фронт кормильца семье и вовсе пришлось как никогда тяжело – впрочем, равно как и другим односельчанам.

И вот теперь на армейской службе, в темпе поедая в столовой жидкий борщ или суп и перловку-кирзуху либо рис, лишь слегка сдобренный тушёнкой, при полном отсутствии богатых белками продуктов, отец не раз вспоминал домашнюю глазунью. И блинцы с сытной прослойкой, и сметану, и масло, и творог... Ему и его сослуживцам, ещё растущим парням, урезанной продовольственной нормы военных лет катастрофически не хватало. Столовую они всегда покидали полуголодными.

О счастье сытости им оставалось лишь мечтать. Пусть каждому на свой лад, поскольку призывалась молодёжь со всех концов страны. Ведь у всякого народа в той или иной местности всегда есть свои любимые блюда. Их-то постоянно и рисовало воображение. Голод не покидал воинов, утвердился в сознании особым состоянием, напрямую влиял на чувства и ощущения, по сути, слился с людьми.

Отец в своих «едовых» фантазиях чаще всего представлял огромную сковородку с глазуньей из двадцати яиц. Откуда взялось это круглое число, не задумывался. Но в аккурат столько – ни больше ни меньше! И как он не спеша, один за одним, с аппетитом наворачивает поджаренные желтки, заедая их блинцами и запивая домашним молоком... Ну что ещё в те грозные дни могло казаться в жизни прекраснее?

Эх, мечты, мечты... А наяву – начальные признаки истощения: потеря веса, общая слабость, быстрая утомляемость. Среди дня накатывала сонливость. Иные из бойцов легко простужались, кого-то мутило, у самых хилых начинали отекают ноги.

И ничего нельзя было с этим поделать...

Во время войны особое внимание уделялось солдатским письмам – единственной ниточке связи с домом. Послание от родных могло как поднять боевой дух, так и серьёзно подкосить воина. Посему любое письмо на фронт и с фронта проходило тотальную цензуру. Из-за секретности запрещалось указывать дислокацию части, её вооружение, имена командиров, иные сведения, по которым можно было бы раскрыть подразделение. Но ведь и посвящать домашних в тяготы службы строжайше не позволялось! «Никаких упадочных настроений!» – в первый же день указал замполит. Оттого-то в основном сообщали о погоде, заверяли, что любят дорогих сердцу людей и что в части «кругом всё хорошо», – с рекомендуемым уточнением: «...а кормят сытно, вкусно, лучше, чем дома».

...В непрерывной борьбе с недоеданием прошли зима и часть весны. К маю отца, как окончившего десятилетку, направили на обучение в Моршанское военное стрелково-миномётное училище, готовившее младших командиров. Многие его преподаватели уже понюхали пороху и теперь умело передавали подчинённым богатый боевой опыт.

Занимались миномётчики по десять часов в сутки плюс два – самоподготовки, совмещая учёбу с несением гарнизонной службы и во внутренних нарядах. Осваивали многие виды вооружений – от винтовки Мосина до миномётов различных систем. Изучали тактику, инженерное дело, топографию, санитарное дело. Но особое внимание уделялось огневой подготовке. Пулемёт «Максим» каждый знал до последнего винтика и мог применить его в различных видах боя.

Однако продовольственное обеспечение курсантов оставалось таким же бедным, как и раньше в военных лагерях. При огромной физической нагрузке будущие командиры питались по той же тыловой норме. Однообразно, малокалорийно, почти впроголодь. (Теперь уже не секрет, что это являлось нормой жизни и для других армейских училищ.) Отсюда извечная тема курсантских разговоров: «Скорей бы на фронт, уж там-то точно получше кормят». Зачастую писали рапорты о досрочной отправке на театр военных действий – мнилось, что в реальной боевой обстановке вся жизнь изменится, а ежедневный смертельный риск горячие головы не брали в расчёт. По молодости-то многие убеждены в своей счастливой звезде. Но цифры потерь беспощадны: за 1942–1945 годы только Моршанское военное училище подготовило для Красной Армии более десяти тысяч офицеров, и почти девяносто процентов из них погибли в боях. В те дни «Я» стало незначимым, его заменило могучее «Мы». Ведь единственным смыслом жизни всех фронтовиков было спасение Родины любой ценой, разгром клятого врага...

При всём при том мечта о вождённой «двухдесяточной» глазунье так и не покидала бойца, заявляя о себе – то во время напряжённой учёбы или на физподготовке, то при несении «нарядной» службы или на хозработах, а порой даже в койке перед глубоким сном.

Отцу не суждено оказалось окончить курс обучения полностью: фронт настойчиво требовал людей. Вместо погон младшего лейтенанта ему и его однокашникам вручили сержантские, торжественно напутствовали на городском стадионе – и вот уже набирающий скорость состав с необстрелянными бойцами отправился в пекло сражений...

Новоиспечённый сержант Михаил Ошевнев прибыл на 3-й Украинский фронт, в один из моторизованных миномётных полков, и там командовал расчётом 122-миллиметрового миномёта. Вскоре он заслужил свою первую боевую награду – нагрудный знак «Отличный миномётчик».

К сожалению, об этом достаточно длинном – по фронтовым меркам – периоде армейской жизни отца не знаю практически ничего.

Помню только, как он упоминал, что в десантные войска попал осенью 1944-го. Много позднее, призвав на помощь интернет, я узнал, что как раз тогда в составе ВДВ была создана Отдельная гвардейская воздушно-десантная армия. В один из её корпусов входила 8-я гвардейская Первомайская воздушно-десантная дивизия, прибывшая с Воронежского фронта для доукомплектования. Затем – в связи с расформированием армии в конце декабря – соединение было переименовано в 107-ю гвардейскую Первомайскую стрелковую дивизию. В её составе был 352-й гвардейский стрелковый полк (ГСП), где в миномётной роте отец в дальнейшем воевал командиром отделения.

В феврале–марте 1945-го он с боями прошёл немалую часть Венгрии. Но так уж вышло, что за те сражения к правительственным наградам представлен не был.

Зато о дальнейшем его боевом пути, уже по Австрии, поведали наградные листы, которые моя дочь нашла в сети (орфография и пунктуация их сохранены):

«Тов. Ошевнев М. Ф. в бою 3 апреля 1945 года за город Винер Нойштадт проявил смелость и отвагу. Его миномётный расчёт всё время в бою действовал неотступно со стрелковыми подразделениями. Подавлены две вражеские пулемётные точки противника и уничтожена одна немецкая миномётная батарея, тем самым было обеспечено дальнейшее продвижение батальона.

Достоин Правительственной награды – ордена «Красная Звезда».

Командир 352-го гсп гвардии подполковник Шутов».

А также:

«Гов. Ошевнев Михаил Фёдорович в боях 10–12 апреля с/з в городе Вена действовал мужественно и отважно. При форсировании Мало-Дунайского канала он подавил три огневые точки противника, тем самым обеспечил продвижение наших стрелковых подразделений. При отражении вражеских контратак огнём из миномёта уничтожил два расчёта танковых пулемётов и до 25 немецких солдат и офицеров.

Достоин Правительственной награды – ордена «Славы» III степени.

Командир 352-го гсп гвардии подполковник Шутов».

Сам же отец рассказывал, что перед Венской наступательной операцией, начавшейся 5 апреля, город представлял собой настоящую крепость. На подходе к нему были открыты сплошные противотанковые рвы, улицы пересекали баррикады, каменные дома напичканы огневыми точками, мосты минированы. В ожесточённых боях немцы не раз пытались контратаковать. Бои шли за каждый квартал, за любое здание, не стихая ни днём, ни ночью. И лишь 13 апреля после решающего штурма столица Австрии наконец была освобождена полностью.

Позднее учредили медаль «За взятие Вены», и отец был награждён ею – как раз вместе с вручением двух вышеназванных орденов уже летом 1945-го.

Однажды он упомянул, что незадолго перед Венской операцией у него пропала опасная бритва. Сам потерял либо кто-то под шумок тиснул – случилось на фронте, увы, и такое, – в общем-то сути не меняло. Щетина у него росла густая и быстро – бриться начал с четырнадцати лет, – а командиры требовали от бойцов, ко всему прочему, и «опрятного внешнего вида». Вот и приходилось одалживать личное средство гигиены то у одного, то у другого сослуживца. «Опаску» давали, но явно нехотя. А магазина мужских принадлежностей поблизости не наблюдалось...

И вот в один из дней штурма Вены отец и ещё несколько солдат прочёсывали богатый двухэтажный дом, ища затаившихся врагов. Ни их, ни хозяев особняка не обнаружили. Зато в ванной отец углядел на полочке под зеркалом две опасные бритвы «Solingen». И ещё – станок для бритья: стальная, с тяжёлой рукояткой, богато украшенной мелкой резьбой. В самом низу рукоятки, по окружности, шла тончайшая гравировка: «ASAN Patent Colonna». Станок вкладывался в защёлкивающуюся металлическую коробочку, выстланную фиолетовым бархатом. Внутри неё имелись два миниатюрных ящичка, открытых с торца, – для хранения безопасных лезвий. И ящички, и коробочка – никелированы.

Бритвы и станок с коробочкой для переноски отец забрал в качестве трофеев. Впоследствии, уже на 40-летие Победы, станок он подарил мне, как раз приехавшему к родителям в отпуск, – на память о своём фронтовом прошлом.

Нештатный момент меж боями. Перед форсированием Мало-Дунайского канала бойцы миномётной роты стали свидетелями зрелища не для слабонервных. На берегу лежала туша убитой и уже разлагающейся лошади. Из канала на влекущий запах устремились сотни раков. Они едва ли не полностью облепили убоину шевелящимся ковром, а из воды спешили всё новые членистоногие, желающие полакомиться падалью, и бесконечной колонной «маршировали» к «ароматной» пище.

Ни один из солдат тогда на дармовую армию усачей не польстился. Отец после этого случая раков уже не ел, хотя раньше, подростком, с товарищами не раз вылавливал их из деревенской речушки и варил в ведре на костре.

Надо сказать, что к тому времени его личная «едовая» мечта не столь часто уже напоминала о себе. В боевых условиях питались и верно лучше, чем в тылу.

Что ж, тогда вся страна работала на фронт и туда же направлялась основная масса продовольствия. Десятки тысяч армейских поваров старались улучшить и разнообразить рацион бойцов. И немало ветеранов с годами уверяли, что вкус военных каш был отменен и несравним ни с каким деликатесом.

Довелось отцу отведать и трофейных продуктов из немецких сухих пайков. Супа из непривычного горохового концентрата, мясных консервов и сардин, консервированной колбасы и голландского сыра, кофе с добавкой цикория и ещё – шоколадных батончиков. И вовсе не понравились – горьковаты... А один из батиних сослуживцев, успевший повоевать в Германии и переведённый в миномётную роту после ранения, рассказывал, что немцы производят маринованные куриные яйца, которые закатывают в банки, и ему однажды выпало попробовать этот причудливый харч. На вкус ненашенский разносол оказался не ахти.

– Какие же фрицы идиоты – добро переводить! – возмутился тогда отец. – Да разве можно яичные консервы с глазуньей – с пылу, с жару – сравнить?! К тому же маринад наверняка во многом витамины убивает.

– Каждому – своё, – заметил сослуживец и не совсем в строку добавил: – Оно ведь что русскому хорошо, то немцу смерть. Вот от русской руки он свою смерть скоро и примет...

Теперь – об особом жизненном событии тех фронтовых лет. Апрельским вечером накануне боя у подножья австрийских Альп отца принимали в члены ВКП(б). Уже взрослым, я однажды спросил: как сформулировал он в своём заявлении причину, почему хочет стать коммунистом?

– Странный ты какой-то вопрос задал, сын, – ответил тогда папа. – В то время все бойцы писали одинаково: «Чтобы ещё лучше и больше бить фашистов...»

Сам я, отслужив несколько лет командиром взвода в учебном полку, куда попал после гражданского вуза – таких не прошедших военное училище офицеров кадровые армейцы едко именуют «пиджаками», – в КПСС не стремился. Но вот летом 1985-го меня вызвал к себе начальник политического отдела и огорошил вопросом: а до каких ещё пор я буду шлангом прикидываться? Так сразу и не понял, куда именно клонит подполковник. Но тут он взял быка за рога:

– Ты почему в партию не вступаешь?

Я стал объяснять, что, мол, пока не созрел носить высокое звание коммуниста... На деле же прекрасно понимал, что в армии в случае проколов всегда отчитывают и наказывают дважды: как по командирской линии, так и по партийной. Да и с беспартийного (из комсомола уже выбыл по возрасту) спрос всегда меньше.

– Вот я и говорю: шланг, да ещё гофрированный, – гнул свою линию начпо. – Звание капитана получил, в Литературный институт поступил, а как в партию – так «не созрел»?! Ты мне тут ваньку-то не валяй! Авторучка с собой?.. Вот и отлично. Немедля пиши заявление!

– Мне ещё подумать надо... – сделал я жалкую попытку вырваться из цепких лап «ставленника ЦК», как кичливо именовал сам себя подполковник.

– Пока не напишешь, из кабинета не выпущу! – зло рявкнул он.

Я сдался и написал. Теперь, через много лет, понимаю: не получи я через год партбилет, меня бы не перевели впоследствии в окружную газету.

Вообще никогда бы туда не взяли. Все военные журналисты были обязаны быть партийными!

Согласитесь, абсолютно разные у нас с отцом оказались причины влиться «в первые ряды строителей коммунизма».

Победу отец встретил в Чехословакии...

А 23 июня 1945-го вышел Закон «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии». Согласно ему в последнюю, шестую, очередь из Вооруженных Сил в феврале–марте 1948 года должны были уволить всех бойцов 1925 года рождения. Пока же – поди-ка, старший сержант Михаил Ошевнев, ещё послужи. В Звенигородке Черкасской области и снова в десантной части.

В первый же свой после призыва отпуск на малую родину отец прибыл лишь в конце сентября 1947-го. Со слезами встретившая его, сильно постаревшая за годы расставания мать – а ей не исполнилось тогда ещё и сорока пяти – сообщила, что уже дважды ездила в облвоенкомат, в Воронеж, но никаких сведений о пропавшем без вести муже так и нет, – и уткнулась в сыновью широкую грудь, на которой тихо звякнули фронтовые награды...

На следующий день по случаю приезда отца состоялось скромное застолье, на которое были приглашены родственники.

На той трапезе виновник торжества и поведал гостям о своём заветном армейском желании. А мать это запомнила. И два дня спустя, усадив сына завтракать, торжественно поставила перед ним большую сковороду с приготовленной на сливочном масле глазуньей, щедро украшенной петрушкой и луком. Часть яиц ей пришлось занять у соседок, чтобы все «утренние» были...

Радость, праздник, эйфория! Отец сидел в родной избе, помнившей его первые шаги, рядом стояла дождавшаяся наконец-то сына с войны счастливая мать, всё крестившаяся на простенькие фольговые иконы в переднем углу – бабушка была истово верующей (увы, она умерла, так и не узнав о судьбе мужа; сведения же о пленении деда и его гибели в концлагере в апреле 1942-го я лишь в третьем тысячелетии разыскал через интернет), а на столе перед ним – воплощение его голодных грёз пороховых лет...

Спасибо тебе, самая лучшая на свете мама!

Есть такой махровый литературный штамп: «Ком подступил к горлу». Это случается при сильном волнении, вызывающем спазм мышц гортани. У отца тогда так и произошло. Чтобы успокоиться, ему пришлось выхлебать кружку колодезной воды. Затем он невольно, почти по-детски пересчитал цельные желтки. Да, ровно двадцать! И, вооружившись старинной вилкой с деревянной ручкой и большим куском ржаного хлеба домашней выпечки, принялся за явно удавшуюся глазунью, время от времени прихлёбывая из стакана свежего молока...

Вот съеден первый желток... третий... пятый... Странное дело – возникшее чувство эйфории угасало с каждым проглоченным яйцом. Шестой желток... седьмой... Зато нарастало душевное опустошение: на глазах исчезало то, что в мыслях так долго желалось получить. Восьмой... девятый желток... Мечта по-своему вдохновляла, но ведь совсем не ради того, чтобы в итоге от пуза наесться, воевал папа сам и канул в небытие его отец, а мать на пределе сил пласталась в тылу, внося свой крестьянский вклад в Победу.

Десятый желток был последним, который, принудив себя, одолел папа. Поблагодарил мать, уговаривавшую сына покушать ещё: мол, ведь ты так хотел яичницы, съел же лишь половину сковороды... Но он решительно отказался, оставив «недоеденную мечту» на столе, вышел из избы и присел

на лавочку в палисаднике, меж двух берёз, которые на следующий день после свадьбы посадили родители. Почти за четверть века белоствольные деревья вымахали метров на пятнадцать, если не выше.

Отец чувствовал себя смятённо, сознание противилось происшедшему.

«Так, чтобы убить желаемое, его просто надо целиком исполнить?» – непривычно размышлял он.

До конца разобраться с безрадостным свершением вожделенного он так и не смог. Но это-то как раз было жизненно, обыденно. Никто ведь не обязан постоянно уяснять свои поступки – в данности всё обстоит куда проще. Деревенский парень, пусть и прошедший фронт, отец тогда не догадывался, что в создании «глазуньичной» фантазии участвовала лишь куцая часть его психики, без конца подпитываемая голодом. Это не хорошо и не плохо, подобное случается сплошь и рядом. И над такими ситуациями «непостижения себя самого» нет смысла задумываться. На лавочке же под берёзами он лишь трудно, надрывно принял, что его давняя армейская мечта умерла и похоронена – мимовольно, тихо, без почестей.

Именно в тот день было принято важнейшее решение: после демобилизации поступать в пединститут на исторический факультет.

Отец пока не знал, что ему придётся отслужить в войсках ещё два с половиной года. Командование части никак не желало его отпускать, открыто нарушая сроки демобилизации. Ведь к тому времени он стал лучшим старшиной роты в полку. Вот его всяко и склоняли остаться в армейских рядах на постоянной основе. Так что уволиться на гражданку ему удалось лишь в апреле 1950-го.

Поступить в вуз, с учётом боевого прошлого, оказалось не столь уж и трудно. Зато учиться все годы только на «отлично», вести большую общественную работу, участвовать в работе учёного совета – выборным представителем от студенчества, – и на третьем курсе стать Сталинским стипендиатом – вот это потребовало колоссальных усилий. А дальше предстояло создать семью. Завести детей. Достойно вырастить их. После прохождения военных сборов в 1956-м и присвоения звания лейтенанта постоянно сотрудничать с райвоенкоматом и, уже числясь в запасе, дорасти до подполковника. Тридцать лет сполна отдать учительскому служению в сельскохозяйственном техникуме в райцентре Усмань Липецкой области. Да и много чего другого сделать в новой, победительной жизни. Впрочем, это уже были именно дела, а не мечты.

А воспоминания о голоде военного лихолетья жили в памяти фронтовиков и тружеников тыла, верно, до конца их дней...

8 мая 1990 года.

Подполковник в отставке
М. Ф. Ошевнев
накануне Дня Победы

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

**Анатолий
КРИЩЕНКО**

ЧУРЕК

Его всю жизнь преследует обворожительный запах кукурузного чурека.

В 1947-м, далёком послевоенном году с хлебом было тяжко. В очередь за ним посылали и пацанят. Вставали в четыре утра. Не все, конечно, а кого поднимали родители: Кузьму, и Хасанчика, и хитрющего пчеловода Шурку, и Алку из соседнего подъезда, и дочку учительницы Верку.

Послевоенные босонята с весны до осени бегали без обуви. У кого имелись школьные сандалии, берегли.

Но речь не об этом: о маленьком вкусном чуреке, что принёс однажды полусонный Хасанчик в хлебную очередь. Он давал только понюхать свою кукурузную лепёшку. А когда его просили отломить куснятину, Хасанчик, отбегая, кричал:

– Догони! Догони!

Кузю пронзил тогда чуречный запах так, что закружилась голова. С отчаянием он посмотрел на сверкающие вершины горы и именно тогда дал себе клятву: «Когда вырасту большой, напеку таких чуреков выше нашего Эльбруса».

А Хасанчик в тот миг клятвы опять провёл рукой с чуреком у носа кореша и озорно позвал:

– Догони! Догони!

Обозлённый Кузьма-Кузя яростно принял вызов. Хозяин чурека в беге выдыхался, на ходу уже миролюбиво орал спасительные слова:

– За одним не гонка – человек не пятитонка.

Но шустрый Кузьма яростно преследовал бегуна, пока тот не приземлился на песок. Падая на мягкую кучу, Хасанчик на лету хотел проглотить свой чурек, уже чуть приподнял руку, но чурек с ходу проглотил тоже голодный Тузик.

Бегуны застыли от напряжения, глядя, как рыжий пёс быстро убежал в четырёхлапном собачьем галопе.

– Ворюга! – кричал вслед Хасан. – Я буду тебя казнить, Туз!

– Казнить, может, не надо, – возразил Кузьма, – но побить Туза надо.

– Нет, казнить надо! – громко выкрикнул Хасан, лёжа на песке. «Казнь» состоялась вечером.

-
- Анатолий Яковлевич Крищенко родился в 1939 году в городе Прохладный Кабардино-Балкарской АССР. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Прозаик, драматург, поэт. Публиковался в журналах «Подъём», «Волга–XXI век», в региональной печати и краевых литературных изданиях. Автор нескольких книг прозы и поэзии. Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Справедливый мир». Живёт в станции Марьинской Кировского района Ставропольского края.

А в то памятное летнее утро все дождались хлеба. Каждый малый добытчик основной еды домой возвращался гордым и радостным. И почти каждый очередник-малец по пути домой чуточку откусывал от уголков своей буханочки, и почти каждый за этот откус получал подзатыльник от вечно занятых и сварливых мам, бабушек и дедушек.

Отцов в послевоенных подраненных осколками домах почти не было, зато подзатыльники были. Но что такое подзатыльник?! Да ничегошеньки по сравнению с крадеными откусками от ароматной хлебной буханки.

Ни-че-го-шеньки. Пустяк.

Домашние подзатыльники были для тех добытчиков безобидными. Затрещины босоногая детвора принимала как должное за свою невольную шкodu. А спать утром всем очень хотелось, но ещё больше хотелось хлеба...

Днём босоногая детвора подворывала дома еду для Тузика, поджидавшего их у магазина. Пёс отчаянно и преданно любил детей. Рыжий четвероногий друг радостно бегал за стайкой ребятишек, потому что любил не только подкормку, но и всех, всех детей послевоенной улицы Степной – в ямах и колдобинах от бомб.

Но почему Тузик тем утром совсем не полюбовно выхватил пахучий кукурузный чурек? По какому праву?

Рассерженные пацаны решили по-своему «казнить» пса за эту собачью выходку. В тот же вечер для приманки Хасан опять украл дома чурек. Конечно, вначале щедро поделился с товарищем по хлебной очереди.

У Кузи снова закружилась голова: он поневоле взглянул туда, где ему утром подмигивал Эльбрус. Но сейчас ему подмигивали звёздочки. И полуголодный мальчонка обещал себе: «Когда вырасту большим, то буду работать в пекарне и напеку горы хлеба и чуреков».

Клятва сбылась. Кузьма Антонович почти всю свою жизнь проработал в пекарне. Напёк действительно горы хлеба. Давно насытился сам. Но до сих пор удивляется, почему аппетитные запахи пекарни не притупили аромат того послевоенного чурека.

Почему так произошло? Может, потому, что сбылась тайна клятвы. А возможно, потому, что детство уходит, а память остаётся.

А с «казнью» Тузика вечером случилось вот что.

Кузьма по уговору с корешем кинул последний кусочек чурека собаке. Тузик вмиг проглотил угощение. А Хасанчик, сев верхом на Туза, быстро завязал на кольцеобразном хвосте приготовленное «ожерелье» из пустых консервных банок. И Тузик покорно лежал, не сопротивлялся. Пёс привык к шалостям добытчиков: терпел их ради хлеба и дружбы. Но такой коварной издёвки пёс не ожидал. Когда его отпустили, Туз привычно взмахнул хвостом. Раздался грохочущий консервный звон. Вся дворовая команда добытчиков попадала со смеху.

Рыжая собака с грохочущим «ожерельем» на хвосте ошалело мчалась по улице Степной и быстро скрылась в разбомблённом соседнем двухэтажном доме. Там в развалинах ещё жили бродячие собаки и бездомные послевоенные люди.

...Рыжий Тузик в хлебную очередь не приходил целых два дня. На третье утро появился. Босоногая команда шумно обрадовалась четвероногoму другу. Не стовариваясь, все до одного отщипнули от своей буханки любимцу.

И хотя потом пришлось детям расплачиваться привычными подзатыльниками, они были довольны.

Что такое подзатыльник по сравнению с дружбой?! Чепуха.

А на другое раннее утро Хасан снова украл чурек специально для Тузика. Глаза собаки светились в темноте. Мальчик гладил друга. И все были почему-то счастливы...

*Владимир Розовский
в молодости*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Подписано в печать 29 июня 2020 года.

Дата выхода в свет 30 июня 2020 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 41/29060

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Соборная, 42.

Тел. (факс): (845-2) 28-63-49.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2020.

© «Волга–XXI век», 2020.

Ошевнев М.Ф. и Стрельникова И.И., 27.09.1947

Владимир Розовский с женой

Мемориальный комплекс «Журавли» (2015)
Фото Анастасии Евдокимовой

